

К 1224611

el

Н. УГЛОВСКИЙ

ОГНИ
В
СНЕЖНОМ

Москва
1955

Н. В. УГЛОВСКИЙ

Ушел из жизни писатель Николай Васильевич Угловский, ушел в зрелом и мудром писательском возрасте, не дожив до пятидесяти лет, не дописав своих, может быть, самых дорогих страниц.

Николай Угловский родился в 1921 году в Велико-Устюгском районе Вологодской области. В 1941 году он окончил медицинский техникум и с августа находился в действующей армии, участвовал в боях против гитлеровской Германии и Японии. В 1943 году вступил в ряды КПСС. После демобилизации работал в ремесленном училище в Великом Устюге, а позднее—в редакции местного радиовещания и в районной газете.

Николай Угловский стоял у истоков литературного движения нашей области, был одним из создателей Вологодской писательской организации. Писать он начал рано, и в 1941 году был опубликован его первый рассказ. В 1950 году выходит в свет первая повесть Николая Угловского «Наступление продолжается». В этом же году он опубликовал и другую повесть «Снова в строю», а в 1954 году—«Огни в Снежном». Заслуженной популярностью пользовались его книги «У нас на Севере», «Подруги» и «Обида».

Николай Угловский был своеобразным прозаиком, сумевшим тонко передать психологию своих героев.

Жизненность тем и сюжетов придавала его книгам особую остроту и неизменно привлекала читательский интерес. Из жизни ушел добросовестный писатель, наш давний друг. Память о нем сохранится навсегда у тех, кто был с ним знаком.

Вологодская писательская организация.

Михаил Васильевич Угловский, 1971, Вологодская область

Н. УГЛОВСКИЙ

ОГНИ
В СНЕЖНОМ

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ КНИЖНАЯ РЕДАКЦИЯ

1954

Отв. редактор *К. Н. Гуляев.*
Технический редактор *Л. А. Веселовская.*
Корректор *С. И. Соколова.*

ГЕ03057. Сдано в набор 30.11.53 г. Подписано к печати 7.2.54 г.
Бумага $84 \times 108\frac{1}{32} = 3,625$ бум., 11,89 печ., 13,25 уч.-изд. листа.
Тираж 15.000. Цена 5 руб. Заказ 5277.

Обл. типография «Красный Север», Вологда, ул. К. Маркса, 70.

Володя ехал в город за покупками. Он давно мечтал об этой поездке, но лишь сегодня мастер нашёл возможным отпустить его на два дня в райцентр.

Володя заранее предвкушал предстоящее ему удовольствие. В самом деле, разве это не удовольствие — озабоченно рассматривать шерстяные или шёлковые ткани, готовые костюмы, мимоходом осведомляться о ценах и затем, к удивлению продавца, выбрать самый дорогой товар? Почему-то Володя был уверен, что продавец непременно должен удивиться его выбору, хотя, ведь, известно, что для продавца все покупатели одинаковы, и он вовсе не обязан знать, что всего четыре месяца назад Воронков, ученик школы ФЗО, не только не мог думать о каких бы то ни было крупных покупках, но даже на билет в кино у него частенько недоставало денег.

Странное чувство испытывал он, сидя в теплушке узкоколейной железной дороги и бесцельно поглядывая на опущенные первым снегом ели, мелькавшие за окном. Было и весело, и страшновато от мысли, что в городе, с непривычки, он вдруг допустит какую-нибудь оплошность и домой вернётся ни с чем. Нет, не в новом костюме было дело, с костюмом Володя мог бы и подождать. Беспокойно ёрзая на холодной скамейке теплушки, думал он сейчас совсем о другом. В десятый раз ощупывал он нагрудный карман, где лежало письмо от Галочки Лавдовской, которую в мыслях своих Володя давно уже считал своей невестой.

Письмо он получил недели две назад и с тех пор твёрдо решил повидаться с Галей, поговорить с ней так,

чтобы между ними не осталось никаких неясностей. Не оказался бы только преждевременным и этот разговор, каким было первое его признание, недоверчиво встреченное Галей.

Воронков был убеждён, что они не могли не встретиться, хотя бы и проживали в разных городах. Разубедить его в этом не смогла бы даже Галя. Знакомство их произошло гораздо проще и естественнее, чем представлялось теперь Володе после трёх месяцев разлуки. Галя училась в медицинском техникуме, находившемся рядом со школой ФЗО. Дружба между медичками и «фезеошниками» велась издавна: у них и самодеятельность была общей, объединённый драмкружок ставил серьёзные классические и современные пьесы. В драмкружке и увидел Галю впервые Воронков. Долгое время они почти не замечали друг друга, но привелось им как-то вдвоём возвращаться с репетиции домой — и с того вечера Володя стал искать с нею встреч.

Учиться Воронкову оставалось ещё два месяца, и договориться с девушкой о будущем, думалось ему, времени вполне хватит. Но как быстро пролетели эти два месяца! Десятого июля он был с Галей в кино, в тот же день познакомился с её матерью, она понравилась Володе. И вот — выпускной вечер. Он волновался, поджидая Галину у дверей клуба, порывался бежать к ней на квартиру, даже за ворота дважды выходил, но дальше ноги не шли — не позволяла гордость. «Не идёт — и не надо», — зло говорил он себе и в то же время чувствовал, что если она не придёт, вечер для него будет испорчен.

Галя прибежала в восьмом часу, запыхавшаяся, разгорячённая, с таким милым, извиняющимся выражением лица, что досада Володи мгновенно испарилась. Он даже не спросил её о причине опоздания, молча взял за руки и, украдкой оглянувшись, прикоснулся губами к горячему Галиному виску.

— Мама задержала, ты не сердись... Так куда же ты получил назначение? — почему-то вполголоса спросила она, высвобождая свои пальцы из его рук.

— В Крутогорский леспромхоз. Это недалеко. Я буду приезжать. А ты, значит, здесь остаёшься?

— Конечно. Куда же я от матери поеду, ей ведь скоро на пенсию выходить. Я уже устроилась, буду работать в хирургическом отделении.

— Уже устроилась? — разочарованно повторил Володя. Хотел было спросить: «А я-то как?», но, вместо этого, торопливо сказал: — Ладно, потом поговорим. Идём танцевать. Я уже думал, ты не придёшь. Что бы я тогда делал здесь?

— Танцевал бы, наверно, — рассмеялась она. — Гляди, сколько тут девушек. Ни на одном спектакле так много не бывало.

— Вот ты всегда так, — недовольно сказал Володя. — Не можешь ты быть серьёзной, Галочка, честное слово.

— Давно ли ты сам серьёзным стал? Не успел школу окончить и уже загордился.

— Мне пока нечем гордиться, — негромко проговорил он. — Вот поработаю, тогда будет видно.

Вопреки ожиданиям, вечер прошёл невесело. Мысль, что завтра ему уезжать, ни на мгновение не покидала Володю. И Гале, видимо, было не по себе. Они рано отправились домой и долго бродили молча по ночным пустынным улицам, прижавшись друг к другу.

И вот снова предстояло ему побывать в городе, встретиться с Галей и, может быть, осуществить то, о чём он мечтал эти четыре месяца: увезти Галину с собой в Снежный. Однако, попробуй, угадай, что ответит она на его предложение. Всё-таки они, видимо, ещё плохо знают друг друга. Но ведь он любит её, а это главное. Удастся ли ему убедить Галю в искренности своих чувств?..

Рано утром поезд добрался до Крутой Горки. Фабричный посёлок раскинулся на холмах, из окна вагона хорошо были видны его кривые улицы. Деревянные дома, густо облепившие крутые склоны, казались выбеленными осевшей на стенах и окнах изморозью. Из многочисленных труб валил белый дым, только из высокой кирпичной трубы льнокомбината вилась угольно-чёрная волнистая лента.

Пассажиры, в большинстве приехавшие по делам в леспромхоз из глубинных лесопунктов, торопливо покидали вагон. Автобус в райцентр отходил через час, но Володя вместе со всеми поспешно вышел из вагона, чтобы заблаговременно запастись билетом на автобус.

* * *

Приехав в город, Володя пошёл по магазинам. Он знал, что до шести часов вечера Галя будет на работе.

и решил пока кое-что купить. Прежде всего ему нужен был костюм, причём такой, чтобы не стыдно было появиться в посёлковом клубе, ведь лесорубы — народ богатый, одеваться любят хорошо и сумеют по достоинству оценить добротную вещь.

«Уж я не промахнусь с покупкой», — весело думал Володя, крупно шагая по знакомым заснеженным улицам.

Однако в первом же магазине настроение Володи понизилось, а побывав ещё в двух, он вовсе растерялся. Костюмов было множество, но выбрать из них один-единственный казалось положительно непосильной для Володи задачей. Стоило лишь ему надеть костюм для примерки и подойти к зеркалу — всё казалось не то: и материал не нравится, да и костюм сидит неважно. «Главное, посоветоваться не с кем, — растерянню думал он. — Нет, видно, без Гали тут не обойтись. Всё-таки она лучше разбирается в этих делах. Какой ей понравится, тот и возьму. Очень просто».

У него вдруг возникла мысль, что неудобно, пожалуй, явиться к Гале без подарка. Он вернулся к прилавку и, не зная, что выбрать, задумался: хотелось подарить ей что-нибудь изящное и долговечное. И Володя выбрал маленькие ручные часики.

Ровно в шесть часов Воронков стоял у дверей её квартиры, смущённый, что явился рано. Галя обычно приходила в половине седьмого, но ждать дольше у него не хватало терпенья. Осторожно постучался. За дверью зашаркали шлёпанцы, и Володя тотчас отметил: «Это мать. А вдруг она отправит меня обратно, что тогда?..». Матери он стеснялся и даже побаивался, хотя в первый раз, летом, она приняла его благожелательно.

Дверь отворилась, и на пороге, надевая очки, появилась пожилая женщина в длинном домашнем капоте.

— Вы к кому, гражданин?

— Это я, Марья Тимофеевна, Володя Воронков, помните? — поспешно сказал Володя, снимая шапку.

«Надо было попозже прийти», — тоскливо подумал он, глядя на холодно отсвечивающие стёкла очков.

— Ах, Володя! — радушно кивнула хозяйка и шире распахнула дверь. — Давно вас не было видно. Ну, проходите в комнату, раздевайтесь, давайте ваш чемодан.

— Спасибо. Я ведь не надолго, — растерянню говорил

он, снимая пальто. Бегло оглядев комнату и убедившись, что Гали нет, Володя заметил:

— А у вас всё попрежнему, Марья Тимофеевна, ничего не изменилось. Вошёл — и такое у меня впечатление, будто вчера только здесь побывал.

Марья Тимофеевна добродушно-лукаво ответила:

— Значит полюбилось вам у нас, коли обстановку нашу запомнили... Выросли-то вы как, Володя, я вас не сразу и узнала, а фамилию я запомнила хорошо, письма от вас часто мы получали. Вот они на тумбочке лежат, целая стопка. Где же вы теперь живёте, по каким делам сюда приехали?

Упоминание о письмах несколько смутило Володю, но он не подал виду, подсел поближе к столу, охотно ответил:

— В лесу живу, Марья Тимофеевна. Посёлок Снежный, за Крутой Горкой недалеко, — слышали, наверно? О нём, между прочим, в газете писали.

— Нет, не слышала. Может, и читала да забыла. И большой посёлок?

— Порядочный. Скоро, пожалуй, Крутую Горку обгонит. У нас строительство идёт.

— Что же строят? Завод какой или фабрику?

— Фабрика — это что! У нас целый комбинат по заготовке леса создан. По шестисот кубометров в день отгружаем, подсчитайте-ка, сколько это в год выйдет... Большие тысячи! Вот что значит наш Снежный.

— Вон оно что, — кивнула Марья Тимофеевна, с возрастающим любопытством и удивлением рассматривая возмужавшее, обветренное, оживлённое лицо гостя: нет, не таким он был летом, месяца четыре назад. — А я-то думала... А кем же вы там работаете, Володя?

— Мотористом, электропилой управляю. Моя задача — спилить как можно больше деревьев, а там уж их другие люди от сучьев очистят, тракторы на верхний склад отвезут, а кран на платформы погрузит. Вот, в общем, и вся наша технология.

Насчёт крана Володя соврал, лес на их участке грузили пока вручную, однако он и не подумал поправиться, чтобы не снизить впечатление от своего рассказа.

— Понимаю, Володя, понимаю, — снова закивала головой хозяйка и только хотела ещё о чём-то спросить, как в комнату вошла Галя.

— Опять снег идёт, мама, — весело объявила она и, не узнав сидевшего к ней спиной Володю, сдержанно проговорила: — Здравствуйте.

— Здравствуй, Галя, — вставая, сказал Володя; на лице его, до этого оживлённом, застыла напряжённая улыбка.

— Ой, Володя приехал! Вот не ожидала. Что же ты не предупредил, я бы пораньше пришла. Сегодня приехал? — Она крепко пожала ему руку, и Володя, забыв, что они не одни, излишне долго не выпускал её тёплую мягкую ладонь из своей.

— Я же писал, что приеду, только день не я выбирал, а начальство. Отпуск этот мне зарабатывать пришлось, да ещё как! Мастер условие поставил — по пятисот деревьев за смену валить, иначе, мол, не отпущу в город. Ну, я и поднажал.

— Представляю, — рассмеялась Галя. — А ну, повернись... Нет, на лесоруба ты не похож. Правда, мама?

— А на кого же я похож? — спросил он, любуясь её раскрасневшимся, чуть влажным от растаявших снежинок лицом, блестящими, весело возбуждёнными серыми глазами; каждая чёрточка на этом свежем, здоровом лице была ему мила и знакома, и только присутствие Марьи Тимофеевны удерживало Володю от более бурного проявления радости, переполнившей его в эту первую минуту встречи.

— На молодого техника больше, — только галстука да портфеля недостаёт, — уже явно подшучивая над ним, ответила девушка.

— А ты думала, лесоруб обязательно должен быть в ватных штанах и с топором за поясом? — усмехнулся Володя и серьёзно добавил: — Я и есть техник, а галстук могу в любое время купить.

— Ну, не знаю, какой там из тебя вышел техник, но подрост ты, действительно, здорово, — отозвалась Галя. — Давайте-ка ужинать. Ты надолго приехал?

— На два дня. В лесу сейчас дела много.

Как ни отказывался Володя, ему пришлось-таки сесть за стол, но ел он мало, да и завязавшийся общий разговор о городских новостях отвлекал его. Ему приятно было, что Марья Тимофеевна вскоре стала говорить ему ты, как бы давая понять, что считает его своим человеком в доме.

Освоившись, Воронков обрёл свойственную ему не принуждённость и после ужина пригласил Галю в кино. Она вопросительно взглянула на мать, и Марья Тимофеевна, отстраняя дочь от кухонного столика, с притворной ворчливостью сказала:

— Иди, я сама с тарелками управлюсь. Что же он будет дома сидеть, дусть прогуляется. В лесу, наверно, и кино раз в году бывает.

— Что вы, Марья Тимофеевна, — обиделся Володя. — У нас клуб есть, и кино мы аккуратно три раза в неделю смотрим. Я думал, может, Галя ещё не видела «Мусоргского», вот и пригласил.

— И верно, не видела. Говорят, прекрасный фильм, — подхватила она и, не теряя времени, накинула на плечи шубку. — Ты, мама, дверь не запирай, я скоро приду.

Явились они в кино рано, и Володя, обрадованный тем, что теперь им никто не помешает, повёл Галю в буфет, купил ей конфет и пирожного, а себе пива, и, усевшись за самый дальний столик в углу, нетерпеливо спросил:

— Ну, как ты живёшь, Галочка? Что нового? Рассказывай. Очень, знаешь, соскучился я по тебе, даже во сне не раз видел.

— Уж и во сне... — недоверчиво протянула Галя.

— Честное слово. Когда вместе были, я всё это иначе себе представлял, а теперь понял, какое это важное чувство — дружба... — Володя вдруг покраснел, осознав, что сказал нескладно и не совсем то, что хотел выразить; зажигая папироску, закончил: Что же ты, Галя, молчишь?

— Я слушаю... Я уже писала тебе — нового у меня ничего нет, всё по-старому. Работаю там же, прежние подруги все разъехались кто куда.

— А у меня всё новое. Нравится мне там, в Снежном.

«Сказать, что я за прошлый месяц две тысячи заработал? Ещё подумает, что хвастаю. Нет, не стоит сейчас об этом говорить. Хотя, ведь, за никудышнюю работу две тысячи не дадут, это известно всякому».

Однако о деньгах Володя умолчал — его занимало другое. Отставив недопитый стакан, негромко, но твёрдо произнёс:

— Всё нравится — и работа, и новые друзья, одного голько недостает — тебя, Галочка...

Она, потупив глаза, поспешно ответила:

— Ну, вот ещё! Что же мне — тоже в лес ехать?

— А почему же нет? — горячо заговорил он, грудью опершись о крышку стола. — Едут же другие девушки, и ни одна не вернулась, всем дело по душе нашлось. А ведь они не к мужьям ехали, понимаешь?.. Выходит, если бы я в городе жил, ты бы мне поверила, а раз в лесу — и верить нельзя?

— Я не сказала, что не верю, с чего ты взял? — смущённо ответила девушка.

— Да, дело, конечно, не в том, ты права, — упавшим голосом проговорил Володя; он, наконец, встретился с ней глазами и почти резко спросил: — Значит, ты не поедешь, Галя?

Она сделала нетерпеливый жест рукой и заговорила, волнуясь:

— Да разве можно ответить вот так, сразу? И причём тут какие-то девушки? Если бы я выучилась на электропилищика, я тоже давно была бы в лесу, а не в хирургическом отделении. Нет, дай мне сказать, — остановила она Володю, пытавшегося вставить слово. — Ты даже не спросил, люблю ли я тебя, а ведь мы не виделись четыре месяца. А если и люблю, то это ещё не значит, что я должна сейчас же всё бросить и ехать с тобой хоть на край света. У меня здесь тоже есть своя работа, есть мать, товарищи. Уж не собираешься ли ты один заменить для меня всё это? Ведь мы ещё так мало знаем друг друга... — Неожиданно для себя она тепло улыбнулась ему. — Помнишь, я как-то упрекнула тебя в легкомыслии? И вдруг ты начал такой разговор. Обдумал ли ты всё как следует, Володя?

— Если бы не обдумал, я не приехал бы к тебе, Галя, — серьёзно сказал он. — Ты говоришь, что мы мало знаем друг друга. Неужели мало? А мне кажется, тебя я знаю уже лет десять, и маму твою знаю не меньше. Хочешь, я с ней поговорю?

— Ну, нет, лучше я сама. Только ты уж, пожалуйста, не торопи меня с этим. Я подумаю...

— Да нет, что ты, я вовсе не тороплю, — скрывая обиду, бодро ответил Володя; он наполнил второй стакан и внезапно предложил: — Выпьешь пива, Галя?

— Выпью, — оживляясь, кивнула она и, распахнув шубку, уверенно подняла стакан. — За встречу!

— За встречу, — тихо ответил Володя, однако пить медлил; то, что сказала ему девушка, взволновало и обидело его, хотя он и чувствовал справедливость её доводов. Володе хотелось ответить ей, но нужных слов не находилось. Мысль его всё время вращалась вокруг Снежного, и он снова заговорил о нём, хотя и без прежнего воодушевления:

— Ты сказала, что ничего нового у тебя нет, а вот у нас каждый день что-нибудь интересное происходит. А люди какие, посмотрела бы ты! По-твоему, лес — это такая дикая глушь, что там и горизонтов не видно. Это прежде так было, а теперь у нас ходят поезда, от гудков, бывает, всю ночь не заснёшь. По вечерам Снежный не хуже любого города освещён, глянешь на всю эту красоту — и на душе светло становится.

— Гудки гудят, электричество горит... Ох, и мастер ты расписывать, — улыбнулась Галя. — Я к вам с экскурсией приеду, проверю твои слова, — пошутила она, но тут же, заметив помрачневший взгляд Володи, ласково добавила: — Ну, ну, не злись, я в самом деле когда-нибудь побываю в твоём Снежном. Если, конечно, пригласят...

Раздался первый звонок. Галя, встав, взяла Володю под руку. Он взглянул на неё, улыбнулся, отвёл её руку и сам подхватил девушку под локоть.

После кино они направились прямо к дому. У калитки Володя остановился, взял Галю за плечи и крепко к себе прижал.

Она коснулась щекой его холодного, чисто выбритого подбородка и глубоко вздохнула.

— До завтра, Галя, — сказал он нежно.

Девушке почему-то стало его жаль.

— Подожди, ты куда же? Где ты ночуешь? — спросила она.

— Тут, недалеко, у приятеля, — сказал Володя, раздумывая, куда бы ему пойти; знакомые у него в городе были, но ни одного адреса он не помнил. «В крайнем случае, в гостинице переночую», — решил Володя.

Галя, не задумываясь, предложила:

— Пойдём к нам. На диване ты отлично устроишься. Незачем куда-то идти, да и время позднее, все спят.

— Нет, неудобно, — замялся Володя. — Неизвестно, как твоя мать на это посмотрит. Всё-таки я ей пока мало-знакомый человек.

— Ну, глупости. Она не станет возражать, я-то знаю. Пойдём, нечего там.

Она решительно повела Володю к крыльцу.

Марья Тимофеевна уже спала. Галя зажгла свет, быстро сняла шубку, принесла из соседней комнаты подушку, простыню и одеяло, положила всё это на диван и весело объявила:

— Вот, пожалуйста, ложись и спи.

— Спасибо. Слушай, Галя, ты не можешь ли взять завтра выходной?

— Я сутки отдежурила, завтра свободна. А что?

— Понимаешь, какое дело... — Володя поморщился и смущённо договорил: — Костюм бы надо купить, ну, и девочки наши кое-что заказывали, а я в этих делах разбираюсь плохо. Не поможешь ли?

— Нет уж, избавь. Тебе заказывали, ты и выбирай. Откуда я знаю вкусы ваших девочек? Не люблю в этих делах советчицей быть.

— Да я не о девочках, — окончательно смутился Володя. — Какая же ты, ей-богу... Ну, не хочешь помочь — и не надо. Не в этом суть. Пройтись мне с тобой по городу хочется, вот я к чему...

— Ну, и я к тому же, — усмехнулась Галя, подходя к выключателю. — Спокойной ночи.

Но тут Володя вспомнил про часы и торопливо сказал:

— Одну минутку, Галочка. — Он вытащил из кармана коробку с часами, открыл её и подал девушке. — Правда, хорошенькие?

Галя посмотрела на часы, потом на Володю, снова перевела взгляд на покупку и с нескрываемым недоумением проговорила:

— Но ведь это дамские часы. Зачем они тебе?

— Ну, ясно, мне ни к чему. Я себе карманные взял. Это тебе от меня подарок, понимаешь?

Володя неловко попытался передать коробку Гале, но она быстро спрятала руки за спину.

— Честное слово, тебе. Мне теперь, если хочешь знать, одинаково, кому покупать — себе или тебе. Тебе даже приятнее, — скороговоркой сказал Володя.

— Нет, Володя... — Галя круто повернулась и быстро пошла к двери. Она даже не оглянулась и только минутой спустя, приоткрыв немного дверь, заглянула в комнату.

— Спокойной ночи, молодой техник, — шутливо сказала она и вновь скрылась за дверью.

— Спокойной ночи, Галя, — сухо ответил Володя, пряча в карман злополучную коробку с часами.

Устраиваясь на старинном, кочковатом от выправших пружин, диване, Володя недоумевал, почему так нескладно получилось с подарком. Думал, она обрадуется этим часам, а вышло наоборот. А ещё говорил, будто десять лет знает Галю! «Ну, что она теперь мне ответит? Даже и спрашивать неудобно. Эх, не так бы надо было к ней подойти, да сейчас уж поздно...».

II.

На третий день Воронков возвращался в Снежный. Утром он побывал в школе ФЗО, где недавно учился. Знакомых ребят, правда, там не осталось, зато мастера и преподаватели хорошо его помнили и встретили радушно. Он обошёл мастерские, заглянул в классы и всюду примечал что-нибудь новое — то, чего не было при нём. Во дворе, под навесом, стоял трелёвочный трактор, и Володя с удовольствием рассказал обступившим его ученикам, как чудесно работает эта машина в лесу. Затем ему принесли электропилу. Коротко разъяснив некоторые приёмы валки, применяемые у них на делянке, он тут же для наглядности проделал их на брёвнах, валявшихся возле дровяного сарая. Хотелось Володе свалить старый подсыхающий тополь, но огромное дерево окружали строения, и свалить его оказалось некуда.

Посещение школы и тёплый приём, оказанный ему, укрепили в Воронкове чувство собственного достоинства, веру в свои силы. Ученики смотрели на него как на заправского мастера, и Володя стремился оправдать это лестное мнение на деле. Быть может, поэтому, как только он сел в автобус, все его мысли сосредоточились на Снежном, на том, что ожидало его впереди. О Гале он вспоминал с двойственным, самому ещё не ясным чувством. Ярко и волнующе возникали в памяти первые минуты встречи, разговор в кино, а всё остальное проходило в памяти смутно, как во сне.

Почти весь второй день они пробыли вместе и ни разу не упомянули о вчерашней размолвке. Володя опасался неосторожным словом окончательно испортить отношения. Однако сейчас, припоминая подробности, он понял, что

отношения всё же испорчены. Правда, простились они гелю, Галя обещала непременно написать ему «большое» письмо, но в глазах её Володя читал одно: «Видишь, как мало мы знаем друг друга, и я не могу тебе сказать, когда мы встретимся...». «Но ведь я же люблю тебя, неужели этого мало?» — отвечали Гале глаза Володи. Неужели Галя не поверила ему?

Поверила, нет ли — неизвестно, но о будущем не удалось поговорить. И надо же было так случиться, что он обидел Галю своим подарком. Почему обиделась она?..

Припоминая свои летние встречи с нею, Володя вновь переживал счастье от близости любимой. Вот и вчера они шли по улице, оживлённо делясь впечатлениями от прошедшего дня. А когда, поднявшись на крыльцо, Володя ласково обнял девушку, она нежно прижалась к нему и доверчиво заглянула ему в глаза. Но почему же она ни разу не сказала, что любит его? Разговоры шли о работе, матери, подругах; она явно избегала прямого ответа. Быть может, она потому и обещала написать, что в письме легче высказать то, чего не хотелось говорить при встрече. Что ж, коли так, он ко всему готов.

Пытаясь отвлечься от тягостных мыслей, Володя вспоминал об участке. Обидно, черт возьми, если их поток попрежнему на последнем месте. Почему же так получается: условия на всех мастерских участках как-будто одинаковые, а результаты разные? Ну, конечно же, всё от руководства зависит. Взять хотя бы мастера Панкратова: в технике разбирается, к людям строг, порядок у него на потоке хороший. А Зотов устарел, нет уж у него той хватки, какая, говорят, была прежде. Неужели Панкратов так и будет держать первенство до конца сезона?

Доехав до Крутой Горки, Володя, не зайдя ни к знакомым, ни в контору леспромхоза, направился на станцию. Однако торопился он зря: теплушка ушла в Снежный. Дежурный сообщил, что вернётся она не раньше десяти часов вечера, а на порожник рассчитывать нечего: ни один кондуктор не решится везти человека на открытой платформе в такой морозный день. Позабыв, что ещё недавно он вместе со всеми лесорубами радовался ранней зиме, Володя недобрым словом помянул необычный в это время года мороз. Действительно, на платформе далеко не уедешь.

Он огорчённо огляделся, но, кроме дежурного, на стан-

ции не было никого, лишь в дальнем тупике трое рабочих разгружали прибывший состав с дровами. Володя, взвалив чемодан на плечо, решительно зашагал по шпалам к лесу.

Впереди блестели накатанные рельсы. Справа и слева тянулся опушённый снегом лес. Володя за последние месяцы настолько к нему привык, что попросту не замечал его, — точно так же, как, проходя по улицам, городской житель не замечает общего архитектурного облика издавна знакомых зданий. Между тем, стоило лишь Володе повнимательнее взглянуть в окружающее, и он с удивлением отметил дивную красоту зимнего леса. Издали он кажется тёмным и однообразным, а подойдёшь ближе — и увидишь, что каждое дерево выделяется своим особым причудливым убором. Ёлки покрыты густой зелёной хвоей, да и снег, опушивший ветви каждого дерева, создавал ему богатое убранство. У самой линии Володе попалась на глаза молодая ель с высоким, стройным стволом; залобовавшись ею, Володя даже замедлил шаги. Слегка осыпанная хлопьями снега, вольно раскинув загнутые вверх ветви, она стремительно тянулась к небу, горделиво покачивая верхушкой, словно всем говоря: «Вот я какая, смотрите...». Верхушка была тонкая и прямая, как стрела, нежные иглы густо покрывали её. А рядом другая ель — разлапистая, приземистая, похожая на заботливую старушку-няню, прикрывшую от непогоды своей мощной хвоей чуть поднявшийся от земли молодняк...

В другом месте, — это было уже километрах в шести от Снежного, — дорога шла по старой вырубке. Здесь сквозь снег пробивались редкие, маленькие ёлочки, а осинник и берёзки сплошь покрывали делянку и ростом далеко превосходили своих соперниц. Ну Володя знал: пройдёт несколько лет, и неприхотливая ель обгонит светлюбивую берёзу, заслонит её от солнца, и только сильнейшие из берёз, выжив, останутся посреди хвойного массива. Потом придут сюда люди, проложат сквозь чащу дороги, разобьют лес на делянки; кряжи, спиленные, быть может, уже сыновьями Володи, развезут поезда по всей стране — на шахты, на бумажные фабрики, на многочисленные новостройки...

Как ни торопился Володя, всё же засветло добрать-ся до Снежного не успел. Лишь в седьмом часу, уже в полной темноте, показались огни посёлка. Володя не зря

похвалился перед Галей, сравнив Снежный с городом. У посёлка были все данные, чтобы превратиться в ближайшем будущем в настоящий город: прямые улицы, двухэтажные дома, магазины, школа, просторный клуб с библиотекой. А ведь прошло всего лишь семь лет с тех пор, как здесь появились первые бараки лесорубов... Особенно радовали Володю частые паровозные гудки и множество электрических огней на путях. Огни эти не гасли до утра, и любой житель, выйдя в полночь на улицу, невольно забывал о том, что вокруг посёлка на сотни километров раскинулась тайга. О ней вспоминали, лишь когда смотрели на карту области. Снежный на карте был обозначен маленькой точкой, затерявшейся на зелёном фоне лесных массивов. И сколько таких точек было на карте! Скоро, пожалуй, Снежный уже не изобразишь точкой, для него потребуется кружочек покрупнее — такой, например, каким принято обозначать районный центр. И тогда наверняка не придётся ходить пешком, — не одна теплушка, а пассажирские поезда будут отправляться по точному расписанию в Снежный.

Улицы посёлка, хотя и ярко освещённые, были в этот час безлюдны. Лесорубы, только что вернувшиеся с работы, меняли намокшую одежду, мылись, ужинали. Проходя мимо конторы, Володя едва удержался, чтобы не зайти и не заглянуть на показатели вчерашней выработки потоков. «Ладно, узнаю у ребят», — решил он, надеясь в глубине души, что новости будут неплохими. Впрочем, нетерпение, с каким Володя спешил домой, объяснялось и тем, что за эти три дня он попросту соскучился по друзьям.

В комнату Володя зашёл без стука и потому застал ребят, занимавшихся каждый своим делом. Федя Куканов сидел перед зеркалом с намыленным подбородком и с бритвой в руке, Шурик Снопков пришивал подворотничок к гимнастёрке, а Теребов, по обыкновению, валялся на койке, даже не сняв мокрых валенок. Юрка Теребов первым увидел входившего в комнату Володю и приветствовал его каверзным вопросом:

— А, жених явился! А где же невеста?

— Таким рябым, как ты, что-то боязно невесту показывать, — ещё испугается и обратно уедет, — сердито ответил Володя, недолюбливавший слесаря за излишнюю болтливость и привычку всюду совать свой нос.

— Нет, взаправду? Привёз? Вот это — да! — бросив

гимнастёрку, воскликнул Шурик Снопков. — Где же она? В комнате у девчат?

— Да вам не всё ли равно? — сердито проговорил Куканов, вытирая лицо мокрым полотенцем. — Ишь, обрадовались, как будто для них невесту привезли. — Он протянул Володе обнажённую до локтя руку и радушно сказал: — Ну, с приездом, дружище. Как твои дела с Галей? В порядке?

— Само собой, — кивнул Володя. — Вот обзаведусь собственной квартирой и сразу пошлю ей вызов.

— Значит, не приехала? — протянул Теребов и многозначительно добавил: — Ну, я так и думал... Кому же охота за лесоруба идти?

— Это, брат, не твоего ума дело, — неокрепшим тенторком произнёс Шурик Снопков. Он откусил питку, надел гимнастёрку и подошёл к зеркалу. Повидимому, гимнастёрка была с чужого плеча, так как рукава пришлось подвернуть, зато воротник плотно облегал шею, и Шурик остался вполне доволен своей работой. Как все молодые люди, не бывавшие в армии, а тем более на фронте, Шурик предпочитал военную одежду всякой другой; впрочем, в гимнастёрке он действительно казался и выше, и солиднее. Подпоясавшись широким офицерским ремнём (подарок старшего брата), Шурик старательно пригладил ладонью спутавшиеся под шапкой волосы и лишь после этого спросил Володю:

— А то самое, что я заказывал, привёз?

— Как же! Подожди минутку, вот разденусь, покажу. И твой, Федя, заказ выполнил, не знаю только — понравится ли. Открывай-ка чемодан.

— С этим успеется, — сказал Куканов. — Ты ведь, наверно, есть хочешь? Пешком шёл? Ну, вот... Шурик, беги в столовую за ужином, живо.

— Сейчас, — схватив шапку, отозвался тот. — Постою, а посуду где взять?

— У девчат попроси.

Шурик выбежал в коридор.

«Беда с этой посудой, — внезапно подумалось Володе. — Даже кружки своей не имеем, всё казённое. Приедет Галина, а у меня ни кастрюли, ни тарелки. Надо, пожалуй, обзавестись своим хозяйством».

— Что нового в городе? Где был, кого видел? — заговорил Куканов, щуря тёмные глаза и пододвигая Ворон-

кову стул. — Садись, рассказывай. У нас всё пока по-старому, похвастаться особо нечем. Вчера, правда, отгрузили сто десять кубометров, а сегодня опять едва до ста дотянули. Я только семь рейсов сделал, а мог бы пятнадцать. Одним словом, больше стоял, чем работал.

— Плохо, — нагнувшись над чемоданом, глухо сказал Володя. — Я тоже новостей особых не привёз. Не за тем ездил, сам понимаешь... Был в своей школе ФЗО, с ребятами потолковал. Смышлёный народ. Пришлось, конечно, кое-что на деле показать, а то, знаешь, иные пилу в руки взять боятся. Жаль, тебя не было, там у них новенький трактор стоит, ты мог бы показать своё искусство.

Наконец, он вытащил из груды свёртков один, подал его Куканову.

— Вот возьми. Эти сапоги были на заказ сшиты, я перехватил. Хром — первый сорт.

— Спасибо.

Куканов не спеша взял свёрток, скрывая радость, ощупал сквозь бумагу покупку и, не развернув, положил на койку.

— Да ты примерь, может, они на ногу не полезут, — рассмеялся Терехов, суетливо помогая Володе разбирать остальные обновки. — Что ты стесняешься, чудак? Никто не отнимет твоих сапог, не бойся. Ах, да, я и забыл. Ты же, наверно, Женечку Милютину ждёшь? Давай я сбегаю за ней, пускай полюбуется. А то она, поди, думает, что тебе нечего надеть, потому и отказывается с тобой танцевать.

— Не твоё это дело, понял? — внушительно сказал Федя и, скрипнув стулом, поднялся, отошёл от стола к окну.

Был он невысок, одинаково широк и в плечах, и в поясице, оттого казался угловатым и неуклюжим. Лицо Куканова соответствовало его фигуре — такое же крупное, угловатое, но в то же время выразительное. Такое лицо, увидев однажды, не забудешь долго, оно не затеряется среди других. Чёрные, сросшиеся на переносье брови, резко очерченный подбородок, высокий смуглый лоб и неизменная сдержанность в проявлении чувств придавали Куканову вид мужественный, даже строгий.

Вернувшемуся с ужином Шурику Володя также вручил свёрток, сказав при этом:

— Моему помощнику — к дню рождения.

— Почему же к дню рождения? — удивился тот. — День моего рождения в феврале.

— А это авансом, в феврале-то я могу про этот день и забыть.

От радости Шурик чуть не выронил кастрюлю из рук. Наскоро поставив её на стул, он взял свёрток и поспешно разорвал упаковку.

— Мать честная! Шапка! А рубашка где? Я же рубашку шёлковую просил купить.

Его подвижное лицо выразило крайнее недоумение, хотя глаза, рассматривавшие подарок, восхищённо сияли.

— Ничего шапка, котиковая вроде, — сказал Теребов, втайне завидуя Шурику.

— Это тебе от меня подарок, — пояснил Володя, — а рубашку я тоже привёз, не горюй. Такую же, как и Юрке. Вот, берите и не ссорьтесь.

Теребов покраснел от удовольствия, а Шурик виновато проговорил:

— Ты, Володя, закрой пока чемодан. Я, знаешь, сказал девчатам, что ты приехал. Прибегут они и тоже подарков запросят.

— Пусть приходят, им я тоже привёз кое-что, — улыбнулся Володя. — Шурик, ты что там принёс? Давай на стол, ведь я в самом деле проголодался.

Не успел он поужинать, как в комнату с шумом вбежали девушки. Шурик с Теребовым сейчас же спрятали обновки под одеяло, а Куканов, будто случайно, накрыл сапоги подушкой.

Девушек было трое — длинноногая разметчица Капа, самая старшая, и две обрубщицы — Зиночка Ветрова и Женя Милютинина.

Женя, выбранная группкомсоргом всего месяц назад, держалась с достоинством, хотя глаза её так и искрились едва сдерживаемым смехом. Зато Зиночке ничто не мешало быть тем, кем она была в действительности, — непоседливым и задорным подростком, несмотря на исполнившиеся восемнадцать лет.

Ещё с порога Зиночка с явным вызовом обратилась к Володе:

— Ну, привёз свою кралю? Хвалился, что уж очень она красивая; показывай, поглядим.

— Скоро привезу, увидишь, — смутившись, ответил Володя.

Зиночка, надув пунцовые губки, с досадой сказала:

— Нужда тебе откуда-то везти! Своих девчат, что ли, мало?

— Может, совсем отказалась приехать? — вмешалась Женя. — Ты не скрывай, всё равно узнаем.

— А ты бы рада была? — язвительно спросил Зиночку Шурик. — Он с Галей уже в загсе расписался, пропало твоё дело. Верно, Володя?

Володя, под пристальным взглядом Зины, молча отмахнулся от Шурика и, чтобы замять разговор, поспешно роздал девчатам купленные им в городе шёлковые косынки.

Косынки были так тонки и нарядны, с таким ярким и замысловатым узором, что аккуратная Капа даже руки вытерла носовым платком, прежде чем взять обновку.

А Зиночка, любившая принарядиться, позабыв обо всём, тотчас набросила косынку на плечи, лихо прошлась по комнате и, остановившись перед зеркалом, задорно пропела:

Я обновочку купила,
В чемодане сберегу.
До тех пор носить не буду.
Пока замуж не пойду.

Уж такая она была, Зиночка Ветрова. Настроение у неё менялось удивительно легко и быстро, но грустной её не видел никто. Она и других неизменно заражала своим неистощимым весельем, так что в трудную минуту на участке всегда ю ней вспоминали: «Эх, Зиночку бы сюда, сразу бы дело пошло живей!».

Частушек она знала множество, на все случаи жизни, и неизвестно было — то ли из родной деревни привезла их она, то ли сама сочиняла.

— Ишь, ты, замуж ей захотелось, — усмехнулся Куканов. — А что же ты жениха из рук выпускаешь?

— Это ещё как сказать... — подмигивая ответила Зиночка и голосом, в котором лишь Володя и Женя ощутили скрытую боль, запела:

Моториста полюбила,
Парня сероглазого.
Если б можно, попросила,
Чтоб за мной ухаживал

— Да ты попроси, может, он и согласится, — с серьёзным видом посоветовал Шурик и первый расхохотался. Зиночка, отсмеявшись вместе со всеми, беспечно сказала:

— Ну их, мотористов этих... Пускай женятся на городских, мы за трактористов выйдем. Правда, Женя?

— Перестань, Зина, — строго остановила подругу Женя, искоса посмотрев — не рассердился ли Куканов; повернувшись затем к Володе, она деловито осведомилась: — Ты когда на работу выйдешь? Завтра?

— Понятно, завтра. Что за вопрос?

— Завтра всех комсомольцев соберём, о делах поговорим. Кое-кого отчитаться за никудышнюю работу заставим. Вместо тебя Нелаев у нас валил, ну, и подвёл, конечно. Мало того, что норму не выполнил, ещё и пилу сломать умудрился. Куканову возить было нечего, да и мы без дела насиделись.

— А мастер что смотрел?

— Что мастер! За всеми не углядишь. Пока он погрузку налаживал, на лесосеке всё через пень-колоду шло. Самим надо лучше работать, тогда и Зотову было бы легче. Неужели к каждому надо няньку приставлять?

— Если условия для работы создадут, мы и без няnek справимся, — обидчиво поджав губы, сказала Зиночка.

— Дернову вон и условия созданы, а он только половину Фединой нормы вывозит, — возразила Женя. — Своё желание должно быть.

— Само собой, — подтвердила серьёзно Зиночка и тут же, не удержавшись, рассмеялась. — Ну, какая же из нашего Зотова нянька? Бывало, он ругается, а мне не страшно. Нас он, правда, кое-чему научил, а вот к трактору и подойти боятся. Тут его самого учить надо.

— Ох, до чего же вы все тут грамотные, я погляжу, — усмехнувшись сказал Терёбов. — А по-моему, мы и криковать-то Зотова не имеем права.

— Это почему же? — удивилась Женя.

— Очень просто: не доросли. Ростом не вышли, — нехотя пояснил Терёбов. — Яйца курицу не учат, слышали? Твоё дело — обрубай сучья, да помалкивай.

— Я хоть и простая обрубница да вижу побольше твоего, — вспыхнула Милютина. — Таких-то слесарей я бы давно в обрубщики перевела, только боюсь, что и там от тебя толку не будет.

Теребов презрительно скривил лицо, не устаивая Женю ответом. Она порывисто поднялась, обращаясь к Володе, сказала:

— Учить Зотова мне, конечно, ещё рано, а на недостатки я обязана ему указать. На то я комсорг.

— Правильно, Женечка, — снисходительно кивнул Теребов. — Только станет ли он тебя слушать?

— Слушает, и ещё как! — резко проговорил Володя. — И тебя заставим слушать. Гляди, завтра на собрании смешками не отделаешься. За всё спросим—за опоздания, за тупые цепи и за то, что слова своего не держишь.

— Я вам слова никакого не давал, — перебил Теребов.

— А сезонное обязательство ты подписывал? Или, может, тебе всё равно — выполним мы обязательство или не выполним?

— Подождите, ребята. Ну, что вы набросились на меня? — обиженно заговорил Теребов, насторожённо глядя на Женю. — Будто я во всём виноват? Моё дело — инструмент, а выработка от других зависит. Тоже, нашли виновника!

— А от тебя не зависит? — зло спросил Шурик. — Ты нам пильные цепи какие даёшь? Заставить бы тебя ими пилить, небось, другое заговорил бы.

— Об этом и речь, что все мы за общее дело отвечаем, — вставил Куканов.

— Да ладно, что, в самом деле, пристали? — взмолился Теребов. — Собрание здесь, что ли? И так уже на репетицию опаздываем.

— А верно ведь, про репетицию мы и забыли, — спохватилась Зиночка. — Федя, где твой баян?

— Начинайте без меня, — сказал Куканов, надевая телогрейку. — Мне ещё к техноруку надо сходить.

— Гляди, не заледживайся, — предупредила Женя. — Володя, ты придёшь?

— Да вот переоденусь, прибегу, — рассеянно ответил Володя.

Присев на свою койку, он исподлобья следил за одевавшимися друзьями. Чувствовал, что Зиночка намеренно медлит, поправляя перед зеркалом и без того безукоризненную причёску. Капа, а за ней Женя, Шврик и Теребов, ожидая Зиночку, остановились у дверей. Женя нетерпеливо спросила:

— Ты скоро?

И только когда Зиночка, с неприступно-холодным выражением лица, очутилась у дверей, Володя решился окликнуть:

— Зина!

Она обернулась, сдержанно проговорила:

— Что?

Володя подошёл к ней, медленно, с трудом произнёс:

— Зина, ты знаешь, зачем я ездил в город...

— Ну? — Зиночка довольно выразительно повела плечом, как бы давая понять, что ей это безразлично; от взгляда её на Володю повеяло холодом.

Ему и в самом деле стало холодно. Почти со злобой он вспомнил в этот миг Галю, побоявшуюся довериться ему и тем самым снова запутавшую его отношения с Зиной. Вот она стоит перед ним — вся на виду, и никакая внешняя её неприступность не могла скрыть от Володи того, что происходило в душе Зиночки. Она любила его, не могла не любить. Он не понимал — почему, но был твёрдо убеждён в этом. И даже накануне отъезда, когда он сказал ей, что намерен привезти сюда Галю, он чувствовал, что Зиночка готова простить ему всё ради сохранения прежней дружбы. Более, чем когда-либо раньше, ему стало жаль её, он лучше других знал, какая она искренняя, милая девушка. Хотя он и относился к ней иначе, чем к Гале, и никогда не говорил ей о своих чувствах, ему было бы крайне обидно, если бы Зиночка вдруг полюбила кого-нибудь другого. Пожалуй, это всегда было в нём, но лишь сейчас чувство ревности остро кольнуло его сердце.

— Ну, так что ты хотел мне сказать?

Не дождавшись ответа, Зиночка взялась за скобу двери.

— Подожди, Зина. Я сейчас оденусь, вместе пойдём Ну. сядь. Куда ты спешишь?

Зиночка не могла удержать улыбки.

— Что это вдруг я тебе понадобилась? Небось, прежде ты всегда без меня в клуб убегал. Ишь, всполошился!

— Когда же это убегал? Всегда вместе ходили, — возразил Володя; улыбка Зиночки мгновенно развеяла неловкость, внесла в их разговор обычную непринуждённость. Она спросила напрямик:

— Ну, как договорился с Галей? Вижу, что доволен. Когда придет?

— Прямо, не знаю, — с неожиданной для себя лёгкостью признался Володя. — Сказала, что подумает и напишет. Может, и совсем не придет. Ребятам я про это не сказал, ну их... Ещё смеяться станут.

— Почему же не придет? Ты ведь говорил, что любишь её.

Зиночка произнесла это совершенно ровным тоном, но глаза тотчас отразили её мысли: и горечь, и зависть к незнакомой сопернице, и надежду, что, может быть, Галя вовсе не любит Володю и никогда не решится сюда приехать.

Володя почувствовал истинный смысл её слов.

— Моя бы воля, я бы, конечно, её там не оставил. Между прочим, знаешь, из-за чего у нас вышел спор? Я хотел подарить ей часы, — Володя достал из кармана пиджака коробку и показал Зиночке часы, — вот эти, а она подумала, что я задобрить её хочу, и рассердилась. Скажи, правильно это?

— Что ты спрашиваешь меня? — тихо проговорила Зиночка. — По-моему, если бы любила, то и подарок взяла бы.

— В том-то и дело, — пробормотал Володя и швырнул коробку на постель. — Знал бы, ни за что эти чортовы часы не купил бы. На что мне они теперь...

Откровенно говоря, он с удовольствием отдал бы их Зиночке, но, понимая, как это оскорбило бы её сейчас, не смел об этом и заикнуться.

Зиночка внезапно встала.

— Я пошла. Ты, видать, о Гале весь вечер говорить будешь. Кому это интересно?

— Зиночка, извини. — Он дружески взял её за плечи. — Присядь на минутку, я сейчас. Вот только запонки найду... Слушай, о чём это вы тогда с Теребовым разговор вели? Ты ведь с ним подряд два танца кружилась.

— Мало ли о чём. Тебе что за дело?

— Да так... Вообще он на тебя как-то странно поглядывает, я заметил. А спроси — ни за что не признается. Станный парень. Ты, пожалуйста, поменьше с ним танцуй.

— Это почему? — удивилась Зиночка.

Володя, уже одетый, взяв её под руку, полушутливо-полусерьёзно ответил:

— Потому, что мне это не нравится.

— Это ты не мне, а Гале своей говори, — вспыхнула она. — Мне решительно всё равно, что тебе нравится, что нет.

— Ну, вот, — огорчённо протянул Володя. — А я-то думал...

Ощущая под своим локтем его крепкую ладонь, опираясь на неё, Зиночка думала: «Неужели Галя всё-таки придет? Неужели любит?..».

III.

Север великой страны... Необъятная лесная сторона. От Уральского хребта до самой финляндской границы сплошной зелёной полосой пролегли вековые таёжные леса. Сотни больших и малых рек пронизывают зелёные массивы, оживляя суровый пейзаж. А в Снежном даже захудалой речки нет. Поэтому-то здешние места и оставались долгое время краем непуганных птиц: отсутствие сплавных путей тормозило лесоразработки. Ныне всё преобразилось — железные дороги и электричество разбудили дремучее царство от вековой спячки. Но тайга и теперь, как в старину, поражает непривычный взор своей необъятностью и мощью. Попрежнему величавы вечнозелёные кроны корабельных сосен, плавно покачиваются под низко нависшим зимним небом острые верхушки слей, тихо поскрипывают голые стволы берёз. Кажется, нет такой силы, которая смогла бы покорить тайгу...

Двадцать лет проработал в лесу Прокопий Иванович Зотов, а случается — начнёт вспоминать всё по порядку и от удивления даже руками разведёт. Давно ли, кажется, топор был главным орудием лесоруба, а нынче, странно подумать, уже и топор-то в лесном деле вроде бы ни к чему. Может, этак через год, а то и раньше, такое изобретут, что и на обрубке сучьев не понадобится топор — машина его заменит. Прокопий Иванович не сомневался, что рано ли, поздно так и будет. Да и как мог он сомневаться, ежели на делянках каждый год появлялось что-нибудь новое и зачастую как раз то, о чём Прокопий Иванович давно мечтал втайне.

Впервые попал он в лес с бригадой колхозных рубщиков в 1932 году. Зима выдалась снежная, наскоро ско-

лочные бараки выше окон заметало сугробами. Жили по-фронтальному: в котелках кипятили чай, на ночь докрасна накаливали железную печку, спали не раздеваясь. А утром, захватив хлеб с салом, иногда заново прокладывали дорогу на лесосеку, так как старую безнадежно портила метель. Прокопий Иванович работал в паре с одним из земляков, таким же выносливым и упрямым человеком. Деревья тогда валили поперечной пилой, тут же обрубали сучья и кряжевали на сортименты. Разделения труда не было, каждый рассчитывал на свою силу и сноровку. Именно в ту трудную зиму и проявил Зотов недюжинные способности и настойчивость, позволившие ему обогнать многих старых лесорубов. На следующий год его командировали на курсы десятников, а ещё через три года Прокопий Иванович стал мастером.

На его глазах в лесу появилась лучковка — лёгкий и удобный на вид инструмент. Однако не сразу нашла она у лесорубов признание. Прокопий Иванович и сам вначале отнёсся к ней с недоверием. Лишь пример передовиков, в совершенстве овладевших пилой и дававших небывалую доселе выработку, сделал своё дело: лучковку не только признали, но и полюбили. На смену ей пришла электропила. Случилось это всего три года назад, и Прокопий Иванович хорошо помнил, как неохотно расставались люди с привычной лучковкой. В первое время, бывало, идёт такой электропильщик на пасеку и непременно лучковку с собой прихватит — дескать, на всякий случай, мало ли что... А попробуй-ка сейчас отнять у него электропилу и прежний инструмент дать — откажется наотрез. Ещё обидится, пожалуй: «Вы это что же, мол, на старинку хотите дело повернуть?».

Лесные делянки быстро и разительно меняли свой облик. Новая техника потребовала и новых форм организации труда. Прокопий Иванович не мог не заметить, что мелкие бригады уже не оправдывают себя, однако поточный метод, внедрённый на лесопункте ещё ранней осенью, почему-то не обрадовал и не воодушевил старого мастера. А ведь, казалось, ему ли было не радоваться, видя, как оживает таёжная глушь, как стремительно идёт в гору лесное производство, которому Прокопий Иванович отдал чуть ли не половину своей рабочей жизни. Нет, он не против техники. Он помнит время, когда Снежный десять тысяч кубометров в год давал, а сейчас для него

и сто тысяч не предел. Технорук лесопункта Пелевин как-то сказал, что поточный метод позволяет раза в полтора увеличить выработку, если как следует его освоить. Освоить! В этом-то всё и дело... Взять хотя бы того же Панкратова. Они вместе начинали вводить поточный метод, вместе терпели неудачи, буквально на ходу перестраивая всю работу мастерских участков на современный лад. И вот постепенно дело у Панкратова наладилось, а Прокопий Иванович, несмотря на все усилия, всё ещё не сумел выйти из прорыва. Видать, трудней было ему, сицё до войны окончившему краткосрочные курсы мастеров, подчинить себе, как он выражался, новую технологию, без которой немислим поток. Оттого-то и не пришёс Зотову поточный метод особой радости, что он ещё осенью ощутил свою неподготовленность к руководству работой в новых условиях. Чувство неуверенности, смутное и подсознательное вначале, преследовало его теперь на каждом шагу. Никому не высказывал старый мастер своего недовольства собой, тянулся изо всех сил, даже порой вновь оживал, надеясь, что со временем сумеет выправиться и обрести ту уверенность в работе, которая никогда не оставляла его прежде.

«Небось, привыкну, не хуже других поведу дело, — утешал он себя в такие минуты. — Раньше ведь тоже не очень было легко, а привыкал же».

Скрывал Зотов свои думы и от жены, женщины тихой и покладистой, чуткой к малейшей перемене в настроении мужа. За долгую совместную жизнь Евдокия Максимовна привыкла во всём подчиняться Прокопию Ивановичу, когда же он стал мастером и знатным человеком на лесопункте, её уважение к нему ещё больше возросло; вместе с тем ревниво следила она за работой других мастеров; зная от соседок и знакомых лесорубов всё, что происходило на той или иной делянке, в удобную минуту подавала Прокопию Ивановичу нужный совет. И хотя Зотов ни разу открыто не признал её правоты, он любил иногда потолковать с женой о своей работе, особенно когда всё шло ладно, и удивлялся в душе её осведомлённости. Впрочем, часто её любознательность приводила к семейным ссорам, после которых в доме надолго прекращались всякие разговоры.

В этот раз ссоры никакой не было, но Прокопий Иванович уже вторую неделю ходил мрачный, не поднимая

на жгнут глаз даже за обеденным столом. Она долго и тщетно порывалась заговорить с ним и, наконец, решилась.

Однажды, подав Прокопию Ивановичу ужин, Евдокия Максимовна не отошла, по обыкновению, к печке, а присела к столу поближе и, подперев щеку рукой, щурилась добрые, чуть влажные глаза, сказала:

— Что ж это с тобой стало нынче, Прокопий?.. Виду не показываешь, а чувствую, что ты не спокоен. Уж не заболел ли?

— Это ещё что? — мрачно взглянув на неё, буркнул Зотов. — Сроду не болел, а тут... Ишь, что выдумала!

— Таишь ты от меня что-то. Сказал бы, может, полегчало бы, — мягко, но настойчиво продолжала Евдокия Максимовна.

— Да ты лекарь, что ли? Ничего я не таю, не лезь с пустяками. Поесть спокойно не даст.

— Я тебе не мешаю, Прокопий, не кипятись понапрасну, — с укором произнесла она. — Может по работе что неладно? Люди говорят — с планом у тебя худо. Советно, небось, оттого и злишься на всех, а?

— Люди! — вспыхнул Прокопий Иванович, бросив на скатерть ложку. — Много они понимают! Бывало ли у меня такое, чтоб я план провалил! Сезон только начался, а ты уж каркаешь... Набралась разных слухов и туда же... — Он хотел ещё сказать что-то обидное, но, вдруг сбавив тон, ворчливо закончил: — Со стола убери. Газету развернуть негде.

Евдокия Максимовна медленно поднялась, собрала посуду.

— Может, ты отдохнул бы, отпуск бы тебе взять, полечиться. Зима вся впереди, успеешь наработаться.

— Замолчишь ты или нет? — вздрагивая, крикнул Прокопий Иванович. — И так тошно, а тут и дома житья не стало... Отдохнул бы! Без тебя я, что ли, не знаю, когда мне отдыхать? Советница какая выискалась! Без бабьего ума разберусь, что к чему...

Евдокия Максимовна не проронила больше ни слова. Знать не во-время начала она разговор... Управившись с посудой, она не присела, как обычно, к столу с недовольным чулком, а сразу же залезла на печь и там тихонько всплакнула. Не обида, а жалость к своему старику выжала из её глаз эти слёзы.

Прокопий Иванович с полчаса сидел над развёрнутой газетой, не видя строчек. Где-то под сердцем остренько и знакомо покалывало, и Прокопий Иванович машинально прижал это место ладонью, чтобы унять боль. Затем гяжело встал, прошёлся по просторной горнице, заметив на скамейке кiset, закурил.

«Ишь, ты, об отпуске заговорила, — бросив взгляд на печь, подумал он уже без раздражения. — Послушаешь её, так хоть и вовсе на покой отправляйся. Дескать, пора уж, пусть другие вместо меня план выполняют, Ишь, ты!.. — с горькой усмешкой повторил Прокопий Иванович и вдруг возмущённо потряс в воздухе загрубелым крючковатым пальцем. — Нет! Не об отдыхе надо думать! А если уж негоден стал, пускай само начальство меня прогонит. Сам я отказаться от должности не могу. Не могу — и всё. Двадцать лет в передовиках ходил, а сейчас — на пятый? Шалишь, брат. Сил у меня ещё вдоволь, у других занимать не буду, вот разве знаний... — Он смущённо покашлял в кулак, покачал головой. — Вот насчёт этого я, действительно, слабоват. Отстал от молодых, верно. Спорь, не спорь, а жизнь опередила меня маленько. И сам не заметил, как позади очутился, вот что обидно. Догонять как-то надо, а как?.. Отказаться проще всего, да разве я так могу? Я же обязался двадцать пять тысяч кубометров за сезон дать, а сейчас, значит, в кусты? Подумать совестно, не то что вслух сказать. Панкратов не моложе меня, а ведь приспособился. И грамотность у нас с ним вроде одинаковая, если курсов не считать. Эх, надо было бы мне поехать летом на курсы! Зря я на себя понадеялся, чорт возьми. Мне бы немножко подучиться, я бы показал, на что способен».

Прокопий Иванович отлично помнил, с каким воодушевлением подписывали рабочие его участка сезонное обязательство, как сам он, в то время не терзаемый никакими сомнениями, убеждал их, что такое обязательство вполне осуществимо.

И вдруг с первых же дней начались срывы: то у трактористов дело не клеится, то обрубщики подводят, то платформы под погрузку опоздают подать. Однако отступать было поздно: обязательства снежиянцев, напечатанные в газете, вызвали многочисленные отклики. Перевыполнить сезонное задание в полтора-два раза дали слово почти все мастерские участки области.

Впрочем, Прокопий Иванович и не помышлял об отступлении. Будь возможность, он и ночевал бы в лесу, чтобы не терять времени на поездки в посёлок и обратно. Кроме того, мастер видел, как глубоко волнуют людей неудачи, как самоотверженно они трудятся, скрывая зависть к преуспевающим соседям. Уехать сейчас, в самое ответственное время, значило открыто признать свою беспомощность. Мог ли Зотов решиться на это? Лишь сегодня, после разговора с женой, передумав наедине всё заново, Прокопий Иванович вынужден был признаться, что ехать ему на учёбу рано или поздно придётся.

«Мне бы только наладить дело как следует, а там и отлучиться бы можно, — пробормотал он, гася пальцем тлеющую цыгарку; и тут же, не удержавшись, подумал: — Налажу, а тогда и ехать будет незачем, до остального своим умом дойду. Технику-то, небось, люди же придумали, неужели не одолею? Одолею и ещё других поучу, дай-те срок. Хотя и неудобно мне за одной партой с молодыми сидеть, но, видно, доведётся. С этого дня на все техминимумы ходить буду».

Обрадованный этим решением, он потянулся за табакком, намереваясь закурить перед сном в последний раз, но кисет был пуст. Прокопий Иванович удивлённо огляделся и усердно замахал рукой. Густой сизый дым ходил по комнате волнами. С печки послышался сухой, недвольный кашель. Виногато крикнув, Зотов поспешно снял валенки, сунул их на горячую плиту и на цыпочках пошёл к кровати

IV.

Посёлок просыпался рано. Первый огонёк, возвещавший начало трудового дня, появлялся в столовой. Затем огоньки дружно вспыхивали во всех домах. Предутренние часы были, пожалуй, самым оживлённым временем на лесопункте: люди готовились к выходу в лес. Из тупиков на станцию подходили составы с погружённой за ночь древесиной и тотчас же отправлялись дальше — на нижний склад. Очищались от выпавшего за ночь снега стрелочные переводы, то и дело пробегали кондуктора, разноголосо и бойко перекликались паровозы. Со всех сторон спешили на сборный пункт лесорубы, слышались хриплые спросонья мужские голоса, девичий смех, обрывки летучих разговоров, приветственные возгласы. Ровно в половине седьмо-

го газогенераторный мотовоз давал последний сигнал и трогал с места платформы с рабочими. До ближайшей де-лянки было шесть километров — десять минут езды. С уходом мотовоза Снежный пустел, хотя огни в нём не гас-ли до рассвета.

В это утро Прокопий Иванович проснулся позже обыч-ного, и мотовоз ушёл без него. Наскоро перекусив, Зотов в полузастёгнутой телогрейке выскочил на улицу и резво зашагал по шпалам к лесу. Вскоре он добрался до развил-ки, где узкоколейный путь делился на три «уса»: напра-во к делянке Панкратова, налево — к делянкам Попова и Селезнева. Прокопий Иванович пошёл прямо. Впереди по-слышался ровный, предельно чёткий в лесу гул мотора электростанции, и Зотов прибавил шаг.

Темнота понемногу рассеивалась, однако на разделоч-ной площадке ещё горели прожекторы. Один из них был зачем-то повернут вверх, и Прокопий Иванович, невольно проследив за его лучом, увидел над лесом огромные, от-свечивающие синевой, клубы дыма от зажжённой обруб-щиками хвои. «Во всех трёх зарубах жгут», — удовлетво-рённо отметил он и по приставной лесенке поднялся в ва-гончик станции.

Он мог бы и не заходить сюда: станция с начала сезо-на работала бесперебойно, и особой заботы мастера не требовалось, но Прокопий Иванович считал необходимым каждое утро осведомляться у механика, всё ли в порядке. Механик был опытный, строгий, самолюбивый человек: не позволяя посторонним вмешиваться в свои обязанности, сам он вмешивался во всё. При каждой встрече с масте-ром он тут же начинал выкладывать свои соображения: мотористы плохо берегут пильные цепи — следовало бы еоздействовать на них в административном порядке; трак-тористы опоздали на работу — выяснить, почему; обед вчера доставили на делянку холодным — обратиться к на-чальнику лесопункта... Механик не хуже Зотова знал нужды участка, хотя и редко отлучался из своего вагон-чика. Недаром электростанцию прозвали сердцем поточ-ной линии — к ней сходились все нити. И Прокопий Ива-нович постепенно привык пользоваться советами механи-ка, не признавая, однако, его превосходства над собой.

В вагончике из-за шума разговаривать было трудно. Прокопий Иванович бегло осмотрел работающий мотор, щит с рубильниками, потрогал зачем-то тёплый корпус ге-

ператора, искоса с уважением поглядел на склонившегося над приборами механика и вышел на улицу. Немного погодя, спустился по лесенке и сам механик Фалевский.

— Как дела, Алексей Степанович? — заученно спросил Зотов, наперёд зная, какой будет ответ.

— Всё в порядке, Прокопий Иванович, — чуть усмехаясь, в тон мастеру сказал Фалевский; лицо его, с глубокими глазными впадинами, с въевшейся в кожу металлической пылью, было серьёзно. — Трактористы опять нас подводят. Глянь на площадку — чиста, хоть шаром покати. Только Куканов привёз два воза — и всё. Остальных и с прожектором не разыщешь.

— У Четверикова ремонт, сам знаешь, а вот куда Дернов с Кочергиным пропали? Я шёл мимо гаража, там никого уже не было. Значит, на пасеке они. — В голосе Прокопия Ивановича послышалось скрытое беспокойство.

— Известно: на заводку оба потратили почти час, а теперь им, наверно, пни мешают, — насмешливо проговорил Алексей Степанович. — И когда из них получится толк, ума не приложу! Сколько раз беседовал с ними, на людях стыдил, — не помогает. Воздействовать бы на них надо...

— А вот я сейчас воздействую, — многозначительно пообещал Зотов и, круто повернувшись, направился к разделочной площадке.

Едва он отошёл, как из будки пилостава, стоявшей рядом с электростанцией, высунул разомлевшее от печки лицо Терёбов.

— Ох, и накрутит им хвост старик! Смотрите, как побежал, аж пыль столбом.

— Тебе тоже накрутить не мешало бы, — хмуро отозвался Фалевский. — Ну, с тобой я и сам управлюсь. Почему масло не подогретое? Болтаешь, а у самого, небось, ни одной запасной цепи не заточено. Гляди у меня!

— Их и загачивать-то нечего — ни одного порядочного зуба не осталось, — буркнул Терёбов, опасливо пряча голову за дверь.

Алексей Степанович подбросил в костёр дров, поставил ведро с маслом поближе к огню и сосредоточенно принялся вытирать руки тряпкой.

Прокопий Иванович ещё издали разглядел, что на площадке нет ни одного подвезённого хлыста, и с дороги свернул прямо к костру, возле которого сидели рабочие

Обычно, заметив где-либо непорядок, Зотов не скупился на резкие и обидные слова, но теперь, подойдя к костру и заметив на себе взгляды рабочих, он вдруг ощутил странную неловкость. Правда, он испытывал её временами и раньше, однако никогда она не бывала столь острой, как сейчас.

— Что тут у вас такое? Собрание, что ли? Почему сидите? — хмуро спросил он.

— А что же нам делать, товарищ мастер? — вызывающе ответил сортировщик Коробов. — Мы своё дело справили, лес рассортировали, теперь вот ждём, когда Куканов подъедет. Один-то воз долго ли разделать. Только разогреешься, а тут опять сиди, мёрзни.

— Грузили бы пока на платформы, чем сидеть, — не совсем уверенно сказал Прокопий Иванович.

— Да что грузить-то? Какой был запас, тот ночью погрузили, а этого, — Коробов махнул рукой на низенькие штабели рассортированной древесины, — и на две платформы нехватит.

Переступив с ноги на ногу, Зотов полез в карман за кистетом.

— Как же, Прокопий Иванович, дальше будем? — спросила разметчица Капа, чертя двухметровым шестом на снегу какие-то цифры. — Нехорошо получается. Смотрите, — она ткнула шестом в Доску показателей: — у каждого своё обязательство на день имеется, а мы и до нормы дотянуть не можем. Раскряжёвщик, к примеру, обязался по пятидесяти кубометров кряжевать, а на деле не даёт и половины. А ведь мог бы не пятьдесят, а вдвое больше кряжевать. Лесу нам дайте, за нами дело не станет. Надоело бездельничать. Да и перед людьми совестно...

— На другую работу ставьте, ежели здесь не можете лесом обеспечить, — запальчиво сказал молоденький раскряжёвщик Геня Чердынкин. — У Панкратова вон на двух площадках едва управляют, а у нас и на одной делать нечего. Переведите на валку, я не хуже Володьки Воронкова буду валить.

Прокопий Иванович внимательно, будто впервые увидев, посмотрел на Чердынкина, ворчливо ответил:

— Ишь, ты резвый какой! А я и не знал... Подожди, вот наладим трелёвку всеми тракторами, я погляжу, как ты здесь управляться станешь. На словах-то вы все герои,

куда там! — Помолчав, негромко, с затаённой обидой, добавил: — Ты Панкратовым меня не укоряй, у него трактористы не чета нашим. Да и другие лесорубы поопытнее вас. Любого хоть сейчас бригадиром ставь — справится. А поставь-ка тебя бригадиром, — небось, откажешься, а?

— Не откажусь! — задорно мотнул головой Геня, но тут же спохватился, ломким баском сказал, краснея: — Да я и не прошусь в бригадиры, к чему вы этот разговор завели? Думаете, если мы недавно в лесу, так уж и дело хуже панкратовских знаем? Вы сперва испытайте, а тогда и говорите. Мы же не виноваты, что лесу на площадке нет.

— Выходит, я виноват? — вспыхнул Зотов, топорща колючие, неровно подстриженные усы. — Так ты становись на моё место, а я посмотрю, что у тебя выйдет.

— Да ничего, пожалуй, не выйдет, — обезоруживающе улыбнулся Чердынкин, мысленно представив себя в роли мастера. — А всё-таки обидно, Прокопий Иванович. Почему у нас хуже всех? Техника такая же, как и у других, а лесу даём вполосину меньше. Разобраться бы надо, в чём тут загвоздка?

— А мне разве не обидно? — вырвалось у Зотова горестно и гневно. С усилием уняв дрожь губ, он твёрдо произнёс: — Разберёмся, конечно, само собой.

И он решительно направился к площадке. Чердынкин удивлённо посмотрел ему вслед, сказал задумчиво:

— Переживает старик, зря я его задел. Может, он тут ни при чём, а мы сами не так работаем? Нас здесь полсотни человек, каждый другого винит, а за собой не видит. Попробуй, усмотри за всеми. Поневоле с ног собьёшься.

— Ладно, не кайся, — насмешливо отозвалась Капа. — Он у нас хозяин, пусть принимает меры. Не так работаем — пусть поправит, на то он и мастер. Не нам же его учить.

— Ну, допустим, и мы кое-чему можем поучить, — возразил Геня.

— Сегодня у нас собрание, надо бы и Зотова пригласить. Поговорили бы по душам.

— Пригласить можно, только пойдёт ли он?

Прокопий Иванович хотел было сразу проследовать на пасеку, но, заметив приближавшийся с возом трактор Куканова, задержался на эстакаде. Вскоре Куканов втащил воз на бревенчатый настил площадки, помощник ловко

расцелил чокеры, и вершины хлыстов сползли на площадку.

Прокопий Иванович, подойдя к Куканову, нетерпеливо спросил:

— Один возишь? Дернов с Кочергиным где застряли? Опять какая-нибудь поломка?

Куканов, не выключая мотора, вылез из кабины, проверил навивку троса на барабане лебёдки, велел помощнику поторапливаться и лишь после этого ответил:

— Поломки пока нет, сейчас подъедут. Кто их знает, чего они там ковыряются...

— Ну, ну... Значит, едут всё же. А я уж думал — ремонт какой. Ты бы, Фёдор, помог им в случае чего, а ты, опасаясь, после обеда они опять целый час моторы заводить будут. Сам видишь, какие они специалисты.

— Специалисты они такие же, как и я, в одной школе учились, — недовольно проговорил Куканов. — За чужими машинами я, понятно, ухаживать не стану, это дело хозяев. Я им сколько раз помогал, а всё без толку. Хотели бы по-настоящему работать, давно бы научились. У меня от них секретов нет.

— Я за них возьмусь, будь спокоен, — пообещал мастер, погрозив рукавицей в ту сторону, откуда прибыл Куканов. — Ты мне скажи: машины у вас одинаковые?

— Конечно. Новые машины, — подтвердил тракторист, соскабливая с кабины приставший комок мёрзлой земли.

— Значит, разговор у меня с ними будет короткий: лоб разбей, а норму вывези. Иначе не выпущу из лесу. Сам здесь до ночи просижу, а не выпущу.

Куканов приглушил мотор, повернул к Зотову смугловатое, обожжённое морозным ветром лицо.

— Можно и побольше нормы вывезти, не в этом суть, — произнёс он. — Помните, я насчёт магистрального волокна говорил? Его ведь до сих пор не расчистили. А пасечных волоков и вовсе никто не готовит — прямо по пням приходится ездить. Вот и попробуй тут полную норму дать. Или приедешь иногда на пасеку, а там очищенных хлыстов нет. Стой и жди, пока их очистят. А то вот ещё...— Куканов взял из рук помощника обрезок цинкового троса с крюком на одном конце и с небольшим кольцом на другом. — Видите, какая толщина? Таким чокером тонкую верхушку дерева крепко не ухватишь, может выскользнуть по дороге. Сколько мы из-за этого по дороге

лесу теряем — беда. Это же лебёдочный трос, грубый, а нам требуется помягче, не толще двенадцати миллиметров.

— Так он же рваться будет, — усомнился Прокопий Иванович.

— Не будет. Лес мы сейчас возим не очень крупный, для такого как раз подойдёт. Я уже испытал... И ещё одна претензия, товарищ мастер...

— Ну, что ещё? — ворчливо спросил Зотов. «Что это они сегодня все с претензиями? Будто сговорились», — пронеслось у него в голове.

— Чокеры плохие — это одно, — неторопливо продолжал Куканов, — но нам и этих нехватает. Видите, я сейчас стою и жду, пока помощник чокеры соберёт, а если бы у меня их комплекта три было, я бы стоять не стал. Поехал бы на пасеку, а там прицепщик, будь у него второй комплект, уже следующий воз мне приготовил бы. Задержек стало бы меньше, выгода прямая. А иначе как вы будете с меня или с Дернова норму требовать, раз условий для хорошей работы не создано?

— Ты норму, небось, перевыполняешь, почему же Дернов не может?

— Будь у нас условия, я бы всегда полторы нормы давал, — твёрдо проговорил Куканов. — А Дернов... что ж, я прямо скажу: мало мы с него требуем, вот он и работает кое-как. А мог бы не хуже других. Вы побеседуйте с ним ещё раз, ну, и мы тоже с него спросим.

— То-есть, кто это — мы? — не понял Прокопий Иванович.

— Мы, комсомольцы.

— А, да, да, — закивал головой Зотов. — Я и забыл, что он комсомолец. Как же, и вам, небось, стыдно за такого тракториста, я понимаю...

Куканов, не ответив, влез в кабину. Съехав с площадки, он круто развернул машину и на большой скорости повёл её к лесу.

Прокопий Иванович в раздумье свернул цыгарку, распорядился начать погрузку и, убедившись, что Дернова ему здесь не дождаться, зашагал по гусеничному следу на ближнюю пасеку.

Ещё вчера трактористы вывезли отсюда последние хлысты, и мастер хотел проверить, хорошо ли очищена лесосека, нет ли порубочных остатков и высоких пней. Не

обнаружив никаких недоделок, Прокопий Иванович вылез снова на главный волок, тянувшийся к трём дальним вырубкам. В общей сложности расстояние трелёвки превышало семьсот метров, однако в дальнейшем Зотов рассчитывал его сократить, нарезав новые пасеки ближе к верхнему складу, по другую сторону волока. Шагая, он прикидывал в уме, под каким углом лучше их нарезать, чтобы северный ветер не противодействовал, а помогал вальщикам.

На полпути Прокопий Иванович повстречался с Дерновым. Стоя посреди дороги, жестом остановил машину. Дернов, худошавый, с заметно косящими глазами парень, весь выпачканный в масле, неохотно приглушил мотор. Не выходя из кабины, осипшим от простуды голосом спросил:

— Вылезай, поговорить надо, — мрачно сказал Прокопий Иванович. — Это у тебя первый воз?

— Ну, первый, — развязно ответил Дернов, косясь на мастера.

— А Куканов вон третий рейс делает — это как? — повысил голос Прокопий Иванович — Ты почему в десятом часу из гаража выехал?

— Вы мне Кукановым в глаза не тычьте, — озлобленно сказал Дернов. — У него машина, а у меня — гроб с музыкой. Попробуйте-ка сами в такой мороз трактор завести, а тогда и кричите.

— Мне и пробовать нечего, ты сам должен уметь. Ишь, мороз ему помешал! Ещё и морозов настоящих не было, а он уже на мороз всё свалил. Умён, нечего сказать. Новенькую машину гробом называет. Да оно и верно, тебе хоть танк дай, ты и тот сумеешь угробить. Сколько раз свой трактор ремонтировал?

— Не считал. Да я-то тут при чём, ежели он ломается? — смущённо произнёс Дернов, занося ногу в кабину.

— Не спеши, успеешь, — с издевкой остановил его Зотов. — Не считал, говоришь? Что же, значит, во всём виновата машина?

Дернов молчал.

— Куканов вон ни разу на ремонте не был, а вы с Кочергиным то и дело под тракторами на брюхе ползаете. Тоже, специалисты!.. — горько усмехнулся Прокопий Иванович и в десятый раз пожалел в душе, что не может сам показать этим «специалистам», как надо обращаться с но-

бой техникой. — Ну, мне некогда тут одно и то же твердить. Чтобы сегодня сорок кубометров было вывезено, а нет — завтра же сниму с трактора. Походишь в помощниках, тогда, может, поймёшь, как нужно работать. Езжай!

Дернов взялся за дверку, потом обернулся к мастеру.

— Не вы ли вместо меня сядете? Не выйдем! Поучитесь сперва, а то много вы понимаете, подумаешь! Сколько вывезу, то и будет моё.

Прокопий Иванович, до синевы сжав губы, поднял на водителя тяжёлый колючий взгляд. Дернов невольно поёжился, словно снег попал ему за воротник. С виноватым выражением на чумазом лице подошёл он к мастеру.

— Я постараюсь, Прокопий Иванович, честное слово... Не случится поломки, ей-богу, норму вывезу. Мне-то, думаете, приятно, когда меня ругают? Ребята и то проходу не дают. Любой обозлился бы на моём месте.

— Пока не вывезешь, из лесу ни шагу, запомни. Я проверю. И Кочергину мои слова передай. Так-то! Можешь теперь ехать... Погоди, а чокеровщика ты зачем с собой гаскаешь? Куканов как делает, не видел? Пока он взад-вперёд ездит, чокеровщик тем временем ему следующий воз готовит, вот как. Соображать надо. Двумя человеками распорядиться не можешь, а ещё школу ФЗО окончил... Егор! — крикнул Зотов прищепщику, — ступай обратно, живо!

— Зря вы это. Прокопий Иванович, — неуверенно возразил Дернов. — Воз расцепится или трактор застрянет — лишний человек всегда пригодится.

— А ты ездил с толком да не застревай, — отрезал мастер.

Сойдя с дороги, он пропустил мимо себя воз. «Вот это воз! Никак кубометров семь будет, — озадаченно подумал Прокопий Иванович, не зная — хорошо это или плохо. — Пожалуй, велика тяжесть, как бы машину не испортить. Надо бы спросить у Куканова, можно ли по стольку возить. Сам-то он, кажись, не больше пяти кубометров берёт, почему бы так? Свой расчёт или инструкцию соблюдает? Дернов-то, видно, догнать Фёдора хочет. Вот и старается. Эх, четвёртый бы трактор сюда, пошло бы дело».

Настроение у него, как ни странно, после стычки с Дерновым несколько поднялось. Было ещё рано, до конца смены кубометров полтора-два наверняка можно вывезти

Однако, вспомнив, что Панкратов ежедневно вывозит не менее двухсот, Прокопий Иванович недовольно крикнул.

Вскоре он встретил и Кочергина, но почему-то не остановил его, а лишь выразительно погрозил кулаком и так же молча, одним жестом, отправил шагавшего за возом чокеровщика на пасеку.

Прокопий Иванович ещё издали слышал знакомый режущий звук электропилы, донёсшийся из глубины пасеки. Узкий коридор её был весь заполнен дымом. Слева, метрах в десяти от главного волока, стоял трактор Куканова. Временами исчезающая в дыму, суетились позади машины чокеровщики и помощник тракториста. Железные петли были уже надеты на вершины поваленных и очищенных хлыстов, оставалось только продеть концевое кольцо лебёдочного троса через проушины чокеров и закрепить его. Как раз за этим делом и застал Прокопий Иванович кукановское звено. Спустя минуту, помощник просигналил руками, и Куканов тотчас включил укрепленную позади кабины лебёдку на грузовое движение. С лёгким скрежетом, один за другим, скользили вдоль троса кольца чокеров, стягивая зацепленные стволы в плотную пачку. Новый сигнал — и трос, туго вызванивая, потянул лениво переворачивающиеся на пнях хлысты к опорному щиту трактора. Куканов стоял на подножке, зорко следя за приближавшимся пучком. Хлысты упирались, толкали друг друга, будто стараясь удержаться за каждую неровность, и вдруг, как бы поняв, что сопротивление бесполезно, покорно легли вершинами на коник трактора.

Поставив лебёдку на тормоз, Куканов ещё раз оглядел воз и, убедившись, что всё в порядке, осторожно стал выводить трактор из пасеки.

Прокопий Иванович не впервые наблюдал, как формируется воз, и всё-таки не мог оторвать глаз от умной и сильной машины, пока она не выбралась на главный волок. «Чисто работает», — восхищённо подумал он, встретившись напоследок со спокойным взглядом Куканова.

Легко, лишь изредка предварительно нащупывая ногой опору, Прокопий Иванович шагал по поваленным деревьям, подвигаясь в глубь пасеки. Едкий дым горевшей хвои столбами поднимался к небу. Иногда порыв ветра расстилал его по низу, и Прокопий Иванович энергично отмахивался руками, защищая глаза. Шурясь, он и не заметил, как очутился возле девушек-обрубщиц.

— Что, хороший у нас дымок, товарищ мастер? — рас- смеялась Зиночка Ветрова, похожая на мальчишку в сво- ей короткой телогрейке и шапке-ушанке. Впрочем, и ухватки у Зиновки тоже были уверенно мальчишечьи, не- даром на участке её прозвали «пострелёнком».

— Дымок ничего, едучий, — улыбнулся Прокопий Иванович весёлой и бойкой Зиночке. — Ну, как тут...

— Девчата, зовите Володю, пускай перекурит, а то всю пасеку завалил, повернуться негде. — Зина бросила в костёр охапку свежей хвои, старательно поправила сбив- шуюся набок шапку. — Беда с этим Воронковым, валит без передышки и нас торопит, да разве за ним угнаться? Вон сколько навалил, нам и за два дня не очистить.

— Я вам людей добавлю, пусть валит, — сказал Про- копий Иванович, хотя лишних людей у него не было, и все это отлично знали. — Ты, Зина, видно, не знаешь, а ведь Воронков мне слово дал по пятисот деревьев в день валить, иначе бы я ни за что в город его не от- пустил.

— И незачем было отпускать, — серьёзно сказала Зи- ночка. — Нечего ему там делать.

— То-есть, как нечего? — удивился Прокопий Ивано- вич. — Зря бы он не поехал, я его знаю.

— Эх, ничего вы не знаете, Прокопий Иванович, — вздохнула Зиночка и отвернулась.

Минут через пять к костру, возле которого присел ма- стер, подошли остальные обрубщицы, за ними появился и Володя с пилой на плече. Его помощник, Шурик Снопков, остался на рабочем месте, очевидно, расчищая заруб от обильного подроста и валежника.

— Здравствуйте, Прокопий Иванович, — оживлённо проговорил Володя, ставя пилу поближе к огню. — Какие новости на нашем фронте?

В распахнутой фуфайке, рослый, с оживлённым лицом, Володя двигался и говорил, как всегда, уверенно и не- принуждённо.

— Всё по-старому пока. — пожал плечами Зотов. — Вот девчата жалуются, будто ты им передышки не даёшь, всю пасеку захламил, повернуться нельзя. Ты гляди, от правил не отступай, а то и в самом деле после тебя сучко- рубы ноги поломают.

— Не беспокойтесь, кладу, как полагается, — дерево к дереву, можете проверить. Завалов не найдёте, —

усмехнулся Володя. — А девочки пусть поспевают, я их ждать не стану. Помните наш уговор?

Мастер молча кивнул. Володя продолжал:

— Я считаю, Прокопий Иванович, что валка должна подгонять все остальные процессы. А иначе какой же это поток?

— Валка нас не задерживает, не в этом суть. Дай тебе волю, ты сколько хочешь навалишь, а обрубать, вывозить кто будет?

— Пусть и другие подтянутся, — упрямо повторил Володя. — Обрубщиков, коль на то пошло, надо добавить, трактористов заставить как следует работать. Во всяком случае, из-за них я стоять не намерен, как хотите.

— Заставить, добавить... А людей где взять? — сердито спросил Прокопий Иванович. — Горяч ты больно. Прежде всё это обмозговать надо, с техноруком посоветоваться.

— Само собой, — улыбнулся Володя. — По-моему, я так и сказал.

Прокопий Иванович исподлобья взглянул на него, покачал укоризненно головой и надолго задумался.

Володя поднял пилу, снял с неё пильную цепь, проверил, сколько осталось масла в редукторе, и опять подсел к мастеру.

— Видите, какой я цепью работаю, — показывая на неровные, почти до основания сточенные зубья, сказал он. — По правилу, я обязан через каждую полусмену менять цепь, да у нашего пилостава хорошей цепью не очень-то разживёшься. А если и даст, так не лучше этой. Хорошо, я человек запасливый, свои цепи имею, а другие пильщики раз в два дня цепь меняют. Разве это порядок?

— Технорук сегодня в леспромхоз поехал, обещал привезти десятка три, — коротко и как-то безучастно ответил Прокопий Иванович.

— Вот это дело. — Володя вытащил из кармана запасную, ровно смазанную маслом цепь и стал надевать её на остов пилы. — Женя, ты объявила ребятам насчёт собрания? По-моему, сразу же после работы и соберёмся.

— Ну, да, сразу, — кивнула Женя, сидевшая на поваленной ели в обнимку с Зиночкой. — Прокопий Иванович, просим и вас прийти. Сегодня у нас главный вопрос — производственный.

— Что? — переспросил Зотов, поднимая голову. — А, собрание? Комсомольское, что ли? Приду, приду.

Он тотчас встал, попрежнему задумчивый, пошёл от костра и скрылся в дыму. Володя проводил мастера долгим взглядом, вскинул на плечо пилу, негромко сказал:

— Пошли, девчата.

V.

Технорук лесопункта Сергей Павлович Пелевин в этот день ездил по вызову главного инженера в леспромхоз и вернулся в Снежный поздно.

Дом, где он жил, когда-то был на окраине посёлка и только в прошлом году очутился в самом центре, окружённый такими же двухквартирными бревенчатыми домиками, ещё не успевшими потемнеть от дождей и ветров.

С каждым годом лес отступал всё дальше, давая место человеческому жилью, и уже не угрюмый шум вековых слей, а весёлое гудение проводов и звонкие голоса паровозов слышались в долине зимние вечера в этом некогда глухом и безлюдном краю.

Всего лишь полтора года назад приехал Пелевин в Снежный, но по праву считал себя старожилом, ибо большинство рабочих, составлявших ныне постоянный кадр лесопункта, прибыло и осело здесь совсем недавно — перед началом осенне-зимнего сезона. Да и сам посёлок тоже разросся на глазах Пелевина.

Не вдруг и не случайно стал Снежный крупнейшим в Крутогорском леспромхозе механизированным лесопунктом, своеобразным центром огромного района, с прочно заложенным индустриальным будущим. Исподволь готовился он к тому крутому повороту, который произошёл нынче осенью и который, несмотря на первые успехи, до сих пор не был до конца завершён. Как технический руководитель, Пелевин понимал, что предстоит большая и кропотливая работа по освоению новых форм организации труда. Очевидно, потому, что он являлся ещё и партийным руководителем, мысли его постоянно забежали вперёд, не ограничиваясь повседневными заботами. Узнав в леспромхозе, что в Снежном скоро предстоит создать ещё пятый механизированный мастерский участок, Сергей Павлович не только не огорчился в предвидении новых забот и трудностей, а с радостью воспринял это задание, теперь уже окончательно уверовав в близкое превраще-

ние лесопункта в мощный лесозаготовительный комбинат. Сознание ответственности за свою работу помогало Пелевину думать и действовать более активно и целеустремлённо, чем в то время, когда он служил в аппарате треста и имел не столь широкий круг обязанностей. В конце концов, именно о такой жизни, напряжённой, трудной и радостной, мечтал он всегда — на школьной скамье, в техникуме, в тяжёлые фронтовые дни...

Торопливо шагая по освещённой улице к дому, Сергей Павлович размышлял о том, что зима в этом году выдалась особенная — ранняя и почти бесснежная, и надо дорожить каждым днём, чтобы до январских морозов и метелей выполнить по меньшей мере две трети сезонного плана. Вспомнился разговор с главным инженером, с которым Пелевину довелось работать в производственном отделе треста. Они уважали друг друга и потому не стеснялись говорить правду в лицо.

Как всегда, инженер прежде всего спросил, что пишет Пелевину Соня, когда обещает приехать, не забывает ли Пелевин в своих письмах передавать ей от него, инженера, поклон и т. д. Его интерес к личным делам технорука был вполне законным, поскольку именно он познакомил Пелевина два года назад с учительницей Соней; обычно Сергей Павлович охотно и даже с увлечением удовлетворял любопытство товарища, но на сей раз те же самые вопросы показались ему назойливыми и неуместными. Буркнув что-то в ответ, Пелевин сейчас же начал рассказывать о нуждах лесопункта. Вскоре разговор принял сугубо официальный характер и закончился жёстким выговором за плохое использование механизмов. Только в кабинете директора, услышав о пятом потоке, Сергей Павлович позабыл о причине, испортившей ему настроение, и затем всю дорогу был возбуждённо весел, словно в леспромхозе получил не выговор, а благодарность.

«Да, пора давать лес в полную меру. Главный инженер прав: мы до сих пор только требовали с людей, а учили их плохо. Да и требовали, признаться, недостаточно. Необходимо повысить сознание ответственности в каждом рабочем, наладить повседневную учёбу. А главное — разжечь в людях дух соревнования, и тогда непременно вскроются те дополнительные резервы, о которых мы пока только догадываемся. Сами люди отыщут эти резервы и подскажут нам, руководителям, новые формы соревнования... Зря я,

между прочим, в контору не заглянул, надо бы узнать, как сегодня Зотов поработал. Не знаю, право, как быть — сразу сказать ему, что решено на учёбу его послать, или пока не говорить? Пожалуй, за обиду старик сочтёт, сгоряча может и от учёбы, и от работы отказаться. Он такой...», — невольно улыбнувшись, подумал Пелевин, обметая возле своего крыльца заporошённые снегом валенки.

В смежной половине дома жил начальник лесопункта Григорий Александрович Разгулов, но огня в его квартире не было видно, и Пелевин решил отложить разговор с начальником на завтра. Как-то отнесётся Разгулов к известию о пятом потоке — с обычной ли самоуверенностью и готовностью взяться за любое, хотя бы и заведомо труднейшее дело, или же станет протестовать и возмущаться? Зная его вспыльчивый, неровный характер, Пелевин не мог сейчас предугадать, обрадует или огорчит начальника привезённая им весть, но всё-таки почему-то решил, что обрадует.

В Снежном Сергей Павлович долгое время жил один, занимая те же две просторные комнаты, в которых некогда проживал с семьёй его предшественник. В первые недели, осваиваясь с делами, он почти не замечал неудобств одинокой жизни, но уже через полгода она стала его тяготить. Разумеется, причина заключалась не в том, что ему приходилось трижды в день ходить в столовую, самому заботиться о разных домашних мелочах, приглашать посторонних людей мыть полы, — всё это было привычно Пелевину со студенческих времён и отнюдь не нарушало душевного равновесия. Надежда на скорый приезд Сони помогала ему переносить многие бытовые неудобства с чувством юмора. Впрочем, готовясь к появлению в доме женщины, он постарался сделать квартиру уютной и даже обзавёлся кухонной посудой. Когда же Соня в третий раз отложила свой приезд на неопределённый срок, Пелевин не выдержал и вызвал мать в Снежный. Она жила перед тем у младшей дочери и собиралась переехать к старшему сыну Ивану, однако, письмо Сергея изменило её намерения. В сентябре она была уже в Снежном. Теперь, как бы поздно ни возвращался Пелевин из лесу, он всегда находил дома и вкусный обед, и горячий чай, а главное — заботливость и участие, которых так недоставало ему прежде.

Повидимому, и сегодня мать долго ждала Сергея, но, утомившись, прилегла на диване, да так и заснула, не сняв даже передника. Пелевин осторожно накрыл её старинной тяжёлой шалью, бесшумно разделся и протянул над плитой озябшие руки. Приятный запах пищи, стоявшей на плите, не вызвал у него аппетита, хотя он не ел с самого утра. Зато чаю с удовольствием выпил подряд четыре стакана. Висевшие на стене ходики показывали половину одиннадцатого. В этот час Сергей Павлович обычно читал или готовился к очередному политзанятию, но сейчас его не тянуло к письменному столу. «Устал, наверно, — усмехнулся он. — Эти поездки для меня всегда хуже самой напряжённой работы в лесу. А может, просто раскис после взбучки у главного инженера? Этого ещё не доставало!».

Он поискал глазами свежие газеты и, обнаружив их на посудной полке, с улыбкой взглянул на мать. «Ну, конечно, всё самое нужное она кладёт на свою полку...». Затем, обвернув лампочку бумагой так, чтобы свет не беспокоил спящую, Пелевин углубился в чтение.

Его внимание привлёк огромный, через всю полосу, заголовочек: «Больше леса родной стране!». Сергей Павлович прочитал статью и потом долго сидел неподвижно, устремив сощуренные глаза в одну точку. Это была его манера — прочесть и гут же, с газетой в руках, мысленно повторить и накрепко запомнить всё самое важное из прочитанного. Его несколько суховатое, тонко очерченное лицо, с приподнятыми бровями, выглядело в такие минуты строже и вместе с тем становилось светлее, будто освещённое изнутри какой-то необычной, хорошей мыслью.

«Да, стране нужен лес, очень нужен. Не меньше, чем уголь или металл. Подумать только: нашего леса ждут строители Сталинграда, шахтёры Донбасса, строители гидростанций на Волге и на Днепре! Им дорог каждый лишний кубометр, а мы здесь ежедневно не додаём сотни кубометров. Этому не может быть оправдания. Впрочем, никто, кажется, и не собирается оправдываться. Даже перед самим собой...».

Пелевин медленно перевернул страницу. Теперь он читал каждую заметку: «Предпраздничная вахта металлургов», «Новый город на Волге», «Машиностроители перевыполнили свои обязательства», «Честным трудом будем крепить дело мира». Не одна область — вся страна пред-

стала перед Пелевиным на страницах газеты, и он уже не мог оторваться от неё. Всюду шло великое созидание. Как бы далеко ни находились те места и люди, о которых рассказывалось в газете, Пелевин воспринимал каждое известие о них с такой же радостью и волнением, как если бы читал об успехах своих, снежинских, лесозаготовителей. Он был убеждён, что придёт время, когда и о них слава разнесётся по всей области, а, может быть, и по всему Союзу... Но сейчас было обидно и неловко от сознания, что Снежный в долгу перед страной. Отложив газету, Пелевин снова задумался.

Стук в дверь прервал его размышления.

Окутанный морозным облаком, вошёл Прокопий Иванович. Был он теперь не в рабочей телогрейке, а в длинном, старинного покроя, пальто, наглухо застёгнутом на огромные пуговицы. Старик, видимо, чувствовал себя в нём стеснённо и неуклюже, так как надевал пальто редко, только по праздникам. Плотно притворив дверь, он отряхнулся, снял высокую барашковую шапку, и смущённо разглаживая ребром ладони короткие жестковатые усы, прошёл к столу.

— Добрый вечер, Сергей Павлович. Извини, что в поздний час беспокою, не утерпел — дай, думаю, загляну на огонёк. Я ведь тебя заметил давеча, как ты со станции шёл. В леспромхозе побывал?

— В леспромхозе. Да ты разденься, у нас тепло. Может, чайку выпьешь? Я налью стаканчик, — предложил Пелевин, обрадованный и вместе с тем удивлённый приходом Зотова. «Неспроста он явился в поздний час. Наверно, на участке что-нибудь случилось».

— Спасибо. Пальто я, пожалуй, сниму, что-то тяжело в нём с непривычки. А насчёт чаю, Павлыч, не беспокойся, я ведь только что от своего самовара.

Скинув с плеч пальто, Прокопий Иванович облегчённо передохнул, присел на краешек стула.

— Ну, что нового в леспромхозе? Поведай, ежели не секрет.

— В нашем деле всё на виду, — улыбнулся Пелевин. — Областную газету, полагаю, каждый день читаешь, там и о нас упоминают. Только вот похвалить что-то не торопятся, всё больше поругивают, верно?

— Не хвалят, верно, — согласился Прокопий Иванович. — Однако и ругают не так чтобы очень...

А зря. Хорошая ругань иногда тоже помогает. Мне сегодня, между прочим, здорово попало от начальства. Главное, мне и крыть нечем, потому что сводки мы им каждый день посылаем, а в них, сам знаешь, один проре-хи, кубометров маловато показано.

— Скоро больше начнём показывать, Сергей Павлович, — нахмурился, сказал мастер и жилистой ладонью медленно разгладил скатерть. — Они, что же, хотят, чтобы мы сразу рекорды давали?

— Почему — сразу? — живо возразил Пелевин; его серые глаза вдруг заметно потемнели. — Поточным методом мы уже второй месяц работаем, а техника у нас и до этого была. Пора бы уж кое-чему научиться. У Панкратова вон рекордсменов нет, а комплексная выработка до трёх с половиной кубометров доходит. Значит, не в рекордах дело, так ведь?

— Панкратов нам теперь не указ, даром что он недавно с курсов, — глуховато проговорил Прокопий Иванович. — У Селезнева и Попова выработка на одного человека не меньше.

— Правильно. Очень хорошо. Но у Панкратова срывов не бывает, он изо дня в день наращивает темпы, — с явным вызовом сказал Пелевин.

— Другие тоже не пялятся... Да и я, кажись, с мёртвой точки сдвинулся. Сегодня при трёх тракторах сто сорок кубометров отгрузил, хоть верь, хоть не верь.

Брови Пелевина взметнулись ещё выше, довольная улыбка осветила лицо.

— Ну, поздравляю. Не с большими кубометрами поздравляю — кубометров ты ещё мало дал, — а с первым успехом. Рад, что ты не отступаешь перед трудностями, стремишься идти в ногу с другими. Понимаю, в твои годы всё даётся труднее, чем в двадцать лет. Знать бы, что обрадуешь сегодня этой новостью, я бы и в леспромхозе иначе разговаривал — потвёрже да посмелее. Может, и слово бы дал, что в ближайшее время Снежный наверстает упущенное.

— Радоваться-то ещё рано, Павлыч, — озабоченно сказал Зотов. — Однако слово такое мог бы дать, зря ты оробел. Начальство за нас тревожится, а ты взял да и отмолчался, вроде и дело не твоё. Нехорошо. Ты ведь парторг, за всех нас первый ответчик, вот и надо было ответное слово сказать. Думаешь, краснеть бы потом за нас

пришлось? Не пришлось бы. Конечно, этак неделю назад, я бы, пожалуй, не поручился за себя, а сейчас — поручусь. И каждый бы поручился, можешь не сомневаться. — Прокопий Иванович посмотрел в смеющиеся, снова посветлевшие глаза Пелевина и, улыбнувшись, добавил: — Да ты ведь и без меня это знаешь; чего ради я тебя, в самом деле, агитирую?

— Я хоть и знал, что люди не подвели бы, но теперь ещё больше в этом убедился, — серьёзно сказал Пелевин. — А обещания я потому не дал, что мы уже одно обещание дали, зачем же повторяться? Выполним своё обязательство — честь нам и хвала, не выполним — грош цена всяким обещаниям, сколько бы мы их ни давали. Так или не так?

— Верно, Павлыч, — кивнул Зотов. — Обязательство наше всё равно, что клятва, я так понимаю. О нём, может, и в Москве известно, его нельзя не выполнить. — Он откинулся на спинку стула, скрестил на груди руки; задумчивая улыбка смягчила его строгое, морщинистое лицо. — Читаю я, Павлыч, о гидростанциях, которые на Волге и в других местах строятся. Великое дело задумала наша партия, прямо сердце радуется. Прежде я, бывало, всё жалел, что старею, до коммунизма не дотяну, а теперь у меня о другом забота: как бы не оказаться в хвосте. Вот ты, Павлыч, обрадовался, что мы сто сорок кубометров дали. А мне, правду сказать, ещё обиднее на себя стало. Ведь по столько мы каждый день могли бы давать, почему же этого не добивались? Могли бы, а не делали, — ну, разве не обидно? Выходит, в полсилы работали, ответственности своей не сознавали. Да и уменья нехватало. А кто же нам уменье препятствовал приобретать? Кто хотел, тот давно умельцем стал, примеров тому множество. Того же Панкратова взять... — Прокопий Иванович, очевидно, вспомнив, что заговорил не о том, поморщился, переменил тон. — А что касается обязательства, так тут никаких отговорок быть не может. Знаешь ведь поговорку: взялся за гуж — не говори, что не дюж.

— Правильная поговорка, ничего не скажешь, — ответил Сергей Павлович. — Выдюжим, Прокопий Иванович, хоть и трудновато придётся. — Он расстегнул защитного цвета китель, взял карандаш и быстро стал писать на клочке бумаги какие-то цифры. — Коммунистов у тебя на участке мало, зато имеется восемнадцать комсомольцев.

Это немалая сила. Как они тебе помогают? Помню, ты жаловался, что, дескать, поговорить они мастера, а настоящей помощи не оказывают. Или, может, ты сам пренебрегаешь их помощью? Растолкуй-ка, в чём тут дело?

Прокопий Иванович подозрительно взглянул на Целевина и с искусно разыгранным удивлением проговорил:

— Это когда же я тебе жаловался? Ей-богу, не припомню. Ну, может, был какой попутный разговор, а вообще я на своих ребят не обижаюсь. Давеча у них собрание состоялось, и я на него тоже пошёл, хотя и не комсомолец. Кое-кому там крепко досталось, трактористам, например. Дернову и Кочергину пришлось дать полный отчёт товарищам. Разговор у них вышел вроде бы вежливый, но до того серьёзный, что я, признаться, ушам своим не поверил. И откуда они такой серьёзности набрались? Я-то думал, у них только клуб да танцы на уме, а вот поди ж ты!.. Они за участок не меньше моего болеют. Зачем бы я стал на них жаловаться, сам посудите?

— Да, жаловаться на них у тебя нет оснований, это и я теперь вижу, — улыбнулся Целевин. — Скажи-ка, сколько Куканов сегодня вывез?

— А сколько бы ты думал? — задорно спросил Прокопий Иванович. — Пятьдесят три кубометра, вот сколько! Если бы все так работали, я бы за неделю Панкратова догнал.

— В том-то и дело, чтобы остальных трактористов до Куканова подтянуть. Между прочим, основной недостаток в нашем лесном деле как раз и заключается в этих вот контрастах. Одни трактористы вывозят за смену по шестидесяти кубометров, а другие ни разу не выполнили даже нормы. Есть электропильщики, которые валят по шестисот деревьев и больше, а другие, работающие в той же делянке, не могут спилить и двухсот. И это при совершенно равных условиях. В чём тут причина, по-твоему?

— Как тебе сказать? — замаялся Зотов, пожимая плечами. — И в одной делянке условия разные бывают. Но допустим, что они, как ты говоришь, равные. Тогда, выходит, люди не одинаковые, в этом, по-моему, суть.

— Люди у нас везде одни — советские, — твёрдо сказал Целевин. — Золотые люди, им цены нет. А вот руководители, организаторы производства бывают разные, с этим я согласен. Мне приходится бывать на всех четырёх мастерских участках, и я, естественно, сравниваю устано-

вившиеся там порядки. Есть в них, конечно, много похожего, и всё же каждый имеет свои особенности, свой, я бы сказал, стиль. И этот стиль, Прокопий Иванович, определяется прежде всего руководителем, его деловыми качествами, даже его характером. Вот я вчера шёл из лесу и размышлялся: соединить бы, думаю, заботливость Попова о людях с требовательностью Селезнева, а твой опыт — со знаниями Панкратова, да вложить бы эти качества в каждого из нас — отличные бы мастера получились, как думаешь?

— Может, и получились бы, как знать, — неохотно ответил Прокопий Иванович. — Только в жизни так не бывает, чтобы один человек был и швец, и жнец, и на дуде игрец. Как ты иному все эти качества привьёшь, ежели он от рождения свой характер имеет? Главное, чтобы каждый на своё место был поставлен, чтоб оно по душе ему было.

— От каждого по способностям, одним словом? Верно. Да ведь способности в людях выявлять надо, совершенствовать. Понятно, приказом не сделаешь человека идеальным, но воспитать в нём нужные качества можно. Это наша с тобой обязанность как руководителей. А чтобы уметь воспитать, надо прежде самому обладать всей суммой качеств, необходимых воспитателю... — Сергей Павлович задумчиво повертел в пальцах карандаш и, как бы рассуждая с самим собой, продолжал: — От нас, лесозаготовителей, сейчас требуется такое же искусство руководства, как и на любом промышленном предприятии. Суточный график, новая технология, комплексная механизация — всё это появилось в лесу недавно, как бы целиком перенесено сюда из заводского цеха. В лес пришёл квалифицированный рабочий, и к нему нужен иной подход, чем, скажем, к лесорубу, у которого, кроме топора, ничего в руках не бывало. Руководить теперь старыми методами нельзя. Сама жизнь заставляет нас переучиваться, хотя, конечно, не всем это удаётся легко и быстро. Вот ты, Прокопий Иванович, давно мастером работаешь и, наверно, по себе знаешь, как усложнились и расширились твои обязанности. Можно с уверенностью сказать, что теперь у тебя проявились такие способности, о которых лет пять назад ты и сам не подозревал.

Целевин испытующе посмотрел на Зотова, на лице

которого, насупленном и насторожённом, начали медленно разглаживаться глубокие морщины.

— Спасибо за науку, Сергей Павлович, — помолчал, негромко произнёс Прокопий Иванович. — Без тебя мне бы, конечно, мастером не быть, так и остался бы бригадиром. Шлохо я ещё хозяйствую на делянке, прямо скажу, но от своего не отступлюсь, доверие оправдаю. Назад-то я уже давно не оглядываюсь, вперед стараюсь смотреть... — Он опять помолчал, потёр ладонью вспотевший лоб и, видимо, решившись, сказал: — Раз уж зашёл у нас об этом разговор, надо бы ещё одно дело обсудить, да время-то позднее... в следующий раз, может, зайти?

— Время терпит, говори, говори. Наверно, спешное что-нибудь? — спросил Пелевин, только сейчас догадавшийся, что именно ради этого дела и зашёл к нему мастер.

— Как тебе сказать... — ответил Зотов. — Оно и верно, с одной стороны спешное, а с другой... что-то не хочется спешить. Поучиться бы мне надо, Павлыч, курсы, что ли, какие-нибудь пройти. Ты как думаешь, можно сейчас это устроить?

— Отчего же нельзя? Можно. Как раз на курсы мастеров при тресте новый набор объявлен. Туда и поезжай.

— Да ведь сезон теперь, самая горячая пора в лесу. И обязательство на мне лежит, я его принимал. Может, до весны подождать? — волнуясь, проговорил Прокопий Иванович и с надеждой устремил на технорука повлажневший взгляд.

— А весной, по-твоему, меньше работы будет? Нынче у нас круглый год сезон; вернёшься — новое обязательство возьмёшь. Так или иначе, доучиваться нам всем придётся. По себе, наверно, чувствуешь, как трудно со старым багажом работать, а тем более — руководить.

— Верно, чувствую, — вздохнул Прокопий Иванович. — На каждом шагу чувствую. Уверенности в себе нет, как бы наощупь всё делаешь. А ведь раньше у меня этого не было. Раньше я ко всякому делу с тонким расчётом подходил, заранее знал, что должно выйти. Ныне, вижу, устарели мои расчёты, новые нужны... Так, значит, не возражаешь, ежели я поеду?

— Нет, конечно. Напротив, очень рад, что ты сам понял необходимость учёбы, — подчеркнул последние

слова Пелевин; придвинув свой стул к Зотову, он положил руку на горячую ладонь мастера. — Знаю, тебя смущает, что уезжать приходится в самую горячую пору. А помнишь, как ты возмутился, когда я тебе предложил ехать на курсы летом? Тогда, правда, тоже горячие дни были, однако, Панкратов поехал и сейчас об этом не жалеет. Не думай, что тебя посылают на отдых. Учиться будет трудно, не легче, чем здесь выполнять план. От души желаю успеха. Могу сказать заранее: вернёшься — поручим тебе самый ответственный участок, пятый поток.

— Какой пятый? — не понял Прокопий Иванович. — У нас же потоков пока четыре.

— Да, пока четыре, — кивнул Пелевин. — А будет пять. Приедешь — и не узнаешь свой Снежный, многое в нём переменится. Может, и название ему другое дадим.

— Ну, зачем же название менять? — добродушно произнёс Прокопий Иванович. — Название, по-моему, хорошее, привыкли к нему. Я, Павлыч, насчёт пятого потока не забуду, хоть и жалко мне со своими ребятами расстаться. Но раз это ответственный участок, буду добиваться, чтобы его мне поручили. Теперь другой вопрос: насчёт замены как?

— Завтра позвоню в отдел кадров, что ты уезжаешь, пришлют нового мастера.

— Главное, чтобы толковый попался человек, — озабоченно проговорил Зотов. — А то, знаешь, и из новеньких всякие бывают. Ежели замечу, что в деле нетвёрдо разбирается, никуда не поеду, пока своё обязательство не выполню. Так и запомни.

— За обязательство и я в ответе, поможем в случае чего, не беспокойся, — заверил Пелевин, заметив набежавшую на лицо мастера тень.

— Ну-ну, — пробормотал Прокопий Иванович, поднимаясь со стула и берясь за шапку. — А то, думаешь, мне легко начатое дело оставлять?..

Не договорив, он кое-как набросил на плечи пальто и, позабыв попрощаться, вышел.

Пелевин долго смотрел в окно на удалявшегося мастера и успокоенно улыбнулся, разглядев, как, подходя к своему крыльцу, Зотов старательно застегнулся на все пуговицы, выпрямился и твёрдо, не спеша, поднялся по ступенькам...

Зимний день короток — в пятом часу уже темно. Небо, затянутое грязновато-белыми облаками, было хмуро, и Пелевин то и дело опасливо посматривал вверх. Тучи ползли так низко, что временами верхушки елей исчезали в их мутных волнах. Тем не менее в лесу, особенно на старых вырубках, где снег лежал ровным нетронутым слоем, можно было легко различить любую тропку. Впрочем, Пелевин не любил ходить по чужим следам и теперь прямо целиной пробирался к узкоколейке. Несильный порывистый ветер кружил над головой редкие снежинки.

С недавних пор Пелевин привык возвращаться в посёлок пешком, иногда машинально отсчитывая вслух, шаг за шагом, шпалы. В пути хорошо думалось, и Пелевин вновь оживлял в памяти дневные впечатления, подводил итоги, намечал, что нужно сделать завтра. Шесть километров он обычно преодолевал за час с небольшим, но если забот оказывалось много, он намеренно замедлял шаги, стараясь до конца разобраться в затруднениях и найти верный выход.

Не торопился технорук и сегодня. Чувство неудовлетворённости, возникшее ещё утром, до сих пор не исчезло, и Пелевин хотел дать себе ясный отчёт, чем оно вызвано. Собственно, причина была одна: сезон, как и в прошлом году, начался с пресловутой «раскачки». Сразу взять настоящие темпы не удалось ни одной поточной линии, за исключением панкратовской. Да и у Панкратова что-то не было заметно особенного напряжения. Можно было бы, конечно, просто объявить аврал и потребовать от мастеров резкого повышения выработки, но Пелевин никогда без нужды не прибегал к приказу, пока не отыскивались другие меры, исключаящие бестолковую штурмовщину. Разумеется, Сергей Павлович был далёк от мысли, что только он способен найти выход, однако считал, что технорук в первую очередь обязан его искать.

Вспомнив о Зотове, Пелевин невольно улыбнулся. О своём отъезде Прокопий Иванович никому не сказал, но, судя по всему, он уже в какой-то мере почувствовал себя другим человеком. Исчезла в его голосе всегдашняя раздражённость, движения приобрели большую уверенность и спокойствие. Пелевин провёл у Зотова всю вторую половину дня и понял, наконец, почему на зотовской

деляшке недостатков больше, чем на других потоках. Причина была не в том, что недостатков никто не замечал, а в том, что многие, и прежде всего сам мастер, привыкли к ним и считали их неизбежными. В сущности, Зотов не столько занимался устранением и предупреждением недостатков, сколько требовал от людей поменьше обращать внимания на всякого рода помехи в работе, давать максимальную выработку вопреки этим помехам.

«Людам надо сперва условия для хорошей работы создать, а потом можно и требовать. Кажется, старая истина, и повторяем мы её чуть не ежедневно, а вот на практике не всегда применяем. Зря я опекал Зотова до сих пор, — упрекнул себя Пелевин, сознавая, что в ошибках Зотова есть и его, технорука, вина. — Да если бы просто опекал, а то ведь иногда прямо подменял его, вот что плохо. Нечего сказать, воспитание!» — иронизировал над собой Пелевин, в волнении ускоряя шаги.

Конечно, Зотову помощь нужна, но не опека. Иначе он никогда не научится действовать самостоятельно, как, например, Панкратов. Пелевин уже давно начал переносить панкратовский опыт на остальные участки, однако занимался этим бессистемно и односторонне. У Селезнева или у Попова мало ли хороших новшеств, о которых не знал Панкратов? А у Зотова разве всё плохо? Не первая ли обязанность технорука — обобщать лучшие приёмы и методы всех мастеров, всех рабочих и затем внедрять их последовательно и повсеместно? А он взял за образец одного Панкратова и не замечал ничего положительного у других. Нет, в этом вопросе всё придётся сызнова начинать.

Только теперь ощутил Пелевин холодное прикосновение снежинок, непрерывно таявших на лице. «Придётся завтра пораньше выехать, пути расчищать. Этот снегопад, видно, на всю ночь», — подумал Сергей Павлович.

Вскоре он добрался до посёлка и, не заходя домой, направился прямо в контору. Контора помещалась в низеньком, покосившемся домике, оставшемся от прежних времён. Разгулову нравилось это старое, неказистое помещение. Здесь он жил не дни, когда не было никакого посёлка, а стояло несколько таких же невзрачных изб, да два длинных барака, вмещавших всё население Снежного. Бывало, избы до крыш заносило снегом, а по улицам открыто рыскали волки, но в конторе неизменно го-

рел свет, звонил телефон, и Разгулов бодро докладывал в леспромхоз, что, несмотря на заносы, работы в лесу продолжаются. С тех пор прошли годы, в Снежном появились и двухэтажные дома, но контора юсталась на старом месте. В одной из комнат сидели бухгалтер, счетовод и статистик, в другой был кабинет Разгулова. Как и во всякой конторе, здесь, особенно по вечерам, всегда бывало шумно и многолюдно. Люди приходили сюда со своими нуждами, улаживали хозяйственные дела, обменивались новостями, разнося их потом по всему посёлку.

Пелевин прошёл в кабинет.

Начальник лесопункта сидел за массивным столом, не сняв шапки и чёрного, подпоясанного армейским ремнём полушубка. На столе стояли телефон, лампа под абажуром и мраморный прибор, одна из чернильниц которого была до краёв наполнена яркокрасными, «разгуловскими» чернилами. Писать Разгулов любил, однако, лишних бумаг на столе не терпел. Под стеклом лежал всего один, присланный из обкома партии, документ — график вывозки древесины по леспромхозу на четвёртый квартал.

Григорий Александрович Разгулов пришёл на лесозаготовки вместе со своим отцом и старшими братьями в 1936 году. Правда, он уже не застал поперечной пилы, зато лучковой ему довелось поработать изрядно—вплоть до самой войны. Самолюбивый и самоуверенный, Разгулов взялся за работу с большим желанием. Энергии в нём было тогда в избытке, дело показалось ему вполне посильным, и он «гнал» проценты с лёгкостью невероятной. Была вначале у Григория Александровича мечта поучиться, овладеть хотя бы азами теории, чтобы стать мастером лесозаготовок. Но вскоре его имя замелькало в газетах, о нём говорили на собраниях, ставили в пример, — и это Разгулову чрезвычайно льстило. «Подождите, я ещё не то покажу», — думал он, веря, что не найдётся в лесном деле таких трудностей, которые оказались бы ему не по плечу. Слава его росла, и Разгулов уже неохотно заговаривал об учёбе, когда кто-нибудь из начальства напоминал ему о ней. «Ну, чего ради стану я лучковку изучать? Или там разную технологию, если я её собственным горбом узнал, вот этими руками? Не больно хитрая наука, чего уж там... Силу да волю надо иметь — вот в чём суть».

И ещё были мысли, которыми Григорий Александро-

вич не делился ни с кем. «Уеду — и через месяц меня здесь все забудут. Небожь, ни один чорт не вспомнит. Другие будут греметь... Раз я новатор, мне и без курсов должны в первую очередь бригаду доверить. Да что бригаду — я и с лесопунктом справлюсь. Вот где можно было бы развернуться! Уж я бы всех на ноги поставил, всё бы у меня колесом завертелось...».

К Разгулову приезжали лучкисты из других леспромхозов, перенимали опыт. Он снисходительно рассказывал о своём методе валки, об уходе за инструментом, учил отдельным приёмам. Чужих советов Григорий Александрович не любил, предпочитая до всего доходить своим умом.

На фронт он ушёл добровольцем. После тяжёлого ранения, Разгулов, с орденом боевого Красного Знамени на груди, вернулся домой с намерением поступить в лесомеханический техникум, тем более, что врачи решительно запретили ему физический труд. Однако учиться было некогда: страна требовала леса, а работников на делянках осталось мало. Разгулова послали бригадиром на Берёзовский лесопункт. Вскоре он стал мастером, но по-прежнему не оставлял любимой лучковки, работая иногда целыми днями наравне с другими лесорубами. Получив назначение в Снежный, Григорий Александрович и не подумал обидеться, как прежние начальники, на «ссылку» в самый глухой и трудный лесопункт, а с жаром взялся за дело. Теперь, когда он обладал большой самостоятельностью, имел в подчинении десятки людей, ничего недостижимого для него не могло быть. Война подходила к концу, и Разгулов скоро почувствовал, какие блестящие перспективы открываются перед Снежным в связи с развернувшейся в эти годы механизацией лесозаготовок. И не ошибся: через пять лет он уже возглавлял самый крупный в леспромхозе лесопункт и при удобном случае с гордостью говорил, что Снежный «вывел в люди» он, Разгулов.

В первые дни по приезде Пелевина в Снежный между начальником и техноруком сложились довольно своеобразные отношения. Григорий Александрович попытался резко разграничить обязанности, заявив, что предоставляет Пелевину полную свободу командовать техникой, а на себя берёт руководство людьми. Припомнив отзыв о Разгулове главного инженера леспромхоза, Пелевин по-

думал было, что начальник лесопункта попросту шутит — настолько подобное разграничение показалось техноруку нелепым. Однако, приглядевшись, Пелевин понял: Разгулов уже давно и совершенно искренне считал, что технорук обязан «двигать» всякую технику, а до людей ему нет и не может быть никакого дела. Сказывалось, очевидно, не только приблизительное знание Разгуловым этой техники, но и, главное, глубокая уверенность в том, что никто лучше его не сумеет руководить людьми с наибольшей пользой для дела. И ещё заметил Пелевин, что для Григория Александровича принцип единоначалия является основным, за него он готов был сражаться с кем угодно и по любому поводу. Пришлось Пелевину на первых порах действовать, строго придерживаясь буквы леспромхозовского устава. Он вскоре взял на себя руководство производственной деятельностью лесопункта, и Разгулов, почувствовав, что половина забот свалилась с его плеч, переменил своё отношение к техноруку. Однако в душе завидовал ему и злился, когда Пелевин неопровержимыми доводами доказывал начальнику правильность тех или иных, принятых без Разгулова, технических новшеств. Впрочем, было одно обстоятельство, во всех отношениях приятное для Григория Александровича: лесопункт уверенно шёл в числе передовых, и слава Разгулова, как умелого руководителя, росла день ото дня; Пелевин же, по сути, оставался в тени.

При входе Пелевина Григорий Александрович поспешно закрыл какую-то книгу и сунул её в ящик стола. «Опять, наверно, устав штудирует. Все должностные обязанности на-зубок выучил, только до своих никак не доберётся. Даже шапки не снял, чтобы все видели, какой он занятой человек», — подумал Сергей Павлович.

Разгулов, широким жестом придвинув Пелевину пачку «гвардейских», густым, издавна охрипшим басом проговорил:

— Кури. Это мне жена из Крутой Горки привезла. Хочу отвыкнуть от трубки... Ну, что там в лесу нового? Рассказывай.

Крупное мясистое лицо Разгулова, чисто выбритое, приняло добродушно-снисходительное выражение.

— То-то и плохо, что на делянках всё идёт по-старому, — закуривая, сказал Пелевин. — Не знаю, как у тебя, у меня же впечатление создалось такое, будто годовой

план мы уже выполнили, и торопиться нам некуда. Этак и осрамиться недолго. До нового года считанные недели остались.

— Боже мой, откуда такая паника? — с весёлым недоумением спросил Григорий Александрович. — Я видел сводку за вчерашний день. Вывезено шестьсот кубометров, как раз столько, сколько предусмотрено графиком. Что ты волнуешься?

— Волнуюсь, что за нами числится ещё долг за летние месяцы. Сейчас требуется отгружать не менее семисот кубометров, а мы иногда и пятисот не даём.

— Хорошо, — сдвинув густые брови, сказал Разгулов. — Будем отгружать по семисот, я это обещаю. Ещё что?

— По семисот? Каким образом? Что ты намерен предпринять? — сразу настораживаясь, спросил Пелевин.

— Издам соответствующий приказ, — спокойно ответил Разгулов. — Будь уверен, я сам прослежу, как он будет выполняться. Думаешь, не подействует?

— Думаю, что нет, — так же спокойно сказал Пелевин: как видно, они не впервые говорили на эту тему, потому что Григорий Александрович тотчас с усмешкой попросил:

— Договаривай.

— Признаться, я тоже думал о приказе, когда был у Зотова. Но если мы просто потребуем от мастеров ускоренных темпов, не указав определённых мер по улучшению всей работы, — приказ повиснет в воздухе.

— Пусть попробуют не выполнить! Тогда я приму свои меры, — с угрозой произнёс Разгулов. — Скажи, чего им ещё надо? Технику мы им дали сполна, людей тоже, теперь и потребовать можно. Зря ты, ей-богу, с ними либеральничаешь.

— Требовать — это не значит только ругать. Как, по твоему, в чём у Зотова самое слабое место?

— Чорт его знает, — пожал плечами Григорий Александрович. — Он сам должен знать. Я, что ли, за него разбираться буду?

— Допустим, он знает, — усмехнулся Сергей Павлович. — Ну, а чем мы помогли ему наладить хотя бы ту же трелёвку?

— Ну, это уж по твоей части, — развёл руками Разгулов. — Моё дело потребовать, чтобы твои указания бес-

прекословно выполнялись. Для этого-то я и хочу писать приказ.

— Потосбовать я могу и сам, прав у меня хватит. Зотов, как известно, и сам покричать любит, а ему не это нужно.

— Опять ты за старое. О Зотове теперь уж поздно говорить. — Разгулов грузно повернулся на стуле, кивнул на телефон. — Недавно звонили из леспромхоза, предупредили, что на его место новый мастер едет. А по моему, зря там всё это придумали. Подожди, да уж не ты ли им порекомендовал Зотова, а?

— Да, я рекомендовал его, — сказал Пелевин. — Впрочем, он сам решил поехать.

— Сам? А знает ли он, кого сюда присылают? — возмущённо спросил Разгулов.

— Откуда же ему знать? — улыбнулся Пелевин. — Уж не знакомого ли тебе человека присылают, что ты заранее возмущаешься?

— Какого там знакомого! — махнул рукой Григорий Александрович. — Какую-то девушку, представь себе. Да ещё предупредили: мастер, мол, хороший, только на первых порах помогите ей. Да что у меня — курсовая база, что ли? Не пойму, о чём там в леспромхозе думают! План увеличили вдвое против прошлогодного, а много ли они нам помогли? Да я не прошу помощи, слава богу, своя голова на плечах. Потруднее бывало, да я выкручивался. И сейчас выкручусь, только пусть мне не мешают. Зотов, ведь, в гору пошёл за последние дни, так? И вот, его у меня забирают, а взамен дают неизвестно кого... А эта затея с пятым потоком? Думаешь, это просто — организовать полный мастерский участок в разгаре сезона? Людей нам не дадут, я знаю, а вот план, того и гляди, набавят. Я тут сидел до тебя и думал — чем же в первую очередь заниматься? План ли выполнять, или новые потоки создавать? — Разгулов вдруг лукаво усмехнулся, предупреждающе поднял руку. — Знаю, знаю, ты скажешь, что придётся заниматься тем и другим. Верно, придётся. А всё-таки досадно: почему они решили именно на меня взвалить этот поток? По традиции, что ли?

Пелевина всегда несколько коробило это намеренное подчёркивание Разгуловым своей личности, бесконечное употребление в разговоре собственных местоимений, но

сейчас он сам решил польстить самолюбию начальника, ответив без тени иронии:

— И по традиции, и по обстоятельствам. Ты же сам как-то говорил, что все самые трудные задания поручали тебе.

Разгулов, конечно, сразу понял, что дело тут не в нём, а в возможностях, которыми обладал Снежный, и шутиливо погрозил Пелевину пальцем:

— Ты мне зубы не заговаривай, технорук. Ишь, ты, дипломат... Сам же, небось, и подал директору мысль о пятом потоке, а теперь на Разгулова всё свалить хочешь? Что ж, я не возражаю. Потребуется — я два потока создам, лишь бы Снежный рос и здравствовал. Перспективы у него — ого!

— И я так думаю, — подтвердил Пелевин. — А насчёт меня ты ошибся. В тресте не хуже нас знают возможности Снежного, так что, вероятно, и за шестой поток нам же придётся браться. Я только подтвердил директору и главному инженеру, что их расчёты правильны.

— Хорошо. А людей всё-таки они нам подбросят?

— Нет. Людей мы найдём на месте.

— Ой, найдём ли? — усомнился Разгулов.

— Раз надо, значит, найдём. Ты знаешь, сколько всего жителей в Снежном?

— Кажется, за полтысячи перевалило, — ответил Григорий Александрович.

— А непосредственно работающих в лесу?

— Ну, допустим, двести.

— Стало быть, люди у нас есть? — в упор спросил Пелевин.

Разгулов презрительно скривил толстые губы.

— Так это же просто люди, а нам специалисты нужны... Да и как ты пошлешь в лес ту же домохозяйку, если она не захочет?

— Не захочет, тогда, конечно, не пошлешь. А мне думается, что захочет. Ведь большинство домохозяек — это недавние лесорубы. Из-за денег они, понятню, не пойдут, их мужья зарабатывают достаточно, а вот ради общего дела обязательно пойдут. Может, не все, но многие.

Пелевин говорил убеждённо, и Григорий Александрович поверил, что выход, действительно, есть. А он только что собирался звонить в леспромхоз, просить помощи. Хорош вышел бы разговор! Ведь людей леспромхоз всё

равно бы не дал, а слух о том, что Разгулов не надеется на свои силы, донёсся бы, пожалуй, и до треста.

Скрывая смущение, он с деланной шутливостью проговорил:

— Убедил. Сдаюсь. Только заранее предупреждаю: домохозяек агитировать придётся тебе. У меня, знаешь, терпения на это не хватит, могу испортить всё дело. А специалистов откуда мы будем брать.

— Найдутся и специалисты. Пювара Захваткина знаешь? Он бывший тракторист, хотя, возможно, сам он уже стал забывать об этом.

— Я ему забуду! Ишь, ты! Завтра же посажу за руль, на кухне и без него управятся.

Пелевин вынул из кармана блокнот, не спеша полистал помятые странички.

— А Огородников каким образом в кладовщики попал? — спросил он. — Слов нет, кладовщик он знающий, но настоящее его место тоже в лесу. Как, по-твоему?

— Гм... Пожалуй. Только Огородников неважный отзыв с курсов привёз, а кладовщик в то время мне позарез был нужен. Ладно, я с ним поговорю.

— У меня тут ещё записано с десятков фамилий, могу тебе дать на всякий случай. — Пелевин вырвал из блокнота листок и положил его перед Разгуловым. — Полагаю, кадры мы найдём. Сами специалистов будем обучать. Теперь о Зотове. Учти, он сам пожелал учиться, и я считаю его решение правильным. Кого бы ни прислали на его место, обязательство участок выполнить должен.

— Да ведь обязательство-то подписывал Зотов, а не эта, как её... Вспомнил: Устинова Надежда Николаевна. — Разгулов усмехнулся. — Солидно звучит, а? Небось, недавно просто Надей звали, а теперь Надежда да ещё и Николаевна. Ох, не надеюсь я на неё! Как, по-твоему, будет из неё толк?

— Откуда мне знать? — поднял брови Пелевин. «Чорт его знает, почему она, а не он? Гадай тут на кофейной гуще... Мужчин, что ли, в тресте не нашлось?» — недоуменно подумал он, а вслух сказал: — Будет ли толк — это во многом от нас зависит.

— От нас? — удивился Разгулов. — А-а, понимаю. Ты хочешь сказать, сумеем ли мы сделать из неё настоящего мастера?

— Вот, вот...

— А если она заведомо не подходящий для дела человек?

— Там увидим, нечего гадать заранее.

— Ладно. У меня, по крайней мере, подход к ней будет такой же, как и ко всем... Так ты говоришь, приказ писать пока не следует?

— Нет, отчего же? Сейчас придут сюда Панкратов и Селезнев, посоветуемся с ними. Они могут подсказать немало полезного. Когда Устинова приезжает?

— Должно быть, сегодня, с ночной теплушкой. Сообщили, что она уже выехала из Крутой Горки.

— Я её встречу. Кстати, начну готовить документы на передачу делянки.

— Ох, уж этот мне Зотов! Что придумал! — покачал головой Разгулов. — Ну, поглядим, что он скажет, когда увидит эту наследницу.

В кабинет вошёл Панкратов, за ним Арсений Сергеевич Селезнев, оба в коротких стёганных телогрейках, высоких валенках, с полевыми сумками на боку; мастера были запорошены снегом и долго отряхивались у порога. Афанасий Петрович Панкратов был ровесником Зотову, но выглядел моложе. Высокий, коренастый, с пышными усами на широком обветренном лице, с лукаво-насмешливыми глазами и твёрдым очерком рта, он походил на бравого ротного старшину, одного из тех, кого солдаты уважительно именовали строгим, но заботливым отцом роты. Голос Панкратова дополнял это сходство: басовито-громкий, напористый, привычный к коротким командным фразам, не допускаям возражений.

Селезнев окончил войну командиром взвода. Всегда подтянутый, бодрый, он и своим рабочим сумел привить любовь к порядку и дисциплине. В остальном это был простой и весёлый парень, не пропускавший ни одного танцевального вечера в клубе.

Увидев облепленных снегом мастеров, Пелевин обеспокоенно спросил:

— Метель?

— Никак нет, Сергей Павлович, — пробасил от дверей Панкратов. — Снежок тихий, без ветра, однако, боюсь, затяжной.

— Вот уж нехстати, чорт возьми, — проворчал Разгулов. — Придётся завтра отрывать людей на расчистку.

— Пустяки. Походя управимся. Я же говорю — заносов не будет, — сказал Панкратов, большим носовым платком вытирая мокрую от растаявшего снега шею.

— Смотрите, чтоб не было задержки, — предупредил Григорий Александрович. — Докладывай, Афанасий Петрович, сколько сегодня отгрузил?

Панкратов, усмехнувшись, достал из сумки объёмистую тетрадь, но, не заглянув в неё, положил перед собой и коротко ответил:

— Сто семьдесят кубометров.

— Мало, — нахмурился Разгулов. — Я же сказал, чтоб грузить не меньше двухсот. Сколько раз повторять?

— Зачем повторять? Помню, — спокойно произнёс Панкратов. — Грузчики у меня ещё работают. Только что подали дополнительно четыре платформы. Значит, всего будет двести кубометров.

— Ты бы сразу и говорил. А как у тебя, Селезнев?

— Подходяще, — улыбнулся тот. — На две лебёдки — сто десять.

— Вот видишь, — обернулся Григорий Александрович к Пелевину. — А говоришь — на делянках про годовой план забыли. У Зотова, надо полагать, тоже не меньше полутора сотен отгружено.

— Да, около этого, — подтвердил Пелевин. — Гю у него на ходу только три трактора.

— Дали бы их мне, я бы по меньшей мере двести кубов дал, — с жаром заявил Селезнев; он давно мечтал поработать с тракторами, считая их совершеннее лебёдок. Он, собственно, для того и в контору пришёл, чтобы прощупать почву насчёт зотовского участка, ибо каким-то образом узнал, что Прокопий Иванович уезжает.

— В самом деле! — обрадованно подхватил Разгулов. — Как думаешь, Сергей Павлович? Дадим ему участок Зотова, а?

Пелевин укоризненно посмотрел на Селезнева.

— Легко ты от своего участка отмахиваешься, Арсений Сергеевич. Не ожидал... Помнишь, как мы с тобой ставили первую мачту? Целых три дня возились, пока поставили и оснастили блоками, и всё-таки её свалило, как соломинку. А теперь? Сколько тебе требуется времени на установку мачты?

— Самое большее — час, — не без гордости ответил Селезнев.

— Ну, вот... И трелюешь ты сейчас лебёдками не хуже, чем Панкратов — тракторами. Сам знаешь, у нас есть такие делянки, куда с тракторами не сунешься: овраги, болото, рытвины да кочки. А лебёдкам всё это нипочём. Кому же, как не тебе, и дальше совершенствовать это дело, раз ты уже досконально его освоил? Скажу по правде, я очень рассчитываю на твой опыт при разработке делянок с трудным рельефом. И потом, ты же сам говорил, что возможности лебёдок ещё далеко не исчерпаны. Как же ты надумал бросить участок, не доведя начатое до конца?

Пелевин дружески улыбнулся, словно давая понять, что намерение Селезнева было не чем иным, как шуткой.

— Действительно, Сергей Павлович, — смущённо заговорил Селезнев, — кое-что мы ещё не использовали, надо будет попробовать. У меня тут есть некоторые расчёты, могу показать... — Похлопав ладонью по полевой сумке, он выжидающе взглянул на скрипнувшего стулом Разгулова.

— Давай, давай, пробуй, — полунасмешливо-полусердито сказал Григорий Александрович. — А то приедет новый мастер, он вас всех за пояс заткнёт. Говорят, с высоким образованием человек.

— Ну, мы тоже не лыком шиты, — пробасил Панкратов. — Поглядим ещё, кто кого... Так вы зачем меня вызывали, Сергей Павлович?

— Посоветоваться, как будем годовой план завершать. И твой совет тоже потребуется, — повернулся Пелевин к поднимаемому Селезневу. — Выясним сообща, что нам мешает, отберём всё лучшее, что имеется на каждом мастерском участке, а выводы оформим в виде приказа. Так ведь, Григорий Александрович?

Разгулов, насупившись, молча кивнул.

— Это дело, — одобрил Панкратов, раскрывая свою тетрадь. — Давайте, я расскажу, как у меня работа налажена, а другие добавят. Только надо бы и Зотова с Поповым сюда пригласить, у них интересного тоже немало.

— Правильно, — тотчас отозвался Пелевин. — Я пошло за ними.

— Выходит, у нас как бы производственное совещание будет? — с ноткой удивления и недовольства спросил Разгулов.

— Производственное, — согласился Пелевин — Разделайтесь, товарищи...

VII.

Совещание затянулось допоздна. Именно такое начало и имел в виду Пелевин, когда думал наедине о необходимости систематического внедрения передового опыта на всех потоках. Совещание наглядно показало, какой крупной ошибкой была его попытка осуществить это кропотливое дело одному. Много дельных мыслей и предложений, подтверждённых фактами и цифрами, было высказано мастерами в обоюдных спорах. Обобщить и чётко сформулировать итоги прений по тому или иному вопросу оказалось не так уж трудно. Получилось нечто вроде свода рациональных приёмов и правил, из которых мастер мог выбрать и применить у себя наиболее подходящие к местным условиям. Выяснилось, например, что даже такой, на первый взгляд, несложный процесс, как раскряжёвка древесины, организован у каждого по-разному. Разница обнаруживалась иногда в мелочах, но именно они-то и обуславливали выработку. Верхние склады, несмотря на имеющиеся стандартные схемы, также устраивались различно. Панкратов, к примеру, имел две приёморазделочных площадки да ещё намеревался оборудовать запасную, тогда как Зотов обходился одной, и Панкратов легко доказал, почему выгоднее иметь не одну, а по меньшей мере две площадки.

Прокопий Иванович пришёл на совещание хмурым, насторожённым, с виноватым видом. Постепенно, однако, он оживился и, повидимому, забыв о предстоящем отъезде, со свойственной ему горячностью включился в общий разговор. Уходя, задорно сказал Панкратову:

— Теперь держись, Афанасий, нетю живо на лятки наступим...

Панкратов, не желая портить Зотову настроение, умолчал о приезде нового мастера и только улыбнулся в ответ...

Пелевин остался в конторе один. Попробовал было переписать текст передаточного акта, но не кончил, бросил на плечи полушубок и пошёл на станцию.

Как всегда, на станции было оживлённо и шумно. Вдоль путей горели на столбах лампочки. Кондукторы, помахивая фонарями, обходили гружённые лесом составы, проверяли сцепы.

Снегопад прекратился, небо очистилось, с севера по-

тянуло холодом, и над лесом время от времени полыхал синевато-белый веер полярного сияния. Он то ярко разгорался, приближаясь из бездонной тьмы к Снежному, то затухал, выбрасывая в сторону слабые, неуловимо колеблющиеся лучи. «Надо готовиться к морозу», — подумал Пелевин, на все пуговицы застёгивая полушубок.

Он пересек пути, засыпанные свежим слоем снега, настолько мягким, что при каждом шаге из-под валенок вздымалась белая пыль, и вышел на перрон. Собственно, перрона, как такового, пока не имелось, а просто была утрамбованная шлаковая площадка подле дежурной будки. Пелевин заглянул в будку. Дежурный сказал, что теплушка опаздывает. «Дорогу, видать, замело, осторожно едут», — добавил он, заметив, что технорук посмотрел сперва на график движения, а затем на часы. Было далеко за полночь.

Пелевин снова очутился на улице. Северное сияние заняло почти полнеба. Весело перекликались паровозы. Не верилось, что именно они, такие маленькие, словно игрушечные, с такими пронзительными, тонкими голосами, способны стронуть с места и тянуть за собой множество платформ, доверху нагружённых тяжёлыми брёвнами. Снопы искр и раскалённых угольков стремительно извергались из паровозных труб, с сердитым шипением зарываясь в снег.

Пелевин вспомнил о матери, которая, наверно, трижды разогревала ужин и в конце концов легла спать. Он мог бы, как советовал Разгулов, поручить нового мастера заботам завхоза, но тот, конечно, давно спал, и Пелевину не хотелось его тревожить. К тому же Сергея Павловича попросту одолевало любопытство: что за человек эта Устинова? Неужели Разгулов окажется прав, предсказывая возмущение Зотова подобной заменой? Он даже попытался мысленно представить себе её внешность и тут же рассмеялся: при чём же тут, в самом деле, внешность? Вот знать бы, какой у неё характер... Одним словом, не признаваясь в том самому себе, Пелевин волновался. Полчаса ожидания показали ему невероятно долгими.

Наконец вдали блеснул прожектор паровоза. Красный шлейф искр стлался над поездом, затухая где-то за последним вагоном. Сергей Павлович огляделся: из встречающих был только он один. Паровозик, тяжело отдуваясь, остановился возле дежурки. Тотчас из обеих теп-

лушек высыпали пассажиры, но это были, несомненно, не новички в Снежном: не задерживаясь, они быстро разошлись каждый своей дорогой. Пелевин, не спуская глаз с дверей вагона, пытался закурить. Спички гасли одна за другой. Так он и подошёл с незажжённой папиросой во рту к девушке, нерешительно остановившейся в двух шагах от теплушки.

— Товарищ Устинова, если не ошибаюсь?

— Да, — обрадованно сказала она, сразу берясь за чемодан.

Пелевин заметил, что губы с трудом повиновались ей; как видно, вагон не отапливался, и девушка изрядно озябла.

— Скажите, пожалуйста, как мне пройти в контору? Или оттуда уже все разошлись? — спросила она.

— Пожалуй. Время позднее. Впрочем, пойдёмте, тут недалеко. Я технорук лесопункта Пелевин, будем знакомы.

— Здравствуйте. — Устинова неловко стянула тонкую шерстяную перчатку и слабо пожала протянутую руку Пелевина. — Разве вас предупредили о моём приезде?

— Да, конечно. Мы ждали вас. Давайте ваш чемодан. В конторе вы быстро отогреетесь, идёте.

У неё, кроме чемодана, был ещё узел. Пелевин взял и его. Обойдя заиндевевший паровоз, они пересекли линию и по заметённой тропинке пошли на огонёк, оставленный Пелевиным в конторе. Уже на крыльце Устинова сказала:

— А у вас стало светло. В прошлом году лампочек на улице ещё не было.

— Вы бывали здесь? Почему я вас не помню? — удивился Пелевин.

— Собственно, я только проезжала Снежный. Мы проходили практику на Биряковском лесопункте.

— А, — кивнул он, открывая дверь. — Значит, эти места для вас не новы?

— Выходит, так.

Они вошли в кабинет Разгулова. Пелевин поставил на скамью чемодан и узел, потрогал ладонью полуостывшую печку и решил протопить её ещё раз. Выбирая поленья посуше, он незаметно наблюдал за Устиновой.

На ней было серое, по моде сшитое пальто, серый пуховый платок, маленькие, как видно, подобранные по но-

ге чёрные валенки. Из-под платка выбивались светлые волнистые пряди, которые она сейчас поправляла непослушными с мороза пальцами. На побледневшем лице резко выделялись тёмные, с продолговатым разрезом, глаза. Вскоре лёгкий румянец окрасил щёки, и взгляд, до этого несмелый и выжидающий, стал живее и увереннее. Пелевин тотчас отметил про себя эту перемену, однако, всё ещё не мог решить, понравилась ему Устинова по первому впечатлению или нет.

— Отогрелись немножко? — спросил он, отходя от печки. — Начальник лесопункта был извещён о вашем назначении, но приказа мы не получили. Он не с вами?

— Да... Вот, пожалуйста. — Девушка протянула Пелевину сложенный вдвое лист.

— Теперь всё в порядке. Завтра мы вас оформим по участку, а дня через два-три можно будет принимать делянку. Вам сказали в леспромхозе, на чьё место вас посылают?

— Был такой разговор, — кивнула она; развязав плавок и расстегнув пальто, Устинова присела к столу. — Этот Зотов, кажется уже не молодой. Разве ему не пришлось учиться раньше?

— Нет, он был на курсах дважды, и оба раза до войны. А тогда поточного метода не существовало. Но у него громадная практика.

— А у меня её почти нет, — сказала Устинова, глядя на Пелевина и желая, видимо, угадать, какое это произведёт на него впечатление. — Мне, наверно, трудно будет работать после Зотова, — не то спрашивая, не то утверждая, добавила она.

Пелевин встретился с ней глазами, ободряюще улыбнулся.

— По-моему, не труднее, чем после кого-либо другого... У вас за плечами четыре года техникума, это кое-что значит.

— Кое-что? — переспросила Устинова. — Вы хотите сказать — очень мало?

— Отнюдь нет. Это очень много. Но, видите ли, до сих пор вы учились, теперь же вам придётся самой учить. А опыт — дело наживное, сами знаете.

— Да, я понимаю: здесь мне придётся учиться, и самой учиться, — перебила Устинова.

— Вот именно, — кивнул он. — Бывает, что практика

обгоняет теорию. Техникум — только начало настоящей учёбы, я это знаю по себе.

— Вы меня пугаете, — сказала девушка. — Однако я слышала, что ваш лесопункт — лучший в леспромхозе. Мне ещё повезло.

— Может быть, — неопределённо пожал плечами Сергей Павлович. — Только я не сказал бы, что Снежный — один из лучших лесопунктов. Кроме плана, у нас ещё есть обязательство. Пока мы выполняем его плохо. За звание передовиков предстоит ещё крепко бороться.

— А мастерские участки? С планом они все справляются?

— Не совсем. Например, участок Зотова отставал.

— Отставал? А теперь как?

— Теперь ничего... выправляется.

— Значит, мне достаётся не такое уж плохое наследство?

— Отнюдь не плохое, — твёрдо ответил Пелевин. — Народ там отличный.

— Ещё один вопрос. — Устинова быстрым взглядом окинула кабинет. — Правда, что начальник Снежного очень крутой человек?

— Откуда у вас такие сведения? — недовольно произнёс он. — Разгулов — опытный практик, лесопунктом руководит давно, строг, но справедлив. И вообще, не слушайте, что говорят посторонние люди. Завтра увидите Разгулова сами, составите о нём собственное мнение.

— Да, да, конечно, — торопливо подхватила Устинова. — Я спросила о Разгулове потому, что действительно много о нём наслышалась. И потом, знаете, я просто-напросто волнуюсь, оттого, наверно, и говорю невпопад. Вы с самого начала меня напугали, честное слово.

— А я уверен, что вы нисколько не испугались, — спокойно ответил Пелевин. — Всё, что я сказал, вы знали и раньше. Вы комсомолка?

— Нет, кандидат партии. А почему вы подумали, что я знала раньше?

— Вы в леспромхозе с замполитом разговаривали? — спросил он вместо ответа.

— Да, я была у него.

— Ну, вот... поэтому и подумал, — весело отозвался Пелевин. — Извините, что задержал вас, вам надо отдохнуть. Пойдёмте, я вас провожу... — Он на мгновение

умолк, раздумывая, где лучше её устроить; сначала Сергей Павлович предполагал устроить Устинову на своей квартире, но сейчас ему это показалось неудобным. — У меня есть знакомая хозяйка, у неё вы отлично переночуете. Квартирой мы вас обеспечим скоро.

— Спасибо.

— А утром я найду за вами...

VIII.

Как всегда, Володя проснулся первым. Привычка вставать в одно и то же время выработалась у него давно, ещё в школе ФЗО, так что Володя вполне бы мог обойтись без часов. И обходился, пока не купил часы. Теперь, проснувшись, он непременно зажигал спичку, подносил её к циферблату и только после того, как заводил пружину, вскакивал с койки.

Сегодня, включив свет, Володя сразу обратил внимание на окно: оно оказалось сплошь замёрзшим.

«Вот когда настоящая зима начинается, — не без тревоги подумал он и тотчас почувствовал, как холодные мурашки проступили на спине и голых руках. — Трактористам теперь хватит хлопот».

Он бросился будить Куканова.

— Беги скорей в гараж, Федя. На улице мороз градусов на тридцать, глянь-ка на окно.

— Ну, и пусть, — сонно потягиваясь, сказал Куканов. — Уши отморозить боишься?

— Ты шуточки брось, — рассердился Володя. — Трактор как заводить будешь?

— Да ведь трактор в тёплом гараже, чудак. Заведу, не беспокойся.

— Допустим. А Дернов и Кочергин как? До обеда будут возиться? Помочь-то им надо или нет?

— Сами должны заботиться, — буркнул Куканов и секунду помедлив, торопливо начал одеваться. — Надо их, лентяев, разбудить, как бы не проспали.

— Конечно, надо, — улыбнулся Володя.

— Я вот соберу их вечером, поучу немного, но уж потом пусть на себя пеняют, — решительно заговорил Куканов, разыскивая свои носки среди висевших у печки. — А не захотят учиться, я так и заявлю Пелевину: переводите их в грузчики, я из любого лесоруба сделаю тракториста.

— Скажите, какой выискался профессор! — насмешливо сказал Теремов, высовывая голову из-под одеяла. — Ребята, слышали новость? Вот это новость, так новость! Я только вчера узнал.

— Опять какие-нибудь сплетни? Болтаешься нивесть где каждую ночь, слухи разносишь. Держал бы уж лучшие их при себе, — посоветовал Володя.

— Не хочешь слушать — не надо, — равнодушно произнёс Теремов, садясь на постели. — Ты зря торопишься. Федя, ей-богу. Зотов сегодня, может, совсем на работу не выйдет, а новый мастер наверняка проспит.

— Какой новый мастер? Что ты мелешь? — отозвался Куканов.

— Неужели не слыхал? Зотова учиться посылают, а на его место студентка приехала. Я вчера шёл из клуба и видел, как Пелевин её встречал. Ничего, красивая девчина...

Махнув рукой, Куканов выбежал из комнаты. Володя, кое-что слышавший об отъезде Зотова, недоверчиво спросил:

— Да, может, это жена к Пелевину приехала, а вовсе не новый мастер?

— Ну, да! У Пелевина жены-то нет. Есть, говорят, невеста, да и та в лес не хочет ехать. Да будь это жена, за чем бы он её в контору повёл?

Шурик, мигая заспанными глазами, проговорил:

— Понятно, жену он в контору не повёл бы. Ну, а почему всё-таки студентка — непонятно.

— Вот и я говорю то же, — подхватил Теремов.

— А что тут непонятного? — резко сказал Володя, в душе неприятно удивлённый новостью. — Во-первых, если это студентка, то бывшая студентка, значит, образованный человек. А во-вторых, она, может, не хуже Зотова будет работать, почём знать?

— Ну, уж скажешь! — пренебрежительно протянул Шурик. — А в общем, нам-то что? Работай, знай, а там посмотрим.

— Да уж поглядим, конечно, — ухмыльнулся Теремов.

Через полчаса они ехали на мотовозе в лес. Людей на платформу набилось густо, и Володя внимательно прислушивался к разговорам. Новость уже распространилась, однако отношение к ней было неясное. Многие к тому же не верили, что Зотов в самом деле уезжает. О новом ма-

стере говорили сдержанно, предпочитая, очевидно, сперва увидеть Устинову на делянке, а потом уж высказать о ней своё мнение.

Володя, до сих пор не веривший в отъезд Зотова, теперь уже в этом не сомневался. Что ж, наверно, так надо, начальству виднее, говорил он себе и всё-таки не мог подавить в душе досаду на Прокопия Ивановича, оставлявшего мастерский участок в самый критический момент. Конечно, отложив поездку хотя бы на неделю, Зотов ничего сверхъестественного не совершил бы, однако первые успехи наверняка были бы прочно закреплены. А теперь, с новым мастером, неизвестно, что выйдет. Быть может, придётся всё сызнова начинать. Люди привыкли к Зотову, верили ему, а Устиновой... поверят ли? Кто её знает, что она за человек. Между прочим, почему бы не заменить Зотова своим мастером, ну, хотя бы Селезневым? В Снежном Арсений Сергеевич — свой человек, к нему бы и привыкать не надо...

На развилке мотовоз остановился, высадив половину пассажиров, свернул налево. От развилки зотовцы добились до своей делянки пешком.

Строгую морозную тишину изредка нарушали человеческие голоса. Некоторое время слышалось постукивание колёс на стыках рельсов, но скоро стихло. Под ногами похрустывал снег. Холодок пощипывал щёки, заиндевели ресницы. Высокие ели, обсыпанные снегом, недвижно стояли по сторонам.

Внезапно Володя подумал: что будет с этими красивыми зелёными великанами, когда он их спилит? Вон, например, с той осанистой мощной елью, горделиво стоящей поодаль от остальных?.. Ляжет ли она в сруб жилого дома или пойдёт на строительство новой электростанции. поднимется ли снова в высь, неся на себе провода, или превратится в тёс, окажется ли на Днепре или в Туркмении? Да разве это не всё равно? Везде она одинаково будет служить людям, и чем больше Володя спилит таких елей, тем больше нужного, полезного сделают люди. Любил Володя постоять иногда возле какой-нибудь красавицы-ели, раздумывая, куда её лучше употребить, и всерьёз жалел, что не может сам проследить дальнейшую судьбу спиленного им дерева. Не создавая того, Володя одухотворял свой труд, и любой рабочий день не казался ему ни скучным, ни тяжёлым. Он всегда уходил с делянки с

внутренним сожалением, и чувство неудовлетворённости часто охватывало его. «Ведь я мог бы сегодня сделать больше, если бы как следует приналёг. Придётся завтра навёрстывать...».

Сигнал о начале работы подавал обычно механик электростанции. Чтобы не задержать людей, он являлся на полчаса раньше. За это время он успевал осмотреть станцию, заправить её горючим, проверить исправность кабелей и заточку пил. Ровно в семь Фалевский пускал станцию в ход. Тотчас на разделочной площадке и вдоль магистрального волокна загорались прожекторы и лампочки, и мастерский участок оживал. Если в штабелях оставался не погруженный с вечера лес, то грузчики, не теряя времени, за него принимались; сортировщики им помогали; электропильщики, получив от слесаря пилы, вместе с сучкорубами расходились заснежёнными тропками по лесосеке. Мастер на ходу давал последние указания и нетерпеливо поглядывал в сторону гаража, поджидая трактористов. Без них поток не мог называться потоком в полном смысле этого слова.

Сегодня Прокопий Иванович был приятно удивлён: все три трактора выехали из гаража одновременно. Не выдержав, он пошёл им навстречу и сам принялся укладывать на переезде через канаву развороченные вчера брёвна.

Машины выбрались на магистральный волок. «Хороший сегодня выдался денёк, — подумал Прокопий Иванович, доставая из кармана кисет. — Скорей бы Четвериков возвращался, тогда бы и вовсе расчудесно дело пошло».

Желая поделиться с трактористами обуревавшей его радостью, Зотов призывно помахал им кисетом. Дернов и Кочергин вылезли из кабины с видимой неохотой, думая, наверно, что мастер собирается учинить очередной «разнос».

— Покурите, ребята, малость, а тогда уж и за работу, — добродушно сказал Прокопий Иванович — Ты что, Дернов, жмётся, холодно, что ли?

Дернов смущённо отёр рукавицей капельки пота со лба. Куканов сдержанно усмехнулся.

— Да ты вспотел, никак? — притворно удивился Зотов. — Вот так раз! А помнишь, как ты морозов боялся? Дескать, машину и за два часа не завести в этакий-то холод. Гляди-ка, завёл ведь!

— Завёл, а что ж такого? — сказал Дернов, искоса поглядывая на Куканова. — Фёдор помог вот.

— Сегодня помог, а завтра ты уж сам постарайся. Дело-то, поди-ка, не такое уж хитрое, как ты расписывал, а?

Дернов, справившись с цыгаркой, молча стал прикуривать. Кочергин сосредоточенно ковырял носком валенка примятый гусеницами трактора снег.

— Вы бы, Прокопий Иванович, поговорили со сторожем гаража, — сказал Куканов. — Он во всём сырые дрова винит, а по-моему не в дровах причина. Их можно заранее подсушить, если он спать поменьше будет. Вода у него сегодня была чуть тёплая, да и в гараже, как на улице.

— Я ему пропишу, не беспокойся, — заверил Прокопий Иванович. — Ишь, чорт, сна ему мало! Ты-то сказал ему про воду или промолчал?

— На первый раз сказал, а потом уж, видно, ругаться придётся, — скупой улыбнулся Куканов. — Ну, поехали, ребята. Скоро совсем светло станет.

Садясь в кабину, он ещё раз оглянулся на попыхивающего цыгаркой Зотова. «Что-то не заметно, чтобы он уезжать собирался. Для виду храбрится, или, может, раздумал ехать?».

После вчерашнего совещания в кабинете Разгулова, Прокопий Иванович и в самом деле позабыл об отъезде. О прибытии Устиновой ему ещё не успели сообщить, и сейчас он, припомнив свой спор с Панкратовым, вновь принялся обдумывать, с чего лучше начать перестройку работы. Многие было решено ночью, но теперь Зотов не хотел действовать без совета с рабочими. «Не послать ли мне сегодня кое-кого на практику к Панкратову? Да и самому не худо бы пойти посмотреть. И пойду, постыдно-го в этом ничего нет».

С этими мыслями подходил он к верхнему складу. Светало... Мороз как будто сдал, небо понемногу затягивалось облаками. Отчётливо, деловито стучал движок электростанции. Прокопий Иванович по привычке хотел было подняться к механику, но в эту минуту с площадки кто-то крикнул:

— Товарищ мастер, идите-ка сюда!

Он оглянулся и заметил возле штабелей столпившихся в кружок рабочих, среди них Пелевина и рядом с ним —

чужого человека в сером пальто. «Никак, начальство приехало, — встревоженно подумал Зотов. — Вот уж не во-время, ей богу. Опять на недостатки будут тыкать. Наведались бы через неделю, тогда бы другое дело».

Пелевин, увидев мастера, пошёл ему навстречу, и не успел Прокопий Иванович молвить слово, как технорук весело заговорил:

— А я тебя ищу. Здравствуй. Привёз тебе смену, Прокопий Иванович. Знакомься — Надежда Николаевна Устинова, техник-технолог, недавно окончила лесной техникум. Между прочим, в прошлом году проходила практику в нашем леспромхозе.

Зотов молча взглянул на Пелевина и машинально стянул с правой руки меховую рукавицу. Устинова смотрела на него с нескрываемым любопытством.

— Не приходилось встречать, извините, — растерянно произнёс, наконец, Прокопий Иванович и даже, не сознавая того, улыбнулся приветливо. — Здравствуйте. Опять к нам, значит?

— Да, к вам, — уверенно, по-мужски протягивая ему руку, сказала Устинова. — Хотелось у себя на родине, в Никольске поработать, но направили сюда. Говорят, вы учиться уезжаете, товарищ Зотов?

— Да-да, думаю... Разве уж приказ о моей командировке есть, Сергей Павлович?

— Есть. Звонили из отдела кадров: в четверг ты должен быть там, — сказал Пелевин негромко, но твёрдо.

— А, ну, ну... Ишь, ты! — не то удивляясь, не то возмущаясь, пробормотал Прокопий Иванович; спохватившись, натянуто улыбнулся и пристально посмотрел на Устинову. — Так, значит, вам в Никольск хотелось? Ничего, и у нас работы хватит, даже с лишком. Не пожалеете.

Он неопределённо повёл рукой вокруг и внезапно сказал:

— Сергей Павлович, можно тебя на минутку?

— Пожалуйста. В чём дело?

Они отошли в сторону. Прокопий Иванович нервно подёргал себя за ус, с горьким недоумением заговорил:

— Это что же такое, Павлыч, а? Это как понимать? Разве ж я такую замену просил?

— А эта тебе чем не нравится? — жестковато спросил Пелевин. — Ты пройдишь с ней по делянке, о деле поговори, а уж потом будешь судить. Она четыре года учи-

лась, прежде чем сюда прийти. — Наклонившись к уху Зотова, Пелевин убеждённо добавил; — Плохого человека на твоё место не пришлют, я так думаю.

Прокопий Иванович недоверчиво посмотрел на Пелевина, украдкой покосился на Устинову, с сомнением произнёс:

— Так-то оно так, а всё-таки... Техник, говоришь? Оно, конечно, и из жепщин получают толковые мастера, только эта уж очень молода.

— Себя-то, что же, в старики зачислил? — улыбнулся Пелевин. — Ты каким начинал? Она всего на три года меня моложе. Не в возрасте дело, Прокопий Иванович, ты на другое смотри.

— Ну, ну, поглядим, само собой...

Пока они разговаривали, Устинова наблюдала за происходившим на площадке. Куканов, отцепив воз, торопливо разворачивал машину; у единственного на магистральном волоке развезда его ожидал уже второй трактор. Как ни спешили раскряжёвщик и штабелёвщики, было ясно, что к приёму следующего воза площадка не будет готова в срок. Простой второго трактора неминуем, а когда и он, вслед за первым, отправится на пасеку, простаивать, очевидно, будут штабелёвщики. Необходимого ритма не получалось.

Устинова спросила у подходившего к ней Зотова:

— Сколько тракторов у вас сегодня на ходу?

— Три. Один на ремонте.

— Что с ним?

Прокопий Иванович обернулся к Пелевину, но тот смотрел в другую сторону.

— Эти, как их... топливники, что ли, прогорели, — запнувшись, ответил Прокопий Иванович.

— А как вы думаете, не маловато для трёх тракторов одной площадки?

Прокопий Иванович ещё вчера, убеждённый доводами Панкратова, решил приступить к постройке второй эстакады, но сейчас почему-то умолчал о своём намерении. Усмехнувшись в усы, он сказал:

— Место не позволяет. Вот начнём трелевать с той стороны дороги, тогда, конечно, без второй площадки не обойтись, а пока нам и этой хватает. Где её строить, вторую-то? Кругом топь, пней много, а кроме всего прочего — где людей на это дело брать?

Он опять взглянул на Пелевина, но теперь, судя по всему, остался доволен, что технорук не вмешивается в разговор.

— Пни можно спилить, да и в топь незачем лезть, надо лишь узкоколейку чуть дальше протянуть, — спокойно пояснила Устинова, догадавшись, что её просто-напросто испытывают. — Это всё можно рассчитать, а как же иначе? И людей на это дело немного потребуется.

→ Понятно, когда считаешь, всё проще покажется. Верно, верно, — кивнул Прокопий Иванович. — Что ж, пройдемте на пасеки, валку посмотрим. Заодно и с трактористами познакомитесь. Верхний склад, хоть он и не совсем ладно устроен, я всё-таки не считаю узким местом.

— А где же, по-вашему, самое узкое место? — живо спросила Устинова.

— Трелёвка и обрубка сучьев, — не задумываясь, ответил Прокопий Иванович.

— А почему?

— Боже мой! — раздражённо воскликнул Прокопий Иванович. — Только и разговоров у нас, что о трелёвке. Уже разобрались кое в чём...

— Значит, причины известны? Какие же это причины? — допытывалась Устинова, ровняя свой шаг с широким шагом Зотова.

— Причин много. Тракторы часто простаивают — раз, производительность у большинства трактористов низкая — два, а в-третьих... — Прокопий Иванович искоса проследил за выражением лица девушки и внезапно закончил: — Да вы же чегыре года учились, сами, небось, разберётесь. Только смотрите хорошенько.

— Постараюсь, — улыбнулась Устинова. — Но вы так и не сказали, почему производительность низкая. По-моему, это не причина, а следствие... Кстати, топливник у трактора отчего прогорел? Газочурка была плохая?

— Верно, была вначале плохая, — подтвердил Зотов. — Еловая была чурка, но сейчас только берёзовой пользуемся. Насчёт причин опять-таки скажу: давайте посмотрим сперва, а потом уж и следствие будем выводить.

Помолчали. Мимо, позванивая гусеницами, прошёл трактор Дернова. Дернов чуть не по пояс высунулся из кабины и, не стесняясь, в упор разглядывал Устинову. Его чумазое лицо расплылось в восхищённой улыбке. Прокопий Иванович, стыдясь перед новым человеком за грязное

лицо своего подчинённого, угрожающе махнул Дернову рукой. С не меньшим любопытством оглядела тракториста и Устинова, затем перевела взгляд на машину, изрядно запущенную, и на небрежно сцепленный воз.

Длинные хлысты, задевая за пни, неуклюже переворачиваясь с боку на бок, переплетались между собой, грозя выскользнуть из чокоеров. И, действительно, вдоль волока таких потерянных в прошлые рейсы хлыстов лежало немало. Устинова не преминула заметить:

— Плохо расчищен волок. Придётся эти хлысты опять собирать и возить. Потеря времени... Вот вы, товарищ Зотов, о простых говорили, а между тем этот тракторист явно перегружает машину, портит её.

— Перестарался хлопец, это я и сам вижу, — хмуро проговорил Прокопий Иванович. — Вернётся на пасеку, мы с ним побеседуем...

Пелевин, шедший сзади, остановил Дернова и что-то сказал ему, показывая на воз. Вскоре технорук снова догнал мастеров.

Весь этот день они провели на делянке. Устинову интересовало всё: и способ валки деревьев облегчённой пилой К-5, и квалификация рабочих, и организация техучёбы, и количество комсомольцев на мастерском участке. Комсомольцами Прокопий Иванович мог похвалиться с чистой совестью, но, когда зашла речь о техучёбе, он вынужден был предоставить слово Пелевину. По положению, техническую учёбу обязан был проводить мастер, а Прокопий Иванович пока что сам являлся лишь усердным учеником. Впрочем, в удобный момент он сам рассказал Устиновой об этом, не желая, чтобы она узнала о подробностях от других.

За день Надежда Николаевна успела поговорить со многими рабочими, и для каждого у неё нашлись особые слова и полезный совет. Понравился Прокопию Ивановичу и тон, каким она разговаривала с людьми, — дружеский и, вместе с тем, твёрдый, внушавший невольное уважение. И Зотов удовлетворённо думал: «Уверенность в себе чувствует, сразу видать. Как она Дернова-то за грязную машину отчитала! Эта любому не спустит, будь он хоть трижды специалист. Не зря, стало быть, её четыре года учили. А я-то вначале испугался: ну, какой, думаю, из неё хозяин на делянке? А похоже, что хозяин хороший будет...».

Он долго не решался заговорить с ней об обязательстве, откладывая этот, по его мнению, главный вопрос на вечер, но Устинова, после того, как она близко понаблюдала работу Куканова, Володи Воронкова и познакомилась с ними, сама спросила мастера:

— Сколько тысяч кубометров вы обязались дать за сезон?

— Много, Надежда Николаевна, — сдвинув брови, сказал Прокопий Иванович. — Двадцать пять тысяч, вот сколько.

— Что ж, — подумав, решительно тряхнула она головой, — с такими вот людьми, да с этой техникой можно, пожалуй, и больше дать. Однако, сами понимаете, поработать придётся крепко.

— Само собой, — обрадованно проговорил Прокопий Иванович. — Нам и нельзя иначе — лесу стране требуется много. Да вы не волнуйтесь, у вас дело пойдёт, честное слово, пойдёт. А ежели затруднение какое возникнет, сообщите мне. Я с инженерами, которые учить меня будут, посоветуюсь и приеду помочь. Всё брошу, а приеду.

— Спасибо, Прокопий Иванович. Я обязательно буду вам писать.

Разговор этот происходил недалеко от электростанции, возле нагружённых лесом платформ, ожидавших паровоза. Зотов с помощником только что закончили обмер погружённой древесины. Уже давно стемнело. Над площадкой ярко горели прожекторы. Рабочий день истёк, и лесорубы со всех концов подходили сюда, чтобы вместе отправиться в посёлок. Устинова оказалась в толпе девушек, и вскоре оттуда донёсся весёлый хохот.

Прокопий Иванович, неспеша свёртывая цыгарку, говорил Пелевину:

— Что ж, Павлыч, плох или хорош будет новый мастер, о том ты мне после напишешь. Чувствую, однако, что в верные руки сдаю участок, уеду со спокойной душой. Об одном тебя прошу: настаивай в леспромхозе, чтоб они поскорей организовывали пятый мастерский участок. Вернусь — и чтоб мне сразу дело нашлось, а тогда мы ещё посмотрим, кто кого, уважаемая Надежда Николаевна.

— Вот это да! — рассмеялся Пелевин. — А то с утра у тебя совсем кислое настроение было. Скажи-ка, сколько кубометров отправляешь с этим составом?

— Суди сам: мне подали только восемь платформ, а я мог бы погрузить все пятнадцать, — недовольно ответил Зотов. — И до каких это пор будет подобное твориться на железной дороге? Теперь, значит, жди остальные платформы ночью, а грузить уж утром придётся. Вот тебе и работа! Ей-богу, эта канитель с порожняком всю обедню портит...

— Знаю, — глухо произнёс Пелевин; его злило, что после разговора с главным инженером положение с порожняком не изменилось. — Придётся поставить этот вопрос ещё раз, теперь уже перед замполитом. С понедельника платформы будут подаваться нормально.

— Ой ли? — сощурился Зотов. — Сколько раз этот вопрос поднимали и ставили, а толку пока не выдать.

— Будет толк. Добьёмся, — коротко ответил Сергей Павлович.

К ним подошла Устинова. Её оживлённое, свежее лицо, ещё не тронутое морозными ветрами, показалось Пелевину в эту минуту особенно привлекательным, хотя он предпочёл бы видеть сейчас это лицо серьёзным и озабоченным. Уж не является ли её внешняя уверенность признаком обыкновенной легкомысленной самонадеянности? С другой стороны, Пелевину было приятно заметить, что первое знакомство с отстающим мастерским участком не подействовало на Устинову угнетающе.

Прокопий Иванович, дружески кивнув Устиновой, пошёл вдоль состава. Она посмотрела ему вслед, так что Пелевин не мог видеть её лица, а когда Устинова снова повернулась к нему — в глазах её он прочёл беспокойство и ничем не прикрытое смущение.

— Сергей Павлович, как вы посоветуете?.. С чего же всё-таки мне начать? — тихо спросила она.

Этот вопрос, которого он не ожидал, заданный столь доверчиво и прямо, словно они были знакомы давно, удивил и в то же время обрадовал Пелевина. Он так же тихо и мягко ответил:

— По-моему, начало уже сделано. Так и действуйте в дальнейшем. Главное — не отступать. Понимаете?

— Да, да, понимаю, — кивнула Устинова.

В толпе девушек чей-то звонкий голос запел:

Я сидела на пенёчке,
Любовалась красотой

Эх, морозные денёчки,
Ой, хорош мой край лесной!

И тотчас откликнулся другой девичий голос, ещё звонче и задорнее:

Ой, ты, ёлочка лесная,
В путь далёкий — в добрый час.
Передай привет шахтёрам,
Как приедешь ты в Донбасс.

То пела Зиночка Ветрова

IX.

Несмотря на приказ, Зотов задержался в Снежном на лишних четыре дня, и Устинова, таким образом, получила возможность ознакомиться с делянкой более подробно, чем предполагалось ранее. Прокопий Иванович изо всех сил старался облегчить девушке предстоящую перестройку мастерского участка, однако ясного и законченного плана на этот счёт не имел, его советы касались, в сущности, частных дел, а не главного. Впрочем, Надя была благодарна ему и за это, понимая, что старик искренне желает ей успеха. Недостатков она замечала больше, чем видел их Зотов, но считала неудобным говорить о них старому мастеру. Кое-что они, правда, сделали: утеплили гараж, обеспечили прицепщиков тремя комплектами чокеров, нарезали новые пасажи. Для оборудования второй площадки нужны были люди, а Прокопий Иванович не хотел отрываться от основной работы ни одного человека. В конце концов его самолюбие было удовлетворено: накануне отъезда участок отгрузил сто семьдесят пять кубометров.

Уезжал Зотов в четверг, и в этот день Устинова пришла на делянку без него. Рано утром Пелевин официально вручил ей наряд-заказ на разработку делянки, технологические карты, комплект стандартов, складной метр и клеймо мастера. Разгулов, присутствовавший при этом, не проронил ни слова. За эти четыре дня, очевидно, не считая Устинову подотчётным лицом, он ещё ни разу не поговорил с ней о делах и все указания давал исключительно Зотову.

Сегодня Григорий Александрович с утра сам поехал на делянку и, как бы желая подчеркнуть своё недовольство отъездом Зотова, со свойственной ему грубовато-

стью принялся допытываться у нового мастера, как она думает наладить работу. Впрочем, вопросы начальника носили довольно общий характер. Устиновой хотелось подробнее рассказать о намеченной перестройке участка, узнать мнение Разгулова по спорным вопросам, но Григорий Александрович явно думал о другом. Желая, очевидно, выказать перед новым человеком свою требовательность и непримиримость к недостаткам, он строго сказал:

— Полагаю, вы понимаете, товарищ Устинова, что мы посылаем Зотова не потому, что он не умел руководить. Тогда бы мы его просто сняли. У Снежного большие перспективы, и скоро мы будем нуждаться в мастерах с высшим образованием. Но образование — это ещё не всё, имейте в виду... Вас познакомил Зотов с разработанным им планом повышения производительности на участке?

— Он дал мне много полезных советов, — сказала Устинова, краснея от мысли, что она, вероятно, была очень невнимательна, когда Зотов рассказывал о своём плане, и, помолчав, добавила: — Во всяком случае, если даже у него был такой план, я обязана составить свой, учтя его советы. Пока я начну строить вторую площадку. Только вот вопрос: нельзя ли её приспособить одновременно для обрубки сучьев? Ведь кое-где уже давно треляют деревья с кроной и производят обрубку непосредственно на верхнем складе.

Разгулов недоуменно переглянулся с Пелевиным:

— То-есть, как это — на верхнем складе? Зачем?

— Затем, что это значительно ускорит трелёвку и потребует меньшее число обрубщиков. Вы разве не читаете газет? — Надя взглянула на Разгулова и как-то подомашнему, просто улыбнулась, заставив улыбнуться и его; вместо того, чтобы обидеться, Григорий Александрович несколько растерянно проговорил:

— Причём тут газеты? Смешно, ей-богу... Да и кто же из трактористов согласится возить хлысты с кронами? Сколько он их сможет взять за рейс — две-три штуки? Какая же тут выгода? А склад? Да его за один день так захлямят, что там не только работать — пройти невозможно будет.

— Но ведь другие работают! — горячо возразила Устинова. — Я вам покажу газету, где всё это описано.

Мало ли что пишут! — проворчал Разгулов. — Видал, Сергей Павлович? Выходит, мы тут с тобой старыми методами работали. Вот что значит — в лесу живём, в столицах редко бываем... Только сдаётся мне, что толку в этом способе мало, обрубщики у нас и на пасаках с делом справляются.

— Не всегда, — сказал Пелевин. — Устинова права. Обидно, что мы до сих пор не удосужились испытать этот способ. Текучка заела.—Он иронически усмехнулся, поднял на Разгулова повеселевшие глаза.—Вот с этого мы и начнём перестройку, Григорий Александрович.

— Да, пожалуйста! — натянуто рассмеялся Разгулов. — Разве я спорю? Пробуйте на здоровье, но...—Согнав с лица улыбку, Разгулов строго закончил: — Предупреждаю: эксперименты — экспериментами, а план — планом. Не забывай, до нового года осталось два месяца.

— Что ж, значит пробовать надо сегодня, сейчас же, — решил Пелевин и, обернувшись к Устиновой, пояснил: — Потом мы обсудим всё подробно, а пока — давайте испытаем, как это получится на деле.

Степennyй Разгулов едва поспеивал за техноруком, быстро шагавшим к верхнему складу. «Ладно, пробуйте, показывайте свою образованность», — думал Григорий Александрович, испытывая двойственное чувство: с одной стороны, ему хотелось, чтобы эксперимент удался, а с другой — было неприятно, что не он первый подал мысль о новом способе трелёвки.

В эту минуту Пелевин говорил себе: «Да, мы ещё мало думали над тем, какие возможности таит в себе поточный метод. По сути, мы с самой осени стоим на месте, а время сейчас такое, что надо каждый день продвигаться вперёд. Люди из-за нас стоять не будут».

Куканов охотно принял предложение Пелевина попробовать вывезти один воз с необрубленными сучьями. Он словно только и ждал, когда ему разрешат «попробовать». Живо расцепив очередную пачку хлыстов, Куканов влез в кабину и, развернув машину, крикнул замешкавшемуся помощнику:

— Долго тебя ждать? Хочешь, чтобы Дернов нам на пятки наступал?

Пелевин поехал с ними на пасеку. Сидя рядом с Кукановым, он спросил:

— Ты что же, Фёдор, даже и не спросишь, почему и

как мы решили с кронами трелевать. Сколько думаешь вывезти за рейс?

Куканов протёр рукавицей стекло кабины, обернул к техникуму смуглое лицо и спокойно ответил:

— Не меньше, чем всегда, Сергей Павлович. А как — об этом я уже думал. Откровенно говоря, у меня намерение было вечером самостоятельно этот способ испытать, на всякий случай — без свидетелей, а теперь, выходит, с вами придётся.

Целевин удивлённо поднял брови, но Куканов, занятый рулём, уже не смотрел на него. Сергей Павлович почувствовал в душе такое удовлетворение, словно мысль о перенесении обрубки на верхний склад зародилась не где-нибудь, а именно в Снежном. Ведь ясно было, что тот же Куканов, пусть несколькими днями позже, непременно предложил бы этот способ.

Разгулов, проводив трактор Куканова, решил больше не вмешиваться в действия мастера. Он считал происшедший между ними разговор вполне достаточным, чтобы внушить Устиновой должное уважение к начальнику лесопункта.

В присутствии Григория Александровича люди работали на площадке сосредоточенно, без обычных шуток и весёлой перебранки. С непроницаемым, строгим выражением лица, он сидел на бревне и, казалось, ни на кого и ни на что не обращал внимания. Однако все, и особенно Устинова, чувствовали себя связанными под его хмурым рассеянным взглядом.

Приехал с возом Дернов. Заметив Разгулова, лихо выскочил из кабины, покрутился зачем-то вокруг трактора и громко, так, чтобы слышали все, сказал помощнику:

— Шевелись, Вася, а то как бы Куканов с техникумом до вечера на пасеке не просидели. Надо помочь.

Разгулов жестом подозвал Дернова к себе.

— Что там с Кукановым?

— Застрял он, Григорий Александрович, — с готовностью сообщил Дернов, обнажая в злорадной улыбке мелкие белые зубы. — Там же грунт ещё хлипкий, а Куканов залез чуть ли не в самый конец пасеки. Я его предупреждал, между прочим, а он, сами знаете, какой: по уши в землю вроеется, а сделает по-своему. И что, представь-

те, придумал? Прямо с сучьями подцепил хлысты и прёт Умора... Это вы, что ли, ему разрешили?

Разгулов не ответил. «Выведут из строя машину, а потом расхлёбывай», — злясь неизвестно на кого, подумал он. Ждать ещё целый час, пока вернётся Куканов, ему не хотелось. Он решительно поднялся с бревна и направился на делянку Панкратова.

Опасливо косясь на мастера, Дернов вернулся к машине. Он отлично помнил недавний выговор за грязный трактор, и хотя сегодня тот блестел, как новенький, всё же лучше было уехать отсюда побыстрее. Мало ли, к чему могла придаться девушка, понимавшая толк в машинах! Вид у неё, правда, сейчас какой-то расстроенный, вряд ли она даже заметила Дернова, занятая своими мыслями, но Дернов всё время был на-чеку. Как только воз отцепили, он на полном ходу съехал с эстакады и, не притормаживая на рытвинах, скоро скрылся в лесу.

Геня Чердынкин, переглянувшись с Капой, подошёл к Устиновой и, как бы рассуждая с самим собой, произнёс: — Врёт Дернов. Не может быть, чтобы Куканов не выбрался. Разгулов-то зря расстроился, честное слово.

— Он у вас всегда такой... недоверчивый? — не удержавшись, спросила она.

— Есть немножко, — подумав, сказал Геня. — Взгляните-ка, это не Куканов ли едет? Ну, ясно, он, видите, какой у него воз... — Геня приблизился к Устиновой и, преодолев смущение, негромко проговорил: — На Разгулова вы не обижайтесь, Надежда Николаевна. Он всегда так: любит огорчить человека при первом знакомстве, зато уж привыкнет к нему — ни на кого не променяет. Ну, и мы тоже... — Он на мгновение запнулся и, наконец, твёрдо закончил: — Можете не сомневаться, не подведём.

— Да я и не сомневаюсь, откуда вы взяли? — весело ответила Надя, признательно взглянув в серьёзное лицо Чердынкина.

Завидев Куканова, рабочие столпились на краю площадки. От электростанции прибежали Фалевский с Теребовым. Все обратили внимание на то, что Куканов вёл машину на обычной скорости, хотя огромный воз поднимался выше кабины. Отовсюду слышались оживлённые голоса.

— С сучьями-то возить, пожалуй, легче. Видишь, как они пружинят.

— Нет, тяжесть, по-моему, одинаковая, зато сучкору бам, действительно, будет легче работать.

— Молодец, Федя!

— Он-то молодец, а вот нам какво достанется? Трактористы теперь завалят лесом площадку, успевай только поворачиваться.

— Слышал, говорят, вторую площадку будем строить? Небось, успеем.

— Вот уж когда Панкратов нам позавидует! Он-то ведь во всякой рационализации всегда первым был, а тут-таки утёрли ему нос.

— Так уж и утёрли! В других леспромхозах, рассказывают, давно с сучьями треляют.

— Ну и что? А в Снежном всё-таки мы первые это применили.

Тем временем Куканов осторожно вташил на эстакаду взъерошенный, похожий на огромную метлу, воз. Пелевин, сопровождавший трактор пешком, подошёл к рабочим, отёр шапкой пот со лба и, улыбаясь, сказал:

— Ну, вот, всё в порядке. Чердынкин, дай-ка топор, сучья обрубить надо.

— Одну минутку, Сергей Павлович, — сорвался с места Чердынкин. — Сейчас я пилой живо обтяпаю.

Пока он подключал пилу, несколько человек уже орудовало возле разлапистых елей топорами. Другие относили хвою с площадки, а Капа, приготовив сухую берёсту, вскоре разожгла костёр.

— Вот так и будем возить, — сказал Пелевин Куканову.

— Конечно, Сергей Павлович. Дело верное, — невозмутимо ответил тот и, словно устыдившись непредвиденного простоя, заспешил к машине. — Поехали, Петро.

Пелевин молча переглянулся с Устиновой. Она не удержалась, взяла топор и ловко принялась за обрубку. Очищенные хлысты тут же кряжевались Чердынкиным на сортименты. Воз в пять кубометров был обработан в несколько минут.

Передав топор девушкам, Устинова подошла к Пелевину.

— Как видите, Сергей Павлович, дело пойдёт, — сказала она с застенчивой улыбкой, кивнув на штабелёвщиков, грузивших на вагонетку брёвна, чтобы затем уложить их в штабели.

Пелевин не успел ответить. Подошедший сзади Володя Воронков опередил его.

— Вряд ли пойдёт, товарищ мастер. Смотрите, каким топором мне пришлось сучья обрубить. Небось, и в каменном веке таких тупых орудий не бывало.

В доказательство Володя провёл лезвием по рукаву ватника и бросил топор на снег.

— Ты откуда появился?— рассмеялся Пелевин и только сейчас вспомнил, что Воронков, беспокоясь за первый рейс Куканова, шёл за трактором с самой пасеки.

— Я на минутку, Сергей Павлович, — извиняясь, проговорил Володя. — Не беспокойтесь, из-за меня простоя не будет. Там у меня на всю смену хлыстов хватит.

Устинова подняла топор. Испытывая неловкость перед Пелевиным за плохой инструмент, сказала:

— Сегодня же все топоры наточим. Девчата уже показывали мне эти орудия...

Володя поглядел на штабелёвщиков и, помявшись (ему было неудобно вмешиваться в разговор технорука с мастером), произнёс:

— А ведь теперь, Сергей Павлович, нас погрузка будет задерживать. Давно бы её надо механизировать, иначе опять у нас не будет толку.

— Да, погрузка станет тормозить, — живо отозвался Пелевин. — Что бы такое придумать, а?

— Вот будь у нас однобарабанные лебёдки, но где их взять? — не совсем уверенно ответила Надя Устинова, стыдась, что ничего лучшего не может придумать.

Пелевин наморщил лоб, что-то припоминая. Володя с надеждой переводил взгляд то на технорука, то на Устинову. Он дорого дал бы за то, чтобы сейчас же найти выход из положения, но ничего подходящего в голову не приходило. Конечно, лебёдки можно бы приспособить для погрузки, да где их, в самом деле, взять?

— Сергей Павлович, есть лебёдки! Ей-богу, есть! — чуть не подпрыгнув от радости, воскликнул Володя и, опасаясь насмешки, тут же заметно сбавил тон. — Правда, они старые, тросы, говорят, с них сняты, части тоже, наверно, расташены, да разве умелых рук у нас мало? Соберём, Сергей Павлович. Поручите это дело нам, комсомольцам.

Пелевин облегчённо, обернувшись к Устиновой, проговорил:

— А ведь верно Воронков сказал: есть лебёдки. Помню, рассказывали, что их ещё до меня получили и куда-то забросили... мол, непригодны. Ты знаешь, где эти лебёдки, Воронков?

— Найдём, Сергей Павлович, — убеждённо сказал Володя. — Я о них ещё от прежнего завхоза слышал, не провалились же они сквозь землю.

— Разыщем, конечно. Но возни с ними, чувствую, будет много. Придётся-таки поработать.

— Само собой, — кивнул Володя. — Я с ребятами поговорю, никто не откажется. Куканов первый возьмётся, вы же знаете.

— Понятно. Договорились. Запасные части я подыщу. Спасибо за совет, Воронков. Выходит, не зря ты на верхний склад прибежал, а?

— Ну, как же, Сергей Павлович, интересно посмотреть, как это всё будет. Здесь хорошо дело пойдёт — и вальщикам придётся поднажать. Ну, заговорился, а работа стоит. Бегу...

И Воронков прыгнул с эстакады, а Пелевин, довольный предложением Воронкова, с чувством проговорил:

— Будут у нас лебёдки, Надежда Николаевна. И не только лебёдки, а и многое другое.

Помолчав, Сергей Павлович оглянулся вокруг, спросил:

— А где же Разгулов?

— Куда-то ушёл. К Панкратову, наверно, — ответила Устинова.

— Понятно... Как говорится, не запретил и не одобрил. Ну, я пойду, не терпится, знаете, Панкратову обо всём рассказать. Да и Селезневу с Поповым новый метод трелёвки подойдет. Теперь мы всех расшевелим. Вы готовьте пока склад к работе по-новому. Вечером мы ещё посоветуемся, как это лучше сделать.

— Хорошо, Сергей Павлович, — кивнула она, впервые ясно почувствовав не только уважение к этому человеку, но и благодарность за всё, что он сделал для неё в эти дни.

Х.

На первый взгляд, этот день ничем не отличался от предыдущих, таких же стремительных, заполненных неотложными делами, встречами с людьми, новыми впечатле-

ниями. И всё же сегодня Пелевин испытывал особенный душевный подъём. Удачный рейс Куканова, короткий, но дружеский разговор с Устиновой, проводы Зотова, который, уже сидя в вагоне, всё не мог примириться с мыслью, что уезжает надолго, новые замыслы по перестройке участков — всё это не могло не вызвать того особенного настроения, когда самые смелые мечты кажутся вполне реальными и легко осуществимыми.

Хотя Пелевин и знал за собой оставшуюся со школьных лет склонность к восторженности и считал эту склонность безусловной своей слабостью, он и на этот раз не сумел себя сдерживать. Возвращаясь с Разгуловым в посёлок, Сергей Павлович с жаром начал развёртывать перед ним заманчивые планы и рисовать яркими красками недалёкое будущее Снежного. Однако Разгулов молчал, и когда Сергей Павлович заметил на его лице знакомое снисходительно-недоверчивое выражение, то невольно умолк. Ощущение было такое, как если бы Разгулов вдруг сказал Пелевину: «Вот, помню, ребёнком я любил разные небывицы слушать, а теперь не люблю...». В беседах с Разгуловым нечто подобное случалось не раз, и всегда Пелевин мгновенно перестраивался, спускался с небес на землю, становился резким, подчёркнуто официальным. Разгулов знал это и в нужных случаях легко переводил разговор на чисто деловую, практическую почву. Душевной беседы не получалось. И вот сейчас Пелевин попробовал трезво разобраться, что за человек Разгулов, какие изменения произошли в нём со времени их первой встречи.

Что Григорий Александрович умел увлекаться — в этом Пелевин имел случай убедиться не раз. Говорят, в прежние времена Разгулов вечно носился с новыми идеями, будоража весь, в ту пору небольшой, коллектив Снежного. Постарел он за эти годы, что ли? Неужели безвозвратно исчез в нём тот «огонёк», который ещё был замечен в его работе несколько месяцев назад?

Впрочем, всё это лишь предположения. Ведь загорался же Разгулов по-настоящему, когда, например, лично получал от директора леспромхоза срочное задание, или когда инициатива в осуществлении какого-либо мероприятия исходила от него самого. В этих случаях Григорий Александрович не останавливался ни перед чем и добивался своего. Почему же с плохо скрытым недоверием встречал он некоторые новшества, предлагаемые други-

ми? Всем своим видом (редко на словах) он как бы хотел сказать, что эти другие не столько о пользе лесопункта пекутся, сколько стремятся подвести его, Разгулова.

Эта мысль впервые отчётливо возникла в голове Пелевина, и он уже не мог отделаться от неё. Разгулов вразвалку шёл рядом, насупленный, с небрежно зажатой в зубах папирсой. О чём он думал? Ведь вот, кажется, давно знаешь человека, ежедневно сталкиваешься с ним, споришь, доказываешь ему свою правоту, сам нередко соглашаешься с его доводами, знаешь, какая у него семья, и какие книги он любит читать, а попробуй влезть к нему в душу, найти те сокровенные побуждения, которые объяснили бы его поведение в том или ином случае, — и натолкнёшься на глухую стену. Впрочем, не всегда. Ведь смог же Пелевин сблизиться со многими из тех, кто ещё недавно представлялся ему загадочным. Например, с Зотовым, Панкратовым, Воронковым, Кукановым... Да и Разгулов, если вдумчиво разобраться в ряде фактов и наблюдений, отнюдь не является «вещью в себе». В конце концов, многие перемены в характере начальника лесопункта происходили и происходят у всех на глазах. Перемены как будто и незаметные для невнимательного взгляда, но Пелевину-то, ведь, пора бы заметить их и дать им оценку.

Сергей Павлович минут пять шёл молча. Зато Разгулов, как-будто повеселев, искоса поглядывал на технорука, тая усмешку в уголке губ.

— Ты что замолчал? Давай, продолжай, я слушаю, — сказал он добродушно.

Сергей Павлович ответил серьёзно:

— Хочу услышать твоё мнение.

— О чём, например? — осведомился Григорий Александрович. — Ты тут о многом рассказывал, сразу, пожалуй, и не разберёшься.

— Пора бы разобраться. Я тебе не по астрономии лекцию читал, — не без иронии сказал Пелевин.

— Ну, а всё-таки? — нахмурился Григорий Александрович.

— Всё-таки, например, небезинтересно знать, что думает начальник лесопункта о внедрении нового способа трелёвки?

— А что мне думать? Вы с Устиновой начали, вы и доводите до конца. Получится удачно—внедрить недолго.

— Уже получилось. Слышал, что Панкратов сказал?

— Панкратов нам не указ. Он за всё хватается сразу обеими руками, а того не понимает, что сперва испытать новый способ надо. Может, он вовсе безвыгодный, может, в нём только и хорошего, что он новый. Любят у нас иные товарищи это слово, а в суть иногда не вникают.

— Ты как раз относишься к их числу. — Заметив на лице Разгулова прежнюю наигранно-снисходительную усмешку, Сергей Павлович сердито продолжал: — Да, да, именно ты. Почему, спрашивается, ты не захотел вникнуть как следует, выгоден или невыгоден новый способ?

— По-твоему, у меня других забот нет? Ну, а ты убеждён, что нам эта трелёвка с кронами даст выгоды?

— И не только я, а все рабочие убеждены в этом. Моё мнение — завтра же начать перевод всех участков на новый способ. Кстати, придётся сегодня решить вопрос о выделении вспомогательных рабочих на переоборудование верхних складов. Медлить нельзя, нам дорог каждый день. Как твоё мнение?

— Моё мнение — испытать это дело пока на одном участке. Выйдет на одном, тогда введём на остальных. И вообще... хорошо то, что хорошо кончается, знаешь? Ей-богу, не пойму я тебя. То ты пустячную бумажку опасаясь подписать, то гнёшь, не подумавши. Понятно, новое мы обязаны поддерживать, да только и о другом не должны забывать. — Разгулов заговорил глуше, видимо, сдерживая раздражение: — А то за двумя зайцами погонишься, обоих упустишь. По-твоему, если Куканов удачно съездил, так и другие проедут? Гляди, не просчитайся... Потеряем время на эксперименты, да на лишние ремонты, а срок подойдёт — нам скидки на это не сделают, план спросят, как с миленьких. С меня персонально.

— И меня не обойдут, — сказал Пелевин. — Потому то я и хочу поскорей внедрить кукановский способ, чтобы план выполнить досрочно.

— Думаешь, без него бы мы пропали? — усмехнулся Разгулов.

— Нет, пожалуй, но отстали бы наверняка. Другие бы нас опередили. Не забывай, кроме плана у нас есть ещё обязательство.

— Ну, и что же? Боишься, что не выполним?

— Напротив, уверен, что перевыполним, если не будем связывать инициативу рабочих.

— Громко сказано! Да только мимо... Я не против инициативы, и ты мне разные ярлыки не пытайся приклеивать. Тоже, нашёл объект для критики! Снежный, брат, пять лет подряд свои обязательства выполняет, — это, по твоему, не инициатива? Без головы всё это делалось?

— С головой, не спору, — кивнул Пелевин. — Только имей в виду — теперь обстановка иная, инициатива другого рода требуется. Ты хоть и говоришь, что тебе никакие трудности не страшны, а на деле, Григорий Александрович, ты уже боишься рисковать...

— Рисковать? — удивлённо перебил Разгулов. — Это я-то боюсь рисковать? Может, ты за меня все эти пять лет рисковал, а?

Пелевин подавил в себе вспышку гнева, ответил подчёркнуто спокойно:

— Я, понятно, имею в виду, не всякий, а обоснованный риск, без которого не обойтись в любом новом деле. Да, прежде ты рисковал, поскольку мог предвидеть, что из этого может выйти. А теперь ты рассуждаешь примерно так... погоди, дай сказать, потом ответишь, прав я или нет. Пять лет, даже полгода назад руководить было легче. А сейчас, при большой насыщенности участков техникой, каждое новшество неизбежно несёт в себе зачатки риска. А хлопот и того больше. Особенно теперь, когда мы только осваиваем поточный метод. Ты вот сказал: Снежный, дескать, пять лет подряд идёт впереди других лесопунктов. А раз так, почему бы, мол, не поработать пока без сомнительных новшеств? Ведь есть же все возможности и без них выполнить план, зачем же лихорадить лесопункт перестройкой на ходу? В конце концов, здесь не опытно-показательный леспромхоз, недолго и сорваться на разных экспериментах. Сорвёшься, а потом попробуй вновь восстановить былой авторитет, вернуть с таким трудом добытую славу... Или не угадал я, Григорий Александрович?

Вперед показались огни посёлка, и Пелевин, словно опасаясь, что им помешают договорить, остановился. Разгулов, опустив голову, прошёл шага три вперёд, выжидающе, полуобернувшись, сказал:

— Идём, что остановился? Договаривай.

Пелевин приблизился к Разгулову, и они пошли рядом, ровный шаг. Сергей Павлович видел, что Разгулов смущён, ищет подходящего ответа и заговорит не скоро.

Разгулов вдруг рассмеялся, да так естественно и заразительно, что Сергей Павлович удивился.

— Ты меня на пушку не возьмёшь, парторг! — грозя пальцем, оживлённо заговорил Разгулов. — Так я тебе и поверил, ишь, ты! Это ты либо из книжки вычитал, либо другого кого имел в виду. А ко мне это ни с какой стороны не пристанет. Тоже, угадыватель мыслей нашёлся! И откуда ты можешь знать, о чём я думаю? А я тебе скажу так: по делам о человеке можно судить, больше ни по чему, понял? А дела мои всем известны, видны, как на ладони. Славы я не искал, она сама пришла, — об этом ты, небось, и сам знаешь. Риску я не боюсь, нашёл, чем укорить. Любого человека в Снежном спроси — подтвердит. А ежели ошибусь, то сам же и поправлюсь, никто об этом, бывало, и узнать не успеет. Так-то, Сергей Павлович. Складно ты говорил, а в точку не попал...

— Что же, я рад, если ошибся. Но ты всё-таки разберись получше в том, о чём мы тут говорили. И я подумаю, пригляжусь. Ясность в наших взаимоотношениях нужна прежде всего. Взять хотя бы тот же вопрос о новшествах...

— Боже мой, ну, что тут тебе не ясно? — нетерпеливо воскликнул Разгулов. — Трелюйте как угодно, лишь бы лес был. Я что сказал? Я сказал, что вводить это дело надо без вредной поспешности. Наломаете дров, а расхлёбывать мне придётся, учти.

— И мне тоже, не забывай... Известно, кажется, что я никогда не настаиваю на том, в чём не уверен вполне, — заметил Сергей Павлович. — Теперь насчёт вспомогательных рабочих...

— Решим завтра утром. — Разгулов обернулся к Пелевину, не умеряя, однако, шага. — Хотя ты и говорил, будто я рискованно боюсь, а всё-таки хочу предупредить: не увлекайся, мил-друг, этими самыми экспериментами. Разные эксперименты бывают. А ну, как начнут все лесорубы экспериментировать? Им только намекни, они рады будут землю перевернуть, лишь бы что-нибудь этакое придумать. Так и работать, пожалуй, некому будет.

— Нет уж, пусть лучше экспериментируют, чем автоматически обрабатывают свои часы, — решительно возразил Сергей Павлович. — Не думай, что умными бывают одни руководители. Впрочем, рабочие всё равно будут искать и придумывать, даже если бы мы были против. Та-

кой уж у нас народ, Григорий Александрович... Подожди, вот начнём новый мастерский участок налаживать, нам уже не придётся перестраивать тот или иной процесс на ходу. Это будет конвейер в полном смысле слова, как на современном заводе. Опыта у нас к тому времени прибавится втрое.

— Любишь ты преувеличивать, Сергей Павлович, — отозвался Разгулов. — О заводе мечтаешь, а у тебя ещё добрая треть старых механизмов работает не на полную силу. Я потому, собственно, и с Устиновой круто обошёлся, что она, видишь ли, вместо практического дела сразу экспериментами хочет заняться. Ей, может быть, это интересно, но мне-то лес нужен, а не опыты. Скажи, можешь ты поручиться, что она просто-напросто не пускает пыль в глаза?

Сергей Павлович на мгновение замялся при неожиданном вопросе, но вслед за тем уверенно произнёс:

— Нет, не похоже. То, что она предлагает, вполне целесообразно и выгодно. А насчёт простоя механизмов я знаю, как раз вчера мы с тобой разговаривали на эту тему. Ты об этом к слову вспомнил, а у меня просто из головы не выходят. Между прочим, Устинова именно к этому и стремится — к стопроцентному использованию техники. Сейчас это главное... Да, так вот, Григорий Александрович, за Устинову я, пожалуй, могу поручиться.

— Шефство над ней возьмёшь? — хохотнул Разгулов. — Ну, ну, гляди, не промахнись. В случае чего — ты за неё будешь в ответе.

— Не беспокойся, она сама сумеет ответить, если потребуется, — почему-то покраснев, резко ответил Сергей Павлович.

Разгулов промолчал. В посёлке они разошлись: Пелевин направился к дому, Разгулов — в контору, принимать рапорты от мастеров. На крыльце Сергей Павлович присел отдохнуть. Устал он сегодня не больше, чем вчера или позавчера, зато впечатлений было столько, что казалось — их хватит на целую неделю. Однако Пелевин тут же вспомнил, что и вчера он точно так же думал: «Ну и денёк! Есть о чём поразмыслить...». Яснее, чем когда-либо, он понял, почему так неохотно уезжал Зотов. Ему, наверно, тоже работа в Снежном представлялась самой интересной и нужной, и так же его каждодневно волновали большие и малые неудачи и радости.

Сумерки сгушались. Скоро промчится мимо состав с лесом, но ещё раньше прибудет мотовоз с рабочими. Мастера, прежде чем пойти домой, отправятся к Разгулову на доклад. Они положат ему на стол дневные сводки, в которых наберётся добрый десяток граф. Многие из них введены недавно самим Пелевиным, но Разгулов попрежнему смотрит только последнюю—количество кубометров. Если кубометров мало, Григорий Александрович, не выслушав объяснений мастера, подкидывал недодаанные кубометры к завтрашнему заданию и внушительно говорил: «Как и чем—это меня не касается. Ты хозяин на делянке, распоряжайся, мешать не буду. Но кубометры вынь и положи мне сполна. Я проверю...». Выработка колебалась, и разгуловские внушения мало помогали делу.

«Интересно, как он воспринял наш сегодняшний разговор? Оказывается, не любит Григорий Александрович признаваться в неприятных для него вещах. Ну, что ж, поглядим, какие он сделает выводы».

Сергей Павлович, прищурясь, с минуту внимательно смотрел в сторону конторы, куда ушёл Разгулов, и вдруг вспомнил Устинову. Интересно, как-то пройдёт её первый доклад? Держится она в общем хорошо, самостоятельно, хотя и заметно, что это ей стоит больших усилий. Ничего, привыкнет. Ведь когда-то и он, Пелевин, вот так же волновался, приступая к новой своей работе. Уж если говорить откровенно, то волноваться надо всегда. Наверно, это и есть тот «огонёк», который любую будничную работу делает увлекательной, праздничной...

XI.

Оказалось, Разгулов совершенно не помнил, куда были заброшены однобарабанные лебёдки, полученные лесопунктом два года назад. Григорий Александрович даже сомневался, получал ли он их вообще. Тогда Пелевин вызвал механика и вместе с ним, вплоть до вещевого склада, обшарил все уголки, забитые вышедшим из строя различным инвентарём. Лебёдки были обнаружены в просторном сарае, где помещалась дроворезка. Они имели жалкий вид: заржавленные, с полуразобранными моторами, без единого метра тросов. Ремонтировать их обычным способом, силами двух механиков, было бы долго, хотя в мастерской и нашлось всё необходимое для ремонта. Пелевин обратился за помощью к комсомольцам.

Первыми согласились на сверхурочную работу Куканов и Шурик, не обладавший какими-либо специальными познаниями. Разве мог он отстать от друзей? И разве это не было удобным моментом, чтобы кое-чему научиться? Уж если он решил стать настоящим мотористом, то станет им, хотя бы его заставили на первый раз подметать мастерскую.

Теребову, как слесарю, просто было неудобно отказаться от этого дела: ведь Целевин особо подчеркнул, что рассчитывает на его опыт. Однако в первый же вечер Теребов убедился, что кропотливая и грязная работа в мастерской ему не по нраву. Он мечтал проявить свои способности и показать этим гордецам, Куканову и Воронкову, как мало они смыслят в точной обработке деталей, но вскоре понял, что оба, и тракторист, и электропильщик, не зря учились в школе ФЗО. Для начала Теребову поручили сращивать отрезки троса и заодно научить Шурика, как это делается. Но Теребову не улыбалось терять своё преимущественное положение, как одного из немногих, умеющих сращивать тросы намертво (за что, собственно, его и ценили на лесопункте), и он выполнил поручение кое-как. Работу забраковали. А на следующий вечер Теребов не пришёл в мастерскую.

Чтобы не встречаться с ребятами, он не пошёл сразу в столовую, а отправился в общежитие, там переоделся, разыскал своего приятеля кондуктора Сидоренко и пригласил его поужинать вместе.

Сидоренко недавно сменился и, поглядывая на часы, в пятый раз перевязывал перед зеркалом один из своих ярких, необыкновенно пёстрых галстуков.

— Не могу, Юра. Спешу на свидание. В клубе встретимся. — Сидоренко снова прищурился на циферблат. — Этак часиков в десять, не раньше. Приходи без Маруси, я тебя познакомлю с одной девушкой... Танцует бесподобно.

«И где только он берёт такие галстуки? Как у циркового клоуна», — с неожиданной для себя неприязнью подумал Теребов.

— Познакомишь после, — сказал он. — Знаешь, мне хочется сегодня выпить. Настроение паршивое...

— Не удовлетворён жизнью? — иронически спросил Сидоренко. — Поругался с кем? Или выговор от Фалевского получил? Стоит из-за этого нервы портить!

— Да нет, не то, — поморщился Теребов. — Сам не знаю, отчего... Пойдём выпьем, что ли?

— Не могу. В первый раз встречаюсь с девушкой — и вдруг винный запах? Попозже — можно.

— Ну, и чорт с тобой. Подумаешь!..

В столовую Теребов пошёл один. Он был даже рад, что Сидоренко отказался. В сущности, им было бы не о чем говорить. Вообще всё здесь надоело. Уехать бы куда, что ли? Ну, чего ради торчит он тут, в Снежном, когда на другом лесопункте наверняка нашлась бы работа лучше и можно было бы скоро выдвинуться? А здесь только и слышно: Куканов, Воронков, Милютин... Заставить бы Куканова точить пилы — кто бы его знал? Теперь же и Пелевин, и Устинова, и сам Разгулов носятся с ним, как с писаной торбой. Как же, новатор! Главная личность на потоке! А от слесаря разве не многое зависит? Было время, когда и он, Теребов, работал изо всех сил, но кто его оценил? Он снабжал вальщиков отлично наточенными пилами, а Воронков ставил рекорды. Воронкову досталась вся слава, а Теребов попрежнему в тени. С этими лебёдками тоже хитро придумали: Теребов их ремонтирует, а хвалить будут потом Куканова с Воронковым. Привыкли чужими руками жар загребать. Нет, Теребов на это не пойдёт. Да и кто, собственно, может заставить его работать сверхурочно? А если Куканову и Воронкову больше всех надо, то и пусть работают...

Однако так рассуждать Теребов мог только сам с собой, высказать же свои мысли открыто он не решился бы даже Шурику. Несмотря на убеждение, что Шурик молокосос и способен лишь поддакивать старшим, Теребов чувствовал, что его доводы возмутили бы Шурика и довели бы их до ссоры.

Подавленный внезапно возникнувшим чувством одиночества, злобясь неизвестно на кого, он развязно вошёл в столовую.

За обеденными столами сидело несколько запоздалых лесорубов. Зал был ярко освещён, из приглушённого репродуктора неслась плавная мелодия вальса. Официантка в белом переднике подошла к Теребову, чтобы принять заказ.

Фамильярно подмигнув девушке, он небрежно сказал:

— Значит, так, Дуся: сначала выпить, потом заку-
сить. Пару котлеток и стакан компоту. Я, знаешь, слад-
кое люблю...

— Хорошо. Только пить-то ради чего понадобилось? —
неодобрительно спросила Дуся. — Ребята ваши, не пере-
одевшись, в мастерскую ушли, а ты...

— А тебе что, моих денег жалко?

«Ишь, ты, всем до меня дело! — подумал Терёбов; за-
мечание официантки кольнуло его. — Вот назло возьму и
напьюсь. А завтра на работу не выйду. Очень просто.
Заболею и всё... Посмотрим, как вы без меня обойдё-
тесь».

Он ещё ранее решил, что почевать сегодня будет у
Сидоренко, лишь бы не встречаться с ребятами, не отве-
чать на их вопросы. У них свои интересы, у него — свои.
Пусть думают о нём, что хотят. В конце концов он волею
поступать, как ему нравится, и никто не обязывал его
давать отчёт в своих поступках таким же рядовым лесо-
рубам, как и он.

Терёбов не успел ещё выпить стопку, когда в зал
вошёл Дернов. Он был в рабочем комбинезоне поверх
телогрейки, в кожаных рукавицах, с тёмными пятнами
на подбородке. Завидев тракториста, Терёбов обрадова-
нно крикнул:

— Виктор! Иди сюда, садись за компанию. Дуся, при-
неси-ка ещё стаканчик.

Дернов поспешно снял рукавицы и шапку, приблизил-
ся к столику, подозрительно покосился на водку.

— Этого мне не надо, — решительно заявил он. —
Завтра у меня будет голова болеть, а с больной головой
много не наработаешь.

— Да ладно тебе! Подумаешь, велика доза — полто-
раста граммов! Сколько ни работай, всё равно никого не
удивишь. Между прочим, ты откуда так поздно?

— С машиной возился, — неохотно ответил Дернов. —
Из гаража прямо сюда.

— Стараешься, значит? — усмехнулся Терёбов. — Ку-
канова догнать хочешь? Зря стараешься, ничего не вый-
дет. Ему, брат, всегда помогут вырваться вперёд, а тебе
много ли помогли?

— И мне помогли бы, да я сам не хотел. Думал, без
них справлюсь. По-твоему, Куканова догнать нельзя?

— Да нет, не в том дело, что нельзя, — замылся Те-

ребов. — Но ведь он у вас бригадир, ему равняться с тобой неинтересно, и Устинова на тебя иначе смотрит. Я же видел, какой она тебе нагоний дала за грязную машину.

Дернов принял от официантки тарелку супу, отхлебнул несколько ложек и, не поднимая глаз, сказал:

— Придирается ко мне, это верно. Зотов хоть и часто ругался, но в каждую щель не лез. А Устинова прямо-таки проходу не даёт.

— Вот, вот,—ободрённый поддержкой и возможностью высказаться откровенно, торопливо подхватил Терёбов. — Мелочи она видит, а настоящего руководства нет. Подожди, мы ещё сто раз пожалеем о Зотове. Он хоть и неучёный был, да дело знал. Ей-богу, зря его на курсы отослали. Начальство, наверно, хотело сделать лучше, а вышло наоборот. При Зотове наш поток иногда и на второе место выходил, а при новом мастере мигом на последнее скатились. Многие радовались: Устинова, мол, четыре года училась, всю технику изучила, она дело поставит. Ну, и поставила. Вчера мы только сто десять кубов отгрузили, а сегодня, пожалуй, и этого не осилили. Устиновой главное — учёность свою показать. Вот она и придирается. Подумаешь, грязный трактор! Ты ведь не по асфальту едешь. Смешно... Если бы не технорук, у неё и подавно всё прахом пошло бы. На одном Куканове далеко, брат, не уедешь, а на других она ноль внимания... — Терёбов в возбуждении поднял стакан, насмешливо проговорил: — Ей-богу, давай выпьем, Виктор! Чего ради ты из себя непорочную деву изображаешь?

Дернов нерешительно покосился на буфет, потом на аппетитно пахнущие котлеты, вздохнул и сказал:

— Нет, не буду. Завтра разговоров не оберёшься, ежели ребята узнают. И так уж меня два раза на собрании обсуждали.

— Разговоров испугался! Эх, ты... А ещё тракторист... Ну, и что из того, что обсуждали? Тебя от этого не убьют. Ладно, уговаривать не стану. Будь здоров. — Терёбов, стараясь не морщиться, выпил водку и, забыв закусить, вполголоса продолжал: — Ты думаешь, мы не знаем, как Устинова сюда попала? Говорят, Целевин сам её в тресте сагитировал сюда приехать, а Зотова насильно учиться отправил. Что ж, девушка она ничего... Да только мастера из неё ему не сделать, уж это точно. Говорят,

Пелевина послезавтра в леспромхоз вызывают, посмотрим, как она без него управляться будет.

— А ты что о ней беспокоишься? — перестав есть, спросил Дернов. — Тебе легче, что ли, станет, если Устинова не управится? Сам-то ты как в своей будке управляешься? Говорят, пилы как следует заточить не можешь, а ещё над мастером злорадствуешь...

— Я могу, да не хочу, понял? — раздражённо сказал Терёбов. — Есть разница?

— Действительно, разница большая, — многозначительно подтвердил Дернов. — С этого бы сразу и начал. Тогда на кой черт тебя на работе держат?

— А я и не собираюсь тут всю жизнь в будке сидеть, — выкрикнул Терёбов. — Это вы с Кочергиным, как слепые щенки, за Кукановым тянетесь, да и на это у вас силёнок нехватает. А я в любом месте первым буду, если захочу. Слесари везде нужны.

— Слесари нужны, да болтуны вряд ли кому понадобятся. Думаешь, в другом месте тебя не раскусят? Живо, брат, поймут, что ты за человек. Был болтун, болтуном и остался. Выпил и давай воображать. Слесарь! — презрительно сказал Дернов и резко отодвинул от себя тарелку.

— Ну, и катись отсюда, чумазый, — сквозь зубы процедил Терёбов, не найдя более веского ответа. — Брюхолаз несчастный...

— Знаешь, стукнул бы я тебя, да рук марать не хочется. Уж как-нибудь в другой раз, — медленно поднимаясь со стула, ответил Дернов.

Когда Дернов вышел, Терёбова сильнее прежнего охватила бессильная злоба. Он злился на себя за то, что напрасно понадеялся на сочувствие Дернова и был с ним не в меру откровенным, злился, что придётся сегодня ночевать у Сидоренко, а не дома, что никто, даже этот тупица Виктор, не понимает его. Удивительно, как мало самолюбия у таких людей, как Дернов. Он и в школе ничем не выделялся и, наверно, не стремился выделиться, так и здесь будет всю жизнь играть вторые роли, хотя и тщится чего-то достигнуть. Серенький, заурядный человек. И дёрнуло же Терёбова связаться с ним! Ну, да всё равно. По крайней мере, он теперь знает, что у него есть только один друг — Сидоренко. Конечно, Сидоренко тоже ничего не поймёт, зато и возражать не станет.

Куда же пойти? Теребов хотел сегодня напиться, но он не мог больше пить в одиночестве. Обещал Сидоренко прийти к десяти часам в клуб, но его не тянуло туда, даже мысль об этом показалась Теребову противной. И ночевать он пойдёт домой, потому что, как ни стыдно было ему смотреть в глаза ребятам, одиночество было ещё невыносимее. И из Снежного тоже никуда не уедет, ведь неизвестно, как его примут в другом месте и дадут ли такую же спокойную работу, какая у него была здесь...

Может быть, сходить к Марусе? Но Теребов не любил её и обычно встречался с нею только на танцах. Теребова влекло к Зиночке Ветровой, и когда он думал о ней, его взгляд становился нежным и грустным. Грустным оттого, что он знал о её любви к Володе Воронкову и не надеялся на взаимность. Быть может, когда к Володе приедет невеста, отношение Зиночки к Теребову переменится, но пока он не смел и помышлять о том, чтобы открыть ей своё чувство. В мыслях о Зиночке Теребов был другим человеком — робким и серьёзным, каким его не видел никто. Он прощал Зиночке всё — и любовь к Воронкову, и обидное подшучивание над ним, Теребовым, и то, что она восхищалась Кукановым и дружила с этой придирой Женей Милутиной. Он не знал, что ему нравилось в ней, — независимость характера, или привычка надувать при разговоре губки, весёлое озорство, или звонкий, чистый голос. Теребову было очень тяжело скрывать ото всех свою любовь, но не будь этой любви — многое бы в жизни для него померкло. Неужели и Зиночка, как Дернов, считает его болтуном? Неужели и она может подумать, что он попросту завидует Воронкову и Куканову, потому что сам не способен работать так, как они?..

Краска стыда залила лицо Теребова. Он покосился по сторонам и был рад, что в зале уже никого не осталось. Дуся вытирала тряпкой дальний столик, и Теребову показалось, что она всё время наблюдала за ним. Он боялся поднять глаза, опасаясь увидеть её усмешку. Наверно, она слышала весь разговор с Дерновым и передаст его подругам, а завтра о нём будет знать весь посёлок. Чорт дёрнул Теребова за язык! Не с Дерновым и не с Сидоренко нужно было говорить о том, что накипело на душе, а с Зиночкой. Да, Зиночке он высказал

бы всё, и пусть она судит о нём, как хочет. Она бы разобралась, в чём он прав, в чём не прав. А главное — ей бы он поверил и сделал бы так, как она бы посоветовала.

Теребов понимал, что такой разговор вряд ли когда состоится. Но он хорошо знал Зиночку и попытался представить, как бы она ему ответила, если бы хоть немножко его любила. В сосредоточенной задумчивости он просидел за столиком полчаса и поднялся только тогда, когда в зале погасили свет.

XII.

Только что ребята пришли из мастерской. Был десятый час. Когда друзья шли домой, каждый мечтал поскорей лечь на койку и отдохнуть. И каждый, придя в общежитие, забыл о своём намерении. Куканов, раздвигшись, устроился с книгой у печки. Шурик засел за отгадывание кроссворда в «Огоньке». Вскоре, увлечшись, он взобрался с ногами на стул и подолгу грыз карандаш, мучительно морщил лоб, ища нужное слово. Володя взял было газету, но, не дочитав первой же статьи, отложил в сторону. Мысли о Гале, против его воли, властно им овладели.

Ещё каких-нибудь три недели назад он думал о ней с радостью, бурной и нетерпеливой. Думал всегда и везде, потому что думы о ней превращали в праздник любое дело. Тогда он верил в себя, верил в близкое счастье не только рассудком, а всем своим существом. Находясь далеко от Гали, Володя чувствовал её рядом с собой, мог даже вести с ней разговор на любую тему, уверенный, что она отвечала бы ему точно такими же словами, какие он придумывал мысленно за неё. А теперь Володя не знал, о чём вести речь, хотя ему очень хотелось побеседовать с нею. Правда, он написал ей два письма. Но разве в письмах выскажешь всё, что лежит на сердце? О, если бы у него не было никаких сомнений насчёт приезда Галины в Снежный... Не мог же Володя, в самом деле, без конца повторять «приезжай», когда Галя в ответном письме даже не упомянула о своём намерении приехать. Впрочем, в конце письма она попрежнему называла Володю «моим милым медвежонком», но это уже не производило на него впечатления. На-днях должен прийти ответ на его второе письмо, — и Володю страшило, не оказался бы этот ответ последним. Он уже убе-

дился, что, несмотря на всю преданность Зиночки, несмотря на его собственное влечение к ней, Зиночка никогда не сможет заменить ему Галю, как ни старайся он быть с Зиночкой предельно откровенным. Впрочем, не стоило себя обманывать: он не был с ней откровенным до конца. Он не мог ей рассказать многого и прежде всего — о своих надеждах на встречу с Галей. Хорошо, что она не спрашивала его об этом, хотя, судя по всему, догадывалась, о чём он думает. А может быть, Зиночка надеется совсем на другое — на то, что Галя всё-таки не приедет? И он, почти убеждённый, что это так, даёт ей повод надеяться. Зачем он делает это? Не честнее ли просто перестать встречаться с ней? Конечно, с его стороны здесь нет никакого обмана, но всё же расстаться именно сейчас было бы лучше для них обоих.

Но тут Володя решительно восставал против им же самим принятого решения. Почему, действительно, он должен расстаться с Зиночкой? Неужели только потому, что он любит Галю? Но разве он не имеет права дружить с человеком, который ему нравится именно как человек? Что в этом плохого? Он привык к ней как к другу и не откажется от этой дружбы, что бы там ни говорили о них люди. Странно, почему людям кажется, что он должен влюбиться в Зиночку? Вот если бы он встретил её до того, как узнал Галину, тогда бы дело иное.

Отложив книгу, Куканов уже минут пять искоса наблюдал за Володей, рассеянно рисовавшим на газетном листе какие-то кружочки и треугольники. Наконец, не выдержав, спросил:

— Опять о своей Галочке мечтаешь? Хотя бы приезжала она скорей, а то на тебя смотреть жалко — на глазах сохнешь.

— Тебе-то какая забота?

— Да мне-то что, сохни на здоровье, — пожал плечами Куканов. — Скажи хоть, когда она обещает приехать? Не на будущую осень — годов через восемь, а?

В этой комнате не было принято обижаться на шутки. Поэтому Володя, с притворной небрежностью, подчёркнуто уверенно произнёс:

— К новому году, не раньше. Она бы сейчас приехала, да с работы не отпускают. Боюсь вот только, понравится ли ей здесь?

— А чем у нас плохо? — поднял голову Шурик. —

Квартиру тебе дадут, работа для неё найдётся, а если ты говоришь, что Галя книги любит, то пожалуйста — библиотека рядом. Верно, театра пока нет, зато своих артистов сколько угодно. Чего ещё надо?

— Ну, ты не знаешь, чего ей надо, — заметил Куканов. — Может ей твоя рожица не понравится.

— Я-то тут при чём? — обиделся Шурик. — Не я на ней женюсь. И вообще, я могу к Володке не заходить, очень мне нужно.

— Небось, зайдёшь, — рассмеялся Куканов. — Куда ты без него? Шагу ступить не можешь.

— Ну, скажешь тоже! — смешался Шурик. — Пусть только электропилу поможет мне изучить, а там я его и знать не захочу. Больно надо дружить с женатым...

Володя, словно одобряя, хлопнул Шурика по спине ладонью, потягиваясь, прошёлся по комнате. Издали прочитав название книги, которую держал Куканов, неожиданно спросил:

— Федя, тебе какой предмет в школе больше всего нравился?

Куканов удивлённо поднял голову, не задумываясь, ответил:

— Физика. Вообще всё, что относится к технике.

— А зачем ты второй раз «Тихий Дон» перечитываешь?

— Странный вопрос! — подскочил на стуле Шурик. — Почему он не может его перечитывать?

— Вот именно, почему? — пожав плечом, спросил Куканов. — Это же такая книга! Что ни человек, то характер. А как всё правдиво описано! А язык! Вот, послушай, как Шолохов описывает степь...

— Помню, — улыбнулся Володя. — Чудесно! Запах, и тот ощущаешь, когда читаешь... А я больше всего историю люблю. Взял вот историю Рима и зачитался. Особенно, где про Гракхов рассказано.

— Ну, уж если про графов читать, то лучше «Монтес-Кристо» не найдёшь, — убеждённо проговорил Шурик. — И занимательная же штука!

Володя и Куканов дружно расхохотались. Шурик подозрительно и недоуменно посмотрел на обоих.

— Да не о графах же речь, а о братьях Гракхах, римских народных трибунах, — сквозь смех сказал Володя. — Эх, ты, Монте-Кристо!

— Ладно, ладно, — недоверчиво пробормотал Шурик. — Будто уж в Риме и графов не было... Раз там допускалось рабство, то и графья, значит, были.

— Вообще-то были, конечно, но в Риме они иначе назывались. Хорошо посторонних нет, а то бы ты на весь Снежный осрамился, Монте-Кристо этакий, честное слово.

— Подумаешь! — покраснел Шурик. — Что ты мне кличку приклеиваешь? Завёл — Монте-Кристо да Монте-Кристо... Читаешь всякую ерунду, а я, значит, обязан знать?

— А то как же? — серьёзно сказал Володя. — В политшколу ходишь, происхождение государств изучаешь, а Гракхов с графами перепутал. Я ведь про Рим не зря читаю, мне Пелевин посоветовал.

— В самом деле? — удивился Шурик. — Слушай, ты не отдавай эту книгу в библиотеку, я сам потом отнесу. А то, действительно, неудобно получается...

— То-то, что неудобно... Вон она лежит, можешь в любое время взять.

Шурик оставил кроссворд, подошёл к этажерке, стал не спеша листать толстую книгу в белой обложке. Володя пересел на его место, перевернул две-три страницы «Огонька» и сказал:

— Интересно, куда это Теребов девался? В мастерскую не пришёл, и дома его нет.

— В клубе, наверно, где же ему быть? — ответил Шурик. — И главное, не предупредил, что не придёт. Смелости нехватило. А ещё комсомолец называется! Явится, скажу я ему пару ласковых...

— А по-моему, не надо ничего говорить, — возразил Володя. — У Теребова заскок в голове получился, я давненько это заметил, но всё-таки совесть у него должна быть. Мы его часто ругаем, вот он и злится. Знаешь что, Шурик? Придёт он, и ты скажи, что без него мы бы так и не научились сращивать тросы. А теперь, мол, отлично сращиваем, только вот с мотором дело не ладится. Мол, Пелевин к тебе посоветовал обратиться...

— Вот ещё! — возмутился Шурик. — Стану я к нему обращаться! Без него управимся. Не очень-то он нам нужен.

— Почему? Когда-то Теребов неплохо работал, зачем же его отталкивать? Конечно, мы без него всегда обой-

дёмся, а он без нас куда же? Так и будет болтаться да всем завидовать, какая же от этого польза? Может, он и хочет с нами сблизиться, но не знает — как. Надо ему дать возможность...

— Разговаривай с ним сам, а я не стану, — перебил Шурик. — Подумаешь, какие тонкости! Он дурака валяет, а мы к нему с поклоном!

— Ладно, — примирительно улыбнулся Володя. — Я с ним поговорю, ты только не мешай. Отыскал Гракхов?

— Отыщу, не беспокойся, — сердито отозвался Шурик, отходя с книгой к окну.

Окно выходило на глухую улицу, и Шурику была видна только изгородь с наметённым возле неё сугробом. Порывистый ветер взвивал с гребня сугроба белую пыль и, покружив её в воздухе, кидал на дорогу. Мелкие звёздчатые снежинки прилипали к наружному стеклу, образуя причудливые узоры. Шурик следил за весёлой игрой снежинок и, сам того не замечая, по-детски восторженно улыбался.

Он не заметил, как в комнату вошёл Пелевин, и обернулся лишь после того, как услышал знакомый голос:

— Добрый вечер, ребята. Что это у вас так тихо сегодня? Шли бы к девчатам, у них такое веселье — не умеешь, да запляшешь. Давно из мастерской?

— Не очень давно, Сергей Павлович, — ответил Куканов, подходя к столу.

— Ну, как, получается что-нибудь? — с лукаво-задорной усмешкой спросил Пелевин. — Не удалось мне прийти, совещание с мастерами проводил.

Полушубок у Пелевина был расстёгнут, из-под шапки выбивались светлые волосы, как будто девчата и в самом деле заставили Сергея Павловича плясать. Пелевин показался сегодня ребятам особенно простым и близким, потому что на работе, как бы ни был прост и доступен технорук, он всё-таки являлся начальником и не позволил бы себе назвать их ребятами вместо обычного «товарищи».

— Конечно, получается, — сказал Куканов. — Завтра одну лебёдку смонтируем, послезавтра вторая готова будет.

— Молодцы! Только давайте договоримся: работать в мастерской вы станете не больше двух часов. Иначе переутомитесь и ничего не сделаете

— Что вы, Сергей Павлович! — обиделся Володя. — Раз нужно, по шести часов работать будем, а сделаем.

— Нет уж, уговор дороже денег: работать не больше двух часов, — сказал Пелевин, и Володя понял, что спорить бесполезно. — Терёбов ещё не пришёл? Говорят, запил?

— Слышал? — повёрнулся Шурик к Володе. — А ещё собираешься его уговаривать. Я бы его из комнаты выгнал за такое свинство.

— Вот и зря, — сказал Пелевин спокойно. — Выгнать никогда не поздно, поговорить по-хорошему с человеком надо. Вы же не знаете, почему онпил? Может, ему стыдно перед вами было, а может, просто хотел похвалиться, будто ему всё нипочём. Вы попытайтесь-ка заинтересовать Терёбова этой работой, именно этой, потому что она добровольная и, в то же время очень нужная для лесопункта. Я при случае поговорю с ним, но думаю, что вы лучше сумеете, а?

— Непременно попытаемся, Сергей Павлович, — решительно кивнул Володя. — Жалко парня, честное слово. Критика критикой, а разобраться, чего он хочет, тоже надо. Может, его работа не удовлетворяет?

— Ну, да! — ворчливо сказал Шурик. — Известно, лодырей всегда что-нибудь не удовлетворяет.

Пелевин улыбнулся. «Ершистый паренёк, далеко пойдёт, — подумал он про Шурика. — Месяца три назад от него, бывало, слова не добьёшься, теперь до всего ему дело. Подучить его — хороший лесоруб выйдет. Не может быть, чтобы такие ребята на Терёбова не повлияли».

— Завтра я в леспромхоз поеду, вместе с Четвериковым вернусь. Он звонил сегодня, что трактор ему отремонтировали, — сказал Сергей Павлович, обращаясь к Куканову. — Надо будет вам всем переходить на новый способ трелёвки. С мастером мы договорились. Как остальные трактористы?

— Дернов попробовал, да не совсем удачно, а Кочергин выжидает, боится, как бы чего не вышло. Но если будет приказ — начнут все возить, — ответил Куканов.

— Тебе придётся один-два рейса с ними проехать, показать. Имей в виду, на других участках с вас пример берут... В понедельник у нас очередной «день поточной линии», будем обобщать опыт, намечать планы на будущее. Есть о чём поговорить. Вы готовитесь выступить?

Шурик переглянулся с Володей, Володя — с Кукановым, и Куканов, помедлив, сказал:

— Мы, конечно, подумаем... Выступить, так или иначе, придётся, потому что неполадок ещё многовато. — Не желая, чтобы Пелевин подумал, будто он во всём винит одну Устинову, Куканов добавил: — Плохо мы подерживаем мастера, о соревновании вовсе забыли.

— Как так забыли? — живо возразил Шурик. — Мы с Володей ежедневно сто пятьдесят процентов даём, да и у тебя выходит не меньше.

— Ну и что? — недовольно сказал Куканов. — Мы, допустим, даём, а другие едва норму вытягивают. Какое же это соревнование? Ты да я — и всё? А Дернов, а Кочергин, а электропильщики?

— Пусть догоняют, не за уши же их тащить, — подражая взрослым, пожал плечами Шурик.

— И догонят, не беспокойся, — уверенно пообещал Пелевин. — Только надо их заечь, сделать соревнование конкретным. Ну, вот, к примеру, мог бы ты, Фёдор, вызвать на соревнование того же Дернова, а? И чтобы обязательно на определённых условиях? До сих пор вы соревновались, если можно так выразиться, на проценты, а ты ему точно условия назови и добейся, чтобы он их принял. Володя может электропильщиков вызвать, на обрубке и разделке тоже своих Кукановых найдём. Нет, серьёзно, вы подумайте-ка над этим, а в понедельник выступите со своими предложениями.

Федю несколько смутило выражение технорука: «своих Кукановых найдём», однако идея о конкретных условиях соревнования сразу его увлекла, и он с задором проговорил:

— Не знаю, как Володя, а я выступлю. Условия у меня уже есть, только кое-что надо рассчитать поточнее. Перед собранием я к вам ещё зайду, Сергей Павлович.

— Ну, и я не отстану, — улыбнулся Володя.

— А меня, значит, не приглашаете? — поджал губы Шурик. — У меня тоже свои расчёты имеются.

— Заходите все вместе, — кивнул Пелевин. — Ум — хорошо, а четыре — ещё лучше. Но сперва вы с мастером посоветуйтесь, она вам подскажет, что и как... — Он достал папиросу, прикуривая, оглядев комнату. — А вы уютно устроились. Не хуже, чем девчата. Наверно, они тут тоже руки свои приложили, а?

— Немножко есть, — усмехнулся Шурик. — Салфетку на этажерку Зиночка вышила, а Женя вон Феде на-кидку на подушку подарила.

Пелевин сделал вид, что не заметил предостерегающего взгляда Куканова, обращённого к Шурику, и весело продолжал:

— Значит, дружно живёте? И правильно. С нашими девчатами не пропадёшь. Как они пляшут! Хоть сейчас на сцену... Федя, ты не очень устал? Сыграл бы что-нибудь на сон грядущий.

— Конечно, сыграет, — подхватил Шурик и бросился доставать из-под кровати баян. — Вам что больше всего нравится, Сергей Павлович?

— Федя знает, — ответил Пелевин. — Есть такой вальс, «В прифронтовом лесу», слыхал? На слова Исаковского. На фронте, бывало, пели... Может, споём потихоньку?

— Почему потихоньку? Можем и громко, голосов хватит, — с готовностью сказал Шурик.

— Нет, давайте потихоньку, так лучше, — задумчиво проговорил Пелевин и, как только зазвучала знакомая мелодия, негромко, проникновенно запел:

С берёз — неслышен, невесом —
Слетает жёлтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Голос у него был несильный, но приятный. По его глазам, строгим и задумчивым, Шурик понял, что Сергей Павлович не просто произносит слова песни — он видит за этими словами людей, с которыми пел этот вальс на фронте. И Шурик, вдруг проникнувшись глубоким, благоговейным чувством, присоединил свой неокрепший юношеский голос к остальным голосам:

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устршит,
И что положено кому. —
Пусть каждый совершит.
Настал черёд, пришла пора, —
Идём, друзья, идём! —
За всё, чем жили мы вчера.
За всё, что завтра ждём

Разгулов вышел на крыльцо и даже глаза зажмурил от яркого света, залившего улицы посёлка. Снег искрился так, словно по нему были разбросаны тысячи мелких-мелких стёклышек. Попрежнему было холодно. Прищурившись, Григорий Александрович удовлетворённо засунул руки в карманы и не спеша спустился по ступенькам.

Да, зима благоприятствует лесорубам. Ни заносов, ни метелей. Правда, метели случались, но разве их сравнишь с тем, что было в декабре прошлого года? Пелевин хотел бы, чтобы морозы были ещё слабее. Чудак! Сразу видно, что человек в лесу недавно. Он беспокоится за трактористов, а ведь у них и тёплые гаражи, и кабины, и горячий обед на делянке. Попробовал бы уважаемый технорук в тридцатиградусный мороз лучковой поработать, как довелось когда-то Григорию Александровичу. Снегу по пояс, топор отскакивает от промёрзлого дерева, на ресницах и бороде — лёд... Э, да что говорить! Другой нынче народ пошёл, избалованный. Каждому особые условия создай, каждый свои претензии предъявляет...

Разгулов дошёл до перекрёстка и остановился. Надо было бы на делянки съездить, узнать обстановку, но Григорий Александрович вдруг вспомнил, как вчера об этом же самом просил его Пелевин, и решительно повернул к конторе. Ну и хитёр же этот милейший Сергей Павлович! Разрешил Устиновой перейти на трелёвку с кронами, а сам укатил в Крутую Горку. В случае чего — пусть отвечает за всё Разгулов. Нет уж, взялся за дело, так доводи его до конца, нечего сваливать на других. И вообще — что он торопится? Так или иначе, инициаторами нового способа все считают снежнянцев, этого у нас уже не отнять. Пусть теперь пробуют другие. Выйдет — можно и у себя его применить, время терпит. Случись сейчас какая неувязка — сраму не оберёшься. И главное, во всём виноват окажется Разгулов. Пелевин-то догадался — уехал...

Сердито посапывая, Григорий Александрович размашистым шагом подходил к конторе. Здесь его ждали завхоз, бухгалтер, заведующий столовой, фельдшер медпункта, техник, руководивший строительством в посёлке. До полудня Григорий Александрович усердно разбирал и разрешал хозяйственные вопросы, касавшиеся жизни

и благополучия более чем полутысячного населения Снежного. Он с увлечением занимался этим сам и требовал того же от других, не терпя равнодушия и небрежности в деле удовлетворения нужд лесорубов и их семей. Григорий Александрович чрезвычайно радовался, когда ему приходилось косвенным образом слышать отзывы посторонних людей о его хозяйственной деятельности: «Вот у Разгулова-то люди живут! Баля, и та у него городского типа, а в общежитиях голого брёвнышка не увидишь — всё обоями оклеено...».

После обеда, когда у Разгулова остался один завхоз, в кабинет без стука вошёл участковый механик. Он был заметно взволнован и ещё с порога заговорил:

— Григорий Александрович, принимайте меры. Ежели дальше так будут к технике относиться, то нам день и ночь в мастерской придётся торчать.

— Ничего не понимаю. В чём дело? — нахмурился Разгулов, сразу почувствовав недоброе. — Ты говори толком.

— Да как же, Григорий Александрович, опять трактор поломали. Начали возить лес с необрубленными сучьями и напоролись.

— Так и знал! — стукнул кулаком по столу Разгулов. — Кто напоролся?

— Дернов, чорт косоглазый...

— Прекратить! — в бешенстве крикнул Григорий Александрович механику. — Скажи Устиновой, чтобы прекратили... Подожди, я сам туда поеду.

Он вскочил со стула, стремительно вышел из кабинета. Завхоз тоже поднялся, укоризненно посмотрел на механика и сказал:

— Эх, ты! Не мог толком объяснить... Теперь он наделает шуму.

— А ну тебя к чорту! — отмахнулся тот и хлопнул дверью.

Григорий Александрович появился на делянке тучатучей. Молча, даже кивком не отвечая на приветствия встречных, миновал электростанцию, рывком втиснулся в будку к Терёбову, коротко приказал:

— Мастера ко мне, живо!

Перепуганный Терёбов сорвал с гвоздя шапку и выскочил на улицу. Оставшись один, Разгулов прильнул к окошечку. Заметил, что на разделочной площадке работы

как будто приостановились, хотя один из тракторов только что отцепил свежий воз. Невдалеке горела куча хвоя, и девушки подбрасывали в неё новые охапки. Кто-то, кажется, Чердынкин, призывно махал кому-то рукой. А вот и Устинова. Разговаривает с рабочими. Чердынкин включил пилу, склонился над очищенным от сучьев хлыстом. Несколько девушек занялось подвезёнными деревьями, в воздухе замелькали топоры, обрубая лохматые ветки. К Устиновой подошёл Терёбов, и она направилась к будке.

Григорий Александрович, ожидая мастера, присел на верстак и остался на нём, когда вошла Устинова.

— Я вас слушаю, товарищ Разгулов,— стараюсь говорить как можно спокойнее, сказала девушка, удивлённая тем, что начальник не ответил на её приветствие.

— Что же у вас тут происходит? — не глядя на мастера, заговорил Григорий Александрович. — Уже трактор умудрились поломать... — Он повысил голос. — Отличиться захотели? Ну, вот и отличились, куда лучше! Сейчас же прекратите всякие опыты, слышите? Подвозите лес, как раньше подвозили, и давайте мне кубометры, а не обещания. Хватит, обещаний я уже слышал много.

— Мы и даём кубометры, Григорий Александрович, — зардевшись, сказала Надя. — Если бы не авария у Дернова, мы дали бы сегодня не менее ста шестидесяти кубометров.

— Если бы да кабы! — вспыхнул Разгулов. — Рады бы в рай, да грехи не пускают, так, что ли? Думаете, я соглашусь ждать, пока вы остальные тракторы выведете из строя? Нет уж, благодарю! Прекратить всё немедленно!

— Но почему? — искренно недоумевая, спросила она и торопливо надела снятые перед тем варежки. — Вы взгляните, как Куканов и Кочергин отлично трелюют. У Дернова поломка случайно произошла, новый способ тут ни при чём. Спросите, пожалуйста, у него самого, если мне не верите.

— Я сказал — прекратить! Сколько раз повторять? — угрожающе произнёс Разгулов и слез с верстака, как бы давая понять, что разговор окончен.

— Не могу я прекратить, Григорий Александрович, — твёрдо сказала Надя, снова снимая варежки. — Поймите, не могу. У меня люди расставлены по-новому, работают с подъёмом, — как я им скажу? Мы и двумя тракторами сделаем не меньше, я с трактористами побеседую. Нельзя

же их расхолаживать... И потом, Пелевин определённо вчера заявил: трелевать с кронами всем, вы сами это слышали и не возражали...

Теперь Разгулова возмущал уже не столько самый факт аварии с трактором, сколько упрямство мастера. Упоминание о Пелевине окончательно его взорвало.

— Что вы на Пелевина ссылаетесь? Он вам трелевать разрешил, а сам уехал подальше от греха. Знаю вашу тактику! Ещё раз говорю: прекратите свои сомнительные опыты, или я вынужден буду отстранить вас от работы. Пока здесь начальник я, а не Пелевин, понятно?

На лице Устиновой проступили красные пятна. Мгновение она колебалась, затем внезапно окрепшим голосом произнесла:

— Как хотите, Григорий Александрович, а я не могу... Трелёвка с кронами оправдала себя. Подождите Пелевина, он подтвердит, что я говорю правду.

— Ладно, я сам распоряжусь. Вечером зайдёте ко мне, ясно?

Надя, выдержав его взгляд, не ответила ни слова. Она даже не посторонилась, когда Разгулов направился к выходу. Он боком протиснулся возле стенки и вышел на улицу.

Несмотря на первоначальное намерение самому распорядиться насчёт прекращения трелёвки с кронами, Разгулов, поразмыслив, не решился на это без Пелевина. «Чорт с ними, пусть продолжают. Так или иначе, Пелевину первому придётся отвечать. Он это дело задумал, пускай расхлёбывает. А Устинову я проучу. Ишь, ты, не успела опериться, а уже огрызается! Много на себя берёте, Надежда Николаевна! Переведу вот в помощники, небось, по-смирнеешь. Поломала трактор, и горя ей мало. Случайно, дескать... С такими план выполнишь, как же! Учёная, а меньше Зотова лесу даёт. Новый год на носу, а она с двумя тракторами осталась. Да ещё неизвестно, что к вечеру будет. Может, и вовсе без машин окажется. Новаторы нашлись! Приедет Пелевин, пусть порадует...», — сердито думал Григорий Александрович; он ни разу не оглянулся на площадку, быстро миновал электростанцию и зашагал по шпалам к посёлку...

Остаток дня он просидел дома. Вернулся в контору уже в шестом часу и сейчас же сел писать приказ. Размашисто набросал первые фразы и задумался. Несколько

раз перо обсыхало, так и не коснувшись бумаги, а Григорий Александрович всё бормотал вполголоса, перечитывая написанное. Нет, мотивировка перевода Устиновой из мастеров в помощники получилась определённо неудачной. Выходило, что Разгулов осуждал её за попытку внедрения новых методов, но ведь он, в принципе, отнюдь не против новаторства. Этого ещё недоставало!.. Лучше, пожалуй, совсем не упоминать о новом методе, а просто указать на факт аварии с трактором и на нарушение трудовой дисциплины. Этого вполне достаточно. В леспромхозе Разгулов объяснит, в чём дело. В конце концов, он делает это для её же пользы: пусть Устинова поучится, приобретёт некоторый опыт, а потом уж смело берётся за руководство мастерским участком.

Он решительно зачеркнул написанное, однако закончить приказ ему так и не удалось: явился Панкратов с докладом, за ним Попов и Селезнев. Григорий Александрович, вопреки обыкновению, не стал их задерживать, принял сводки и сказал, что он очень занят. Мастера ушли. Разгулов поспешно взялся за прерванную работу, поминутно поглядывая на дверь. Прошло полчаса. Устинова не приходила, раздражение начальника возрастало. Наконец дверь открылась, и в кабинет вошёл Пелевин.

С первого же взгляда Григорий Александрович понял, что Пелевину всё случившееся уже известно. Лицо технорука было серьёзно. Он присел к столу, сбросил с головы шапку.

Разгулов, не обращая внимания на технорука, просматривал сводки.

— Почему ты запретил Устиновой трелёвку с необрубленными сучьями? В чём дело? — спросил Сергей Павлович.

— Потому, что такая трелёвка уже угробила один трактор и могла угробоить остальные два. По-моему, хватит одного, а то главный инженер заставит нас на лошадах лес подвозить, — ответил Григорий Александрович.

— Не заставит. Ты выяснил причину поломки?

— Что же я буду выяснять? — усмехнулся Разгулов. — Докладную об аварии придётся тебе писать, ты и выясняй.

— Напишу и подпишусь, не беспокойся. Треснул баллапир, аварии никакой нет. Был бы у нас сварочный аппарат, сделали бы к утру. Но суть не в этом...

— А в чём же?

— А в том, что новый способ трелёвки дал огромный эффект...

— Что и говорить, эффект получился... эффектный, насмешливо сказал Григорий Александрович и вдруг резко встал, обошёл стол и остановился возле Пелевина. Вот что, — сказал он после некоторого раздумья. Срывать план и ломать технику я никому не позволю. Никому. Ясно? И, чтобы об этом твёрдо помнили, я снял с работы Устинову. Вот приказ, ознакомься.

— Как? За что?

За это самое... Григорий Александрович, растопырив толстые пальцы, выразительно повертел рукою. — Она мне станет разные эффекты устраивать, а я её по головке гладить? Не выйдет.

— И ты думаешь, тебе позволят одним росчерком пера снять с работы молодого, способного мастера?

Кто же это мне не позволит? Уж не ты ли, технорук?

— Не я, а партийная организация.

— Ссориться будем? — Разгулов пылливо посмотрел на Пелевина. — Ну, что же, давай ссориться. Я ведь догадываюсь, почему ты её защищаешь. Недаром ты за последнее время остальные участки забросил. Ты не в меру увлечён, Сергей, и начинаешь путать личные дела со служебными.

Пелевин вскочил было со стула, но усилием воли заставил себя снова сесть. Никогда Разгулов не обращался к нему так, не то с подчёркнутой фамильярностью называя его по имени, не то пытаясь создать таким обращением впечатление беседы по душам.

— Этим приказом ты, как руководитель и воспитатель, расписался в собственном бессилии. Будь на месте Устиновой кто угодно, я стал бы на его сторону и защищал бы, как и её. Да, я помогал Устиновой больше, чем другим, и это вполне естественно. Она мастер молодой, с людьми ей пришлось работать впервые, могли быть в руководстве не только недостатки, но и прямые ошибки. А чем помог ей ты, работающий в лесу пятнадцать лет? Дал ты ей добрый совет, поддержал в трудную минуту? Какое же ты имеешь моральное право её снимать? Да вряд ли ты даже и подумал об этом... Тебя испугала перспектива возможных неприятностей в случае неудачи, а о перспективах, ко-

торые открываются перед Снежным в связи с переводом работы на трелёвку с кронами, ты забыл. Тебе дали административные права не для того, чтобы ими злоупотреблять. А ты злоупотребляешь, да ещё воображаешь, что они тебя всюду вывезут.

Пелевин говорил хотя и повышенным тоном, но без раздражения, зная, что чем спокойнее и ровнее будет его речь, тем успешнее отрезвит она Разгулова. Однако в душе Сергей Павлович был крайне возмущён поступками Григория Александровича и с тревогой думал об Устиновой, которая могла отнестись ко всему случившемуся совершенно иначе, чем предполагал он вначале. Разгулов стоял, упрямо нагнув голову, нервно постукивая пальцами по столу.

— Ты поступил несправедливо и необдуманно, — жёстко сказал Пелевин, поняв, что Разгулов подыскивает нужный ответ. — Ты даже не потрудился разобраться в преимуществах трелёвки по новому методу, хотя это было легко сделать, если бы ты захотел. А ведь ты в первую очередь должен быть заинтересован в этих преимуществах, потому что... это даст нам дополнительно не одну сотню кубометров в месяц. Уверен, что даже Кочергин вывез сегодня не меньше, чем всегда, хотя и возит деревья с хвоей первый день. Так вот, — Пелевин сложил приказ вчетверо и подошёл к Разгулову, — ты должен честно признать, что не прав, и порвать эту бумажку.

Разгулов медленно поднял голову, однако уклонился от прямого взгляда Пелевина; кривя губы, ответил:

— Кто прав, кто виноват — это мы ещё посмотрим. А приказ можешь оставить себе... на память. Но предупреждаю: выговор Устиновой я обязан дать. Чтобы впредь была осторожней.

— И выговор давать не за что, — ответил Пелевин. — Ты подумай, как следует, и увидишь, что не за что. Пожалуй, мы с тобой скорей выговор получим за волюнку с внедрением новой технологии. Я серьёзно тебе говорю: на других лесопунктах её уже внедряют. Я выступал на совещании у главного инженера и прямо заявил — успех обеспечен. Думаю, что соседи не будут пугаться, если у них вдруг поломается трактор...

— Ладно, ладно, — проворчал Разгулов, усаживаясь на стул. — По готовой-то дорожке пол-дела идти... Четвериков приехал?

— Утром здесь будет. Трактор мы погрузили на платформу, с порожняком явится. Через три дня у Устиновой все четыре машины начнут хлысты с хвоей трелевать, дело пойдёт.

— Четыре, говоришь? Надолго ли?

— Пока сезонное обязательство не выполним.

— Ну, ну, поглядим, — мрачно сказал Григорий Александрович; его злило, что он поддался уговорам Пелевина, хотя и был убеждён, что технорук в данном случае действовал отнюдь не беспристрастно; с другой стороны, настаивать на своём тоже представлялось рискованным: Пелевин, как это бывало не раз, мог повести разговор «как коммунист с коммунистом», историю с приказом, чего доброго, стали бы обсуждать на партийном собрании, а там, как известно, все равны, стесняться в прениях никто не будет...

XIV.

Очувтившись на улице, Сергей Павлович в раздумье потер ладонью горячий лоб. «Ну и дела! Придётся, видно, ещё раз потолковать с Разгуловым на эту тему, а то как бы он в другую сторону палку не перегнул. Начнёт «внедрять» приказами новую технологию и будет считать себя самым, что ни на есть, передовым начальником... И ведь как поспешно всё рассудил, просто удивительно! Так поглядишь — хороший хозяин, за лесопункт готов голову сложить, о людях умеет позаботиться, а вот поди ж ты!.. Накричал, унизил человека из-за пустяков и ещё, наверно, думает, что правильно сделал. Хочет, чтобы пятнышка не было на его репутации, и в то же время портит её вот такими выходками. Чорт знает что! С Устиновой теперь надо всё сызнова начинать. Ну, какое у неё настроение может быть после этой истории? Был бы человек опытный, испытавший и неудачи, и радости, а то ведь всего вторую неделю на участке и вдруг — с работы снимают... Тут поневоле духом упадёшь».

Если до разговора с Разгуловым Пелевин так и не решил окончательно, следует ли ему идти к Устиновой немедленно или подождать до завтра, то сейчас никаких сомнений на этот счёт у него не осталось. Он должен пойти, что бы там ни думал Разгулов о каких-то личных отношениях между техноруком и девушкой-мастером. Одновременно Сергей Павлович ощутил некоторую неловкость

при мысли, что ему придётся говорить с Устиновой наедине, в её комнате, не зная хорошенько, как она отнесётся к его приходу. Он считал, что вообще знает её очень мало, чтобы действовать безошибочно и действительно помочь девушке в тяжёлую минуту. Впрочем, Устинова не из тех, кто безнадежно опускает руки при первой же трудности. Сергей Павлович верил в её мужество, хотя и не имел на это достаточных оснований. Но Пелевин хотел верить и не позволял себе сомневаться...

Он подошёл к одному из домиков на той же улице, где жил сам. Улица ещё не имела особого названия, но все называли её Первой линией — очевидно, потому, что по ней проходила узкоколейка. Разгулов шутил по этому поводу: «Раз есть Первая линия, значит, скоро будет и Вторая, и Третья. Придётся прокладывать...». Домик, в котором поселилась Устинова, стоял почти на самом краю, там, где узкоколейка круто сворачивала в лес. Света в окнах не было. Пелевин озадаченно пожал плечами, оглянулся по сторонам и, решив, что Устинова непременно должна быть у себя, поднялся на крыльцо и постучал.

Ему открыли не сразу. Лишь после того, как он постучал в третий раз, за дверью послышались шаги.

Кто там?

— Не бойтесь, свои. Вы не спали?

Сергей Павлович? — удивилась Устинова, открыв дверь. — А я подумала...

Войдя в комнату, Пелевин внимательно посмотрел на девушку. Она была в пальто, в руке держала платок.

— Что вы подумали? — спросил Сергей Павлович.

Думала, за мной из конторы пришли, — опуская глаза, ответила Надя. — Вот, даже не раздевалась, всё ждала вызова...

— Папрасно. В конторе уже никого нет, я только что оттуда.

Она быстро взглянула на него и вдруг бросилась прибирать разбросанные по стульям вещи: жакет, книги, мягкие платья, очевидно, недавно вынутые из чемодана.

— Садитесь, я сейчас печку затоплю, вы раздевайтесь, — сказала Надя.

Да нет, неудобно: хозяйка в пальто, а я буду сидеть по-домашнему, — улыбнулся Пелевин, однако присел, расстегнув полушубок.

Ей стало стыдно перед ним за свои пустые, необжитые

комнаты, за голые стены, за нетопленную печку, за скудную мебель, предоставленную ей завхозом. Правда, она переехала сюда только позавчера, но при желании можно было бы выбрать время и устроиться как следует. Ей хотелось всё сделать так, как было в студенческой комнате, в которой она жила с подругами целых четыре года. Надя привезла с собой всё необходимое на первый случай — занавески, салфетку на стол и, конечно, сумела бы в один вечер превратить это просторное жильё в уютную квартиру, если бы... если бы знала, что останется здесь надолго. Теперь же она беспорядочно бросала свои вещи в чемодан и жалела лишь о том, что у Пелевина после этого посещения сложится о ней бог знает какое мнение...

Сергей Павлович смотрел, как она решительно передвигает мебель, как запирает набитый доверху чемодан, и неожиданно подумал: «А ведь Устинова-то с характером! Ведь она, пожалуй, не пошла бы в помощники, если бы Разгулов издал свой приказ. Она бы просто уехала, и всё. И правильно бы сделала, честное слово. Здоровое самолюбие должно быть у каждого человека, а у того, кто дело своё знает и любит, — тем более. Я бы на её месте точно так же поступил».

Надя сняла пальто и принялась растапливать плиту. Пелевин не спеша закурил, заглянул во вторую комнату и сказал:

— Право, у вас неплохая будет квартира. Насчёт мебели я поговорю завтра с завхозом, дадим ещё кое-что. Представьте, у нас трудно достать обои, их берут нарасхват. Советую не упустить, когда привезут следующую партию. Только выбирайте непременно двух сортов: для передней — потемнее, для жилой комнаты — что-нибудь этакое... с цветами. Увидите, как хорошо получится. Я скажу матери, она поможет оклеить. Она скучает без дела... А этажерку вот сюда лучше поставить.

Она удивлённо посмотрела на него. С недоумением и беспокойством спросила:

— Сергей Павлович, вы разве не знаете, что Разгулов меня с работы снимать хочет?

— Ну, как же, знаю, — не меняя тона, ответил Пелевин. — Сейчас беседовал с ним. Только снимать он ничего не собирается, откуда вы взяли?

— Но ведь он же прямо заявил, что...

— Вполне возможно. Сгоряча он и не это мог заявить,

а когда остыл, подумал, то понял, что погорячился зря. Как вы поработали сегодня? Удачно?

— Всё шло хорошо, но эта авария у Дернова...

— Уверен, что она произошла независимо от нового способа трелёвки.

— Конечно. И ведь Дернов работал с большим увлечением, не хотел отставать от Куканова, и вдруг, как назло...

— Да, очень обидно. Но Дернов своё возьмёт. А Кочергин как?

— Неплохо. Сорок пять кубометров вывез.

— Вот видите... Теперь начнём переводить на трелёвку с кронами поток Панкратова. Завтра к вам придёт Четвериков, помогите ему. Обрубщики, наверно, довольны, что труд их облегчился? Надо поскорей строить вторую площадку, дать им возможность развернуться.

— Да, — машинально сказала Устинова. Её, видимо, волновало сейчас другое; она подбросила в печку дроз, с подавленной горечью произнесла:

— Вы говорите так, будто ничего не случилось. А я чувствую, что мне завтра тяжело будет приступать к работе. Хуже, чем в первый день... Помните, как тогда экзаменовал меня Разгулов? Он разговаривал со мной так, словно я всю жизнь только и делала, что руководила мастерским участком, и, главное, эта снисходительность в его тоне... Я чувствовала себя совершенно беспомощной, хоть и храбрилась для виду. А сейчас и храбрости почти не осталось...

— Плохо, если не осталось. Дел предстоит ещё немало, и трудности, конечно, будут, так что храбрости понадобится в десять раз больше. Не думал, что вы раскиснете при первом же столкновении. Помните, я говорил: главное — не отступать. Не отступать, если вы убеждены в своей правоте. — Пелевин встал рядом с Устиновой, и ему захотелось взять её за руки, повернуть лицом к себе, поправить выбившиеся из-под платка волосы; но он сдержался и продолжал: — А Разгулов... он, насколько я знаю, всех так встречает. Вот приехал к нам недавно новый механик, тоже со школьной скамьи. Поговорил с ним Григорий Александрович, а назавтра пишет этот механик рапорт: дескать, увольте из Снежного, раз мне здесь не доверяют... Разгулов, понятно, разозлился и наложил резолюцию: «Трусов мне не надо, езжайте да-

учиваться». Я, признаться, крепко тогда с ним поспорил, а потом присмотрелся к новичку и вижу: не мы ему, а он сам себе не доверяет. Ну, и отпустил его. Сейчас вот каюсь, что отпустил, можно было бы из него настоящего лесозаготовителя сделать. А то, черт его знает, отмахнулись от человека; ведь стоило ему помочь на первых порах, и, глядишь, загорелся бы в нём тот «огонёк», о котором он и сам, может быть, не подозревал... У вас этот «огонёк» был, неужели же он опять не вспыхнет, когда вы появитесь завтра на полянке?

— Не знаю, — нерешительно улыбнулась Надя. — Не знаю, был ли у меня тот «огонёк», о котором вы говорите, Сергей Павлович. Дела ведь идут неважно. На последнем месте пока сидим.

— Но вы же верите, что будете на первом? — сказал Пелевин, и она не сразу поняла, спрашивает ли он, или говорит утвердительно.

— Конечно, верю, а как же иначе? Только впредь с этими опытами придётся быть осторожнее.

— Осторожность никогда не помешает, но это не значит, что вы должны медлить. Экспериментируйте смелее и обязательно советуйтесь с рабочими. В том числе и с Дерновым. Надо, чтобы он почувствовал ответственность не только за свою машину, а и за весь участок. Тогда и поломок у него больше не случится.

— Пусть он отвечает за самого себя, зачем же я буду перекладывать на него свою ответственность за поток? — заметно оживляясь, возразила Надя; теперь она не ощущала и тени прежней неловкости перед ним. — И вообще — пусть каждый отвечает за своё дело, вот как винтик в часах. Тогда и весь механизм будет действовать исправно.

— Интересно, — сказал Пелевин, садясь на стул. — Да, конечно, современный мастерский участок — это в некотором роде механизм, но механизм живой, в этом вся суть. Тут всё обстоит гораздо сложнее. Против того, чтобы каждый отвечал за свой участок, никто, я думаю, возражать не станет. А вы задумались, почему, допустим, Куканов в короткий срок стал первоклассным трактористом, а Дернов — ещё нет? В чём тут причина?

— Как видно, учили Дернова мало, да и способности у людей разные.

— Нет, — с живостью перебил Пелевин. — Отношение

к работе у них разное. Есть у нас трактористы, которые любую инструкцию на-зубок знают, а ухаживают за машиной плохо. Чему же их учить, по-вашему? Конечно, прежде всего ответственности перед коллективом. Мастер — не владетель часов, которому стоит лишь завести пружину, чтобы часы пошли. Он организатор и душа коллектива, и если вам удастся научить того же Дернова отвечать за дело наравне с мастером, поверьте — он скоро станет отличным трактористом. Это раньше лесоруб был «сам по себе», а сейчас он заодно со всеми. И должен заметить, большинство рабочих думает именно так. Да вот в понедельник вы услышите на собрании, как они будут выступать. Убедитесь.

— Собственно, я и раньше могла убедиться, но мне всё это как-то иначе представлялось. — призналась Устинова; она задумалась над его словами и с удивлением почувствовала, что даже молчать с Пелевиным легко и приятно. О чём он думает сейчас? Как жаль, что Сергея Павловича не было сегодня на делянке, наверно, при нём не случилось бы этой нелепой аварии с трактором. Но тогда он не пришёл бы к ней и не сидел бы в её комнате, где ещё полчаса назад было так холодно и пусто...

Пелевин докурил папиросу, глазами поискал пепельницу, кинул окурки в печку и внезапно сказал:

Вы любите танцевать, Надя?

Он впервые назвал её по имени, хотел тут же поправиться, но она быстро, очевидно, удивившись не столько необычному обращению, сколько неожиданному вопросу, ответила:

Вообще люблю... Вернее, любила. В техникуме мы часто устраивали вечера с танцами.

Отчего же здесь не танцуете? Я вас ни разу не видел в клубе.

— Да так, некогда всё... Вот обживусь по-настоящему, тогда...

— Сколько же времени можно обживаться? Пора чувствовать себя здесь, как дома. Вам пишет кто-нибудь из тех, с кем вы учились?

— Я никому ещё не успела сообщить своего адреса. Надо будет написать.

Обязательно напишите, это же очень интересно. Вот вы разбежались все из техникума, и у каждого самостоятельная жизнь началась по-разному. Одни, быть мо-

жет, устроились в конторе, пишут сводки и думают, что им повезло. Другие оказались в гораздо более трудных условиях, чем у вас, — как они преодолевают трудности? Мне кажется, если бы вы получили сегодня два-три письма от своих однокурсников, у вас не возникла бы мысль об отъезде.

— Откуда вы знаете? — покраснев, сказала Надя. — Я вовсе не собиралась уезжать.

Да? Значит, я ошибся. Извините... Пелевин опять встал рядом с ней, протянул руки над плитой. Люблю, когда в комнате тепло. Что же вы не раздеваетесь?

Ох, совсем забыла! — рассмеялась Надя, сбрасывая с головы платок. Хотите, я вскипачу чай?

Попробуйте, — усмехнулся Пелевин. Боюсь, что у вас даже чайника нет.

Нет, есть! Оказывается, завхоз у вас — настоящий завхоз, всё предусмотрел. А сахар у меня ещё с дороги сохранился.

Пелевин с улыбкой смотрел, как она разыскивала чайник, наливала воду, доставала из чемодана сахар и чашки. Он вспомнил, что дома его ждёт мать, однако уходить не хотелось, приятно было чувствовать себя здесь гостем, наблюдать, как хлопочет возле стола хозяйка, встречаться с ней взглядом, открывать в её внешности и характере совершенно новые черты, которых он не замечал до сих пор. Когда чайник вскипел, Сергей Павлович с явным удовольствием принял из рук Нади чашку.

Нет, серьёзно, вам надо поскорей начать жить оседло. Столовая сама по себе, а без своего хозяйства не обойтись. Появятся у вас друзья, будут приходить в гости, чем вы их станете угощать? Вы же мастер, главная фигура на участке, и так скудно живёте! Разгулов узнает — опять ругаться будет, имейте в виду.

— Ему, я думаю, безразлично, как я живу, — усмехнулась Надя; она сидела напротив Пелевина, подперев подбородок ладонью, устремив на Сергея Павловича внимательные, не смущавшиеся от его взгляда глаза.

— Всё не безразлично, — возразил он. — Разгулов сочтёт кровной обидой, если вы не сумеете поставить свой дом на широкую ногу. В Снежном нельзя жить кое-

как, словно в походе. Здесь надо жить красиво... Знаете, чем вы по-настоящему можете обрадовать Разгулова?

— Чем же? — с любопытством спросила Надя.

— Если у вас есть жених, вызовите его сюда и пригласите Разгулова на свадьбу.

Она весело рассмеялась.

— К сожалению, жениха у меня нет. Да если бы и был, я, пожалуй, остереглась бы приглашать Разгулова.

— Напрасно. В компании он весёлый человек, а на свадьбах особенно. Потому что свадьба — это новая семья, а семейные люди обычно прочно обосновываются на одном месте. Понимаете? А насчёт того, что у вас нет жениха...

— Не верите? — чуть приметно улыбнулась Надя.

— Нет, почему же? — смущённо пожимая плечами, сказал он и встал. — Однако уже поздно. Спасибо за чай.

— Ну, что это за угощение! Уж извините меня. Спасибо вам, что пришли.

Она взяла со стула его шапку, но медлила отдавать её, а он с нарочитой неторопливостью застёгивал полушубок.

— Теперь вы должны у меня побывать. Нет, серьёзно. Мать скучает одна и будет рада познакомиться с вами. Кстати, она поможет вам убрать квартиру. Приходите завтра.

— Хорошо, я приду, — помолчав, ответила она. — Но с уговором: когда устроюсь — пожалуйста ко мне на новоселье.

— Непременно придём, — обрадованно кивнул Пелевин. — Мне хочется посмотреть, как вы умеете устриваться.

— Увидите, как уютно будет. — пообещала Надя, отдавая, наконец, ему шапку. — До свиданья, Сергей Павлович.

— До свиданья, Надежда Николаевна. Нет, лучше — Надя! — Он быстро пожал ей руку и вышел.

Улыбаясь, она плотно прикрыла за ним дверь.

XV.

В понедельник лесорубы бывшего зотовского мастерского участка вернулись домой позже на полчаса. Их задержала Устинова, устроившая короткую летуч-

ку. Говорила она одна. Итог дня в общем был неплохой — сто семьдесят кубометров; сказался переход на трелёвку по-новому. Однако мастер, к удивлению многих, заявила, что достигнутый результат никого удовлетворить не может. Почему? А потому, разъяснила Устинова, что ещё не все работали сегодня в полную силу, кое-кто допускал прежние ошибки. Верхний склад недостаточно быстро справляется с обработкой подвезённых хлыстов, часть сучкорубов не выполняет нормы...

Выступить Устинова никому не предложила. Это озадачило большинство рабочих, но некоторым, повидимому, и понравилось. Геня Чердынкин, сдвинув в раздумье на затылок шапку; сказал вполголоса:

— Ишь, ты... Придётся, значит, самим на досуге это дело обмозговать.

Вечером, уже в общежитии, Володя Воронков заметил Куканову:

— А ведь Устинова нарочно прений не стала открывать. И правильно, по-моему, сделала. Ну, начали бы мы сгоряча друг перед другом оправдываться, а главное и упустили бы. Тут, действительно, надо что-нибудь серьёзное придумать. Чтобы сразу всю старую технологию вверх тормашками перевернуть. Трелёвка с хвоей—это ещё не всё...

Куканов, завязывая галстук, ответил:

— Ясно, не всё. Слышал, что Пелевин сказал? Это, говорит, только начало...—Он повернулся перед зеркалом в профиль и, видимо, довольный осмотром, добавил: — Да и начали мы не ахти как. Дернов в первый же день, как нарочно, балансир поломал, а Кочергин и до сих пор по десять раз за смену в моторе копается. Неизвестно ещё, как Четвериков будет возить.

— Дернов долго простоит?

— Дня три, не меньше.

— Чорт знает что! — с сердцем проговорил Володя. — Весь коллектив подводит.

— А у Панкратова, что же, поломок не бывает? — простодушно спросил Шурик.

— Ну, ясно, нет. А ты разве не знал? — захотел Терёбов. — У него не трактористы, а инженеры за рулём сидят, вот как!

После злополучной стычки с Дерновым в столовой Терёбов не сразу обрёл прежнюю самоуверенность, од-

нако, польщённый вторичным приглашением Володи по-мочь им на сборке лебёдок, а главное — успокоенный тем, что никто не вспоминает о его нелепой попытке напиться, хотя все об этом отлично знали, снова приободрился и сейчас чувствовал себя вполне нормально.

Во всяком случае, таких растяп, как наш Дернов, у Панкратова нет, — заметил Володя.

Известно, брюхолаз чумазый. Привык под трактором лазить, а не за рулём сидеть, презрительно скривил губы Теребов.

Заменить тогда всех никудышных трактористов знающими, вот и всё, — решительно заявил Шурик. Очень просто.

В том-то и беда, что у тебя всё очень просто, усмехнулся Володя. — А где ты знающих возьмёшь? Из Москвы, что ли, пришлют? Своих надо знающими сделать. Скоро у нас пятый участок начал создавать опять потребуются люди. Может, тебя же придётся на тракториста учить, или Дернова туда посылать, так вы и там по-старому начнёте работать? Тут всё дело в желании. Захочешь, так быстро знающим станешь, а не захочешь... — Володя выразительно посмотрел на Теребова и резко закончил: — Тогда заставим. Это, брат, не Дернова личный вопрос, а общий, понятно?

Да разве я спорю? — дёрнул плечом Теребов.

Вычерчивая ногтем узор на стекле, Куканов спокойно сказал:

— Менять людей — ерунда. Тут что-то другое требуется. В общем, пошли на собрание, там увидим, что надо.

В коридоре Володя спросил:

К девчатам заходить будем?

— А то как же, — тотчас отозвался Шурик. Зря, что ли, галстуки повязывали?

В этот вечер посёлок выглядел особенно оживлённым. Так уж издавна повелось — «день точной линии» считался на лесопункте праздничным. В столовой, как правило, готовился отменный ужин, в клубе, библиотеке и конторе, где происходили собрания мастерских участков, столы заранее накрывались красной материей, ввинчивались дополнительные лампочки, киномеханик припасал для этого дня лучшую картину. Люди одева-

лись особенно нарядно, словно отправлялись в театр. Этот обычай ввёл и неукоснительно поддерживал Пелевин, не уставая повторять, что подведение итогов своей работы должно быть подлинным праздником для каждого честного труженика. В первое время Разгулов высказывал явное недовольство излишней парадностью, но потом, убедившись, что она ничуть не портит серьёзной и деловой атмосферы собраний, сам требовал от подчинённых строгого соблюдения установленного порядка. Начальник и технорук обычно заранее распределяли между собой участки и присутствовали на собраниях поочерёдно.

Коллектив мастерского участка Устиновой собрался сегодня в клубе. Зрительный зал, рассчитанный на триста человек, был заставлен скамьями лишь на треть. К восьми часам почти все были в сборе. Пожилые рабочие, явившиеся последними, не спеша проходили в первые ряды, поближе к сцене, чинно рассаживались земляческими группками, вели отрывочные разговоры о наступивших морозах, о последних газетных новостях, о приближавшемся новом годе. Молодёжь, всегда собиравшаяся задолго до начала, толпилась позади скамеек и время коротала по-своему: шутки и смех не умолкали в её кругу ни на минуту. Звонкоголосая Зиночка Ветрова, по обыкновению, была в центре внимания. Если дома и на работе ей иногда приходилось сдерживаться, то здесь её неистощимая весёлость проявлялась в полной мере. Над ней дружно подшучивали, и она не оставалась в долгу. Её острый язычок не щадил никого — ни ребят, ни близких подруг. Она шутила и над задумчивостью Куканова, и над Тереховым, и над далёкой невестой Воронкова. Кто-то попробовал уязвить Зиночку её собственным увлечением тем же Володей, но она, выходяще поглядывая вокруг озорными глазами, запела:

Пынце зимушка сурова,
Крепко держится мороз.
Про себя скажу три слова:
Лучше девки не найдёшь!

Смущённый Воронков предпочёл спрятаться за спины товарищей, а Зиночка, под общий смех, продолжала:

Просим вас не задаваться.
Дайте срок, своё возьмём.

Мы не станем унижаться,
Парня лучше вас найдём.

В это время Куканова уговорили сыграть на баяне плясовую. И первой, кто выбил каблуками подмывающую дробь, была Зиночка.

Плясали по очереди, соревнуясь друг с другом. Многие из пожилых, не выдержав, подошли посмотреть на плясунов, а грузчик Матвей Колосов, сам в былой молодости завзятый плясун, восхищённо проговорил:

— Ишь, выделявают! Как, скажи, и не работали целый день, никакая усталость их не берёт.

Зиночка, слышавшая эти слова, в третий раз стрелой выскочила в круг. Размахивая над головой косынкой, прошлась на носочках по кругу, остановилась перед Колосовым.

Поработали на совесть,
Можно нынче и сплясать.
Кто желает, пусть выходит,
Гармонист, играй опять.

Однако Колосов отрицательно потряс головой и скрылся в толпе. Вдогонку ему понеслось:

Просим вас не удивляться,
Мы везде своё возьмём.
Коль взялись соревноваться, —
Не назад — вперёд пойдём!

Куканов последним усилием сжал гармонь и поднял вверх одеревяневшие пальцы. В клуб вошли Пелевин и Устинова.

Все быстро расселись по местам. Сергей Павлович с видимой неохотой взошёл на сцену — он предпочёл бы вести разговор непосредственно в зале, в тесном людском окружении. Выступить, по его мнению, он не умел, скоро сбивался на сжатую командирскую речь, к которой привык в армии. Он и не подозревал, что многим такая речь нравилась, особенно молодёжи, старавшейся подражать техноруку. По совету Пелевина, Надя решила записывать выступления. Однако она не сразу вынула из кармана блокнот и карандаш — серьёзные взгляды рабочих почему-то смущали её.

Пелевин снял с плеч полушубок, повесил его на спинку стула и, заложив левую кисть за борт кителя, среди полной тишины произнёс:

— Начнём, товарищи, нашу работу. Порядок собрания прежний: сначала подведём итоги, затем сообща обсудим наши задачи... Но сперва мне хотелось бы коротко рассказать, чем занят и чем живёт в эти дни весь советский народ. Это для того, чтобы ещё яснее увидеть, идём ли мы с вами в общей шеренге, или, напротив, плетёмся в хвосте. Страна наша стоит на пороге нового года. За минувший год она поднялась ещё на ступень выше и впредь будет подниматься вдвое, втрое быстрее, чтобы при коммунизме довелось пожить не только тем, кому сейчас восемнадцать, а и тем, кому перевалило за пятьдесят. Да, это уже не просто мечта, товарищи! — Пелевин вышел на самый край сцены, с увлечением и гордостью продолжал: — Радостно говорить о нашей жизни, друзья. Коммунизм рождается не только на берегах Волги и Днепра. Он незаметно, но ощутимо входит в наш быт. Наш лес является таким же вкладом в строительство коммунизма, как, допустим, новороссийский цемент, составляющий основу бетона. Посмотрим, как же мы выполняем производственные задания, задания нашей Родины...

В зале зашевелились. Зиночка что-то торопливо зашептала на ухо Жене Милютиной; та недоверчиво усмехнулась и покачала головой. Куканов и Володя молча переглянулись, как бы давая понять, что им хорошо известно, о чём дальше пойдёт речь. Механик Фалевский, скрестив на груди руки, неотрывно смотрел на Пелевина, боясь пропустить хоть одно слово. Дернов, оглянувшись по сторонам, поспешно ослабил туго завязанный галстук. Теремов, склонив на бок голову, лениво подравнивал перочинным ножичком ногти.

— На прошлых собраниях мы говорили только о недостатках, — переменяв тон, сказал Пелевин. — Тем приятнее отметить, что за истекшую неделю ваш участок тоже поднялся на ступеньку выше. Что помогло вам подняться? Во-первых, более чёткая организация труда в бригадах, во-вторых, применение нового способа трелёвки, позволившего перенести обрубку сучьев на верхний склад; в-третьих, устранение ряда недостатков, с которыми раньше мирились, считая их неизбежными. Теперь, кажется, Куканов уже не жалуется на то, что плохо расчищены волокы, а прицепщикам нехватает чокеров.

Улучшилась трудовая дисциплина, повысилось чувство ответственности каждого рабочего за успех мастерского участка в целом. И всё-таки, товарищи, участок работает не в полную силу. Почему? — Пелевин обвёл взглядом зал, коротко улыбнулся. — Знаю, вы можете мне ответить: потому, что у Дернова вышел из строя трактор, что Кочергин не всегда выполняет норму, что обрубщики не успевают в срок обработать хлысты, что, наконец, платформы подаются не по графику, а погрузка не механизирована... Всё это верно, товарищи. Но не верно будет, если мы начнём и завтра, как это делали вчера, браться за устранение всех этих недостатков в порядке очерёдности. Мы должны совершить новый крутой поворот, начало которому уже положено. Это трелёвка с кронами. Уже сейчас, наверно, каждый из вас, будь то раскряжёвщик или обрубщик, почувствовал, что работать надо как-то иначе, по-новому. Ведь тому же Дернову, например, нельзя будет оправдывать собственную неразворотливость тем, что плохо работают сучкорубы. Наоборот, теперь не он, а сучкорубы станут его торопить, и можно не сомневаться, что если они будут торопить его как следует — Дернов скоро догонит Куканова...

Зиночка, не сдержавшись, прыснула и тотчас же испуганно оглянулась, зажав рот ладонью. На неё негодуяще зашикали. Теребов, встав, искал глазами спрятавшегося за спины Дернова. Куканов сидел неподвижно, наморщив в раздумье смуглый лоб.

— Так вот, товарищи, если вы не только почувствовали, но и задумались над тем, как нам перестроить всю работу по-новому, то можно быть уверенным, что все узкие места в короткий срок будут ликвидированы. Слово за вами.

Пелевин сознательно ограничился этим коротким выступлением, как бы предоставляя самим рабочим вести дальнейший разговор. Когда он умолк, Устинова взглянула на него с плохо скрытым недоумением. Он ободряюще кивнул ей, но на душе у него стало беспокойно. «Может, и вправду следовало отругать Дернова, покритиковать других и подробно разъяснить, что нужно теперь каждому делать?» — пронеслось в голове.

Сергей Павлович выжидающе посмотрел в зал и

сразу же встретился с горячим взглядом Куканова. Не успел Куканов поднять руку, как Пелевин обрадованно произнёс:

— Давай, Фёдор, выходи на сцену.

— Можно и на сцену, — с готовностью ответил Куканов.

У стола Куканов чётко повернулся и почти сердито заговорил:

— Понятно, почему товарищ технорук упомянул Дернова. Но тут не только о Дернове речь. Нынче всем нам совестно по-старому работать. Особенно трактористам. Тут думать и думать надо, как организовать дело. Время, сами знаете, горячее, каждая минута на счету. А у нас, ежели подсчитать, техника только на семьдесят процентов используется. Верно, сегодня мы дали сто семьдесят кубов. Но это, я скажу, явление временное. Не можем мы твёрдо поручиться, что завтра столько же дадим. Это, между прочим, наглядно можно подтвердить. Кочергин! — обратился Куканов в зал. — Скажи-ка, сколько ты думаешь завтра вывезти?

Кочергин, не ожидавший вопроса, удивлённо посмотрел на соседей, но, не встретив сочувствия, бойко ответил:

— Откуда я знаю? Что я заранее буду обещать?

— Видали? — сказал Куканов. — Сегдня он сорок кубометров осилил, а завтра, дескать, что бог даст.

— Да как я заранее могу сказать? — возмутился Кочергин. — А ежели завтра мороз в тридцать градусов? Трактор — это вам не топор, ему особые условия требуются.

— Допустим, — согласился Куканов. — Но мы-то с тобой в одинаковых условиях работаем?

— Ого! Сравнил свой трактор с моим! — засмеялся Кочергин, пытаясь хоть чем-нибудь уязвить невозмутимого Куканова. — Тебе, брат, сам главный инженер машину прямо с платформы вручил, а на моей, может, ещё до меня лес возили.

— Ладно, спорить не стану, — решительно тряхнул головой Куканов. — С завтрашнего дня, Кочергин, я сяду на твой трактор, а ты бери мой. Я знаю твою машину, повозиться с ней придётся порядочно, да уж это моё дело. Сколько ты берёшься вывезти на моём тракторе?

— Ну, ей-богу, как я могу заранее сказать? — растерянно пробормотал Кочергин. — Во всяком случае, норму, конечно, вывезу.

— А я на твоём берусь ежедневно по шестидесяти кубов возить. Только давай договоримся сразу: соревноваться, так соревноваться. Чтобы никаких отговорок, понял? А условия я ставлю такие... — Куканов говорил всё так же напористо, будто по книге читал. — Берусь на бывшем твоём тракторе проработать без капитального ремонта три тысячи моточасов и вывезти до конца сезона пять тысяч кубометров. Согласен на такие условия?

На скамейках зашумели. Теребов насмешливо свистнул: «Ну и загнул!...». Зиночка захлопала в ладоши, и на неё никто не зашикал. Кочергин, опарашенный неожиданным поворотом дела, а особенно цифрами, прикидывал в уме, как быть. Соседи — раскряжёвщик Чердынкин и штабелёвщик Зверков — возбуждённо подталкивали Кочергина локтями.

Отступить было поздно. Уязвлённая гордость заставила Кочергина подняться.

— Ладно, можете записать: вызов принят. — И тотчас с облегчением сел.

Куканов даже не улыбнулся.

— Дело это серьёзное, Ваня, — дружески строго сказал он. — Как ты думаешь практически обеспечить бесперебойную работу машины?

Кочергин нервно пожал плечами, с места ответил:

— Известно, ухаживать за ней придётся лучше прежнего.

— Правильно. Я считаю, что мы должны своими силами производить планово-предупредительный ремонт. Иначе всякие непредвиденные ремонты загубят всё дело, и мы с тобой осрамимся на весь леспромхоз. А к вам, Сергей Павлович, просьба: снабдить нас материалами, запчастями и инструментами.

— Обеспечим, — кивнул Пелевин. — Ну, а что скажет Дернов?

— Я полумаю, — поспешно отозвался Дернов, испытывавший двойное чувство: ему было страшиновато вот так, «с кондачка», принимать вызов, но не хотелось и от Кочергина отставать; тем более, что тот уже посматривал на Дернова со снисходительной усмешкой.

Дернов уклончиво добавил:

— Вот отремонтирую машину, тогда видно будет.

— А ты не виляй, Виктор, — настойчиво сказал Кочергин.

— Ладно, помалкивай, — огрызнулся Дернов. — Думаешь, на чужью машину сел, так уж и пней для тебя не существует? Гляди, не споткнись.

— За меня не беспокойся, — задетый за живое, ответил Кочергин. — Коль на то пошло, я и на своём тракторе докажу. Слышь, Фёдор? Бери свою машину назад.

— Да нет, зачем? — улынулся Куканов. — Попробуй, поработай пока на моей, а после мы договоримся, как быть. Но предупреждаю: будешь сдавать мне машину, так чтоб она была в таком же виде, в каком ты её примешь.

Пелевин весело шепнул Устиновой:

— Что же не пишете? Это же замечательно, чорт возьми, как раз то, что нам нужно, — соревнование за стопроцентное использование техники. А Фёдор-то каков, а? Умница! Не зря я на него надеялся. Не подвёл.

Он выпрямился, негромко, как бы размышляя вслух проговорил:

— Что же получается, товарищи? Я так понимаю, что Куканов предлагает начать соревнование не только между трактористами. Послушаем, что скажут другие механизаторы. Кто просит слова?

Не спеша поднялся Фалевский. Ссутулившись, он прошёл на сцену, и, когда повернулся к людям, все увидели, как спина его, будто сбрасывая груз прожитых пятидесяти пяти лет, с усилием выпрямилась. Выражение лица, с глубокими глазными впадинами, стало почти торжественным, когда механик с необычной теплотой в голосе произнёс:

— Верно сказал Сергей Павлович, радостно нынче смотреть на нашу жизнь. Мой отец в царские времена, чтобы не помереть с голоду, каждую зиму на заработки в лес уходил, а когда он помер — и мне довелось горя хлебнуть. Бывало, с утра до вечера пилишь, а ночь у костра коротаешь. Избушек плохоньких, и тех не было, а о технике мы и не мечтали. Да что говорить — последним человеком считали лесоруба, где уж там мечтать... А теперь? Возьмём хотя бы наш Снежный. Растёт,

хорошеет наш посёлок. Скоро любому городу подстать будет. В прошлом году построили школу, а сейчас там уже учится около сотни ребятишек. Всё у нас есть — и клуб, и товары всякие, и электрический свет. А ведь какая глушь здесь была... Посмотрите на наших рабочих. Живут они в тёплых и светлых домах, зайди к клубу — у него и книги, и патефон, и одежда хорошая, и мечты просторные. Да проживи я ещё сто лет — и тогда бы сказал: мало мы сделали, чтобы оправдать заботу советской власти о трудящемся человеке...

Фалевский передохнул и, словно извиняясь за длинное предисловие, обычным своим деловым тоном продолжал:

— Так вот, предложение Куканова я вполне одобряю. Со своей стороны обязуюсь выработать на электростанцию за сезон двадцать пять тысяч кубометров, иначе говоря — не допустить ни одного простоя. И ещё... — Он посмотрел на Пелевина, потом в зал и хмуро закончил: — хочу ещё взять на себя обязанности пилоточа, если не будет возражений.

— А куда же меня, Алексей Степанович? — с дрожью в голосе спросил Теремов.

— Найдётся и для тебя дело, — сходя со сцены, ответил Фалевский.

— Электропилищиком пока поработаешь, — пояснил Пелевин. — Пока. А там, может, в сучкорубы придётся переводить, если на валке не управишься.

В зале дружно рассмеялись.

— Ну и пусть! — обескураженно проворчал Теремов. — От такого-то механика я и сам всё равно ушёл бы.

После Фалевского попросил слова Воронков. Он уже давно порывался выступить и теперь прямо с места горячо заговорил:

— Вальщики, конечно, от трактористов не отстанут. А то, действительно, какая-то обезличка получается. Общее обязательство все подписали, а индивидуальных не было. Кто сколько должен за сезон сделать — неизвестно. С завтрашнего дня даю себе такое задание — заготовить до конца сезона шесть тысяч кубометров. Может, кому из мотористов моё задание непосильно покажется, то голословно спорить я не буду, а докажу на деле.

Володя повертал в руках шапку, ожидая возражений, но их не оказалось; тогда Володя как-то странно развёл руками и сел на своё место.

XVI.

До поздней ночи мимо окон бегут составы по рельсам узкоколейки, проложенным на невысокой насыпи, над замерзшими болотами. Сразу же за станцией, где кончается полоса электрического света, — глухая ночная темь. Но ещё долго виднеются красные отблески в том направлении, куда умчался паровоз, и не поймёшь — то ли это прожектор насторожённо ищет дорогу во тьме, то ли искры, вырываясь из трубы, золотым дождём сыплются на крутые плечи заснувших елей.

Вечерами Надя подолгу простаивала у окна, провозжая очередной эшелон задумчивым взглядом. Стояла и перебирала в памяти дела ещё одного минувшего дня, наполненного радостями и огорчениями. Удивительно, как много дел всегда оставалось на завтра! А ведь, кажется, Надя добросовестно старалась использовать каждую минуту рабочего времени: справившись с какой-либо трудностью, она тотчас же принималась за другую — и так до конца смены. Даже Панкратов, и тот, выходя вчера от Разгулова, не удержался, изумлённо поцокав языком, сказал: «Ну и деньки начались! Успевай только поворачиваться...». А предложи тому же Панкратову работу поспокойнее — он сочтёт это за великую обиду. Да, прав Пелевин: любовь к своему делу, пусть самому трудному и беспокойному, всегда была в крови у настоящих мастеров.

Вся жизнь семьи Устиновых была связана с лесом. Ещё тринадцатилетней девочкой Надя вместе с отцом и старшим братом уходила в студёные зимы в лес. Они там и жили, основав с другими лесорубами небольшой посёлок на берегу таёжной речки. Отец валил деревья, брат обрубал сучья и кряжевал, она сжигала хвою, готовила на костре немудрёный обед. Серая, с белой звездой на лбу, лошадь, проваливаясь по брюхо в снег, тащила к речке тяжёлые брёвна.

А теперь труд лесоруба — труд высокой квалификации. Будь жив сейчас отец, как гордился бы он до-

черью, избравшей из многих других профессий именно ту, которой сам он посвятил всю свою жизнь. Обидно только, что Разгулов и доныне считает должность мастера неподходящей для женщины. Правда, теперь он не высказывает своего мнения открыто, но видно было, что начальник лесопункта не верил в успех Нади и только, скрепя сердце, примирился с этим.

После совещания она ещё настойчивее взялась за налаживание ритмичной работы поточной линии, тем более, что ей никто не мешал в эти дни хозяйствовать самостоятельно. Разгулов на делянке не появлялся, а Пелевин целыми сутками пропадал у Панкратова. Сергей Павлович и на квартиру к ней перестал заходить, отговариваясь занятостью. Сперва Надя не знала, что и думать, потом решила, что Пелевину, вероятно, просто скучно с ней, поэтому он и избегает встреч.

Прежде всего, Надя задумала коренным образом перестроить верхний склад. Предстояло сделать вторую площадку по совершенно новой схеме, проложить сортировочную колею, расчистить волок и разъезды, приспособить место для обрубки и сжигания сучьев. Для этого требовались подсобные рабочие. Явившись как-то с очередным рапортом к Разгулову, Надя решила обратиться к нему за помощью. К Пелевину она не хотела обращаться, боясь, что он поймёт её просьбу в совершенно другом смысле.

Григорий Александрович относился теперь к Устиновой с подчеркнутой сдержанностью. Приказ о выговоре ей он всё-таки написал, но так и оставил лежать в столе. О нём знал лишь один Пелевин. К тому же Устинова день ото дня увеличивала выработку, и Разгулов, вспоминая свою стычку с ней, постепенно проникался уважением к молодому мастеру.

Он только что вернулся из мастерской, где осматривал отремонтированные лебёдки. Обращение Устиновой удивило Разгулова:

— Подсобников, вы сказали? Да у меня их нет. Какие были, те работают у Панкратова.

— Как же так? — не сдержавшись, резко проговорила она. — Мне нужно срочно строить вторую площадку, иначе мы будем без конца топтаться на одном месте.

Григорий Александрович положил на стол испачкан-

ные ржавчиной руки, устало, с неожиданной теплотой в голосе произнёс:

— Да, топтаться вам на одном месте нельзя... Знаете что? Я дам вам совет: обратитесь к комсомольцам. Как вы не догадались об этом сами?

— Я догадалась, — краснея, сказала Устинова. — Но не могу же я снимать людей с основных работ.

— А вы поговорите с Фалевским, с ребятами, наверняка что-нибудь придумаете. Действуйте.

Устинова быстро вышла, крепко сжав губы.

А завтра, за час до конца смены, к Наде подошла Женя Милютина:

— Надежда Николаевна, что же со второй площадкой будет? Это правда, что нам подсобников не дадут? Почему же Панкратову дали?

— Видишь ли, Панкратов переходит на двусменную работу, ему подсобники нужнее, чем нам... — Надя не знала, говорить ли ей о совете Разгулова, но Женя перебила нетерпеливо:

— Панкратов переходит, а мы будем ждать?

В её голосе послышался нескрываемый упрёк, и Устинова, неожиданно для себя, твёрдо ответила:

— Нет, зачем же? Начнём своими силами строить площадку. Пожалуйста, передай ребятам, чтобы собрались после работы здесь. А я предупрежу остальных.

Надо было видеть просиявшее лицо Жени! Кажется, она Устинову только потому не расцеловала, что торопилась всех оповестить о предстоящем субботнике.

— Федя! — задорно крикнула она сидевшему в кабине Куканову. — Скажи там ребятам, что остаёмся сегодня в лесу на весь вечер... Ну да, я говорила с мастером, она не возражает.

«Похоже, что они уже обсудили этот вопрос, — подумала Надя. — А я-то не знала, что делать!».

Площадку сооружали все. Надя работала наравне со всеми, и никогда ещё физический труд не казался ей таким приятным, как в этот раз. За вечер она узнала своих рабочих, особенно молодёжь, больше и ближе, чем за все предыдущие дни, и это радовало её сильнее всего.

Не меньшим событием оказался первый выезд Дернова на отремонтированном тракторе. В это утро на по-

токе не было равнодушных. Ещё бы! Все четыре машины были на ходу! Люди столпились на эстакаде, и как только на магистральном волокне показался трактор Куканова, многие бросились в гараж — узнать, почему задерживаются Четвериков, Кочергин и Дернов.

Зиночка Ветрова бурей ворвалась в гараж.

— Вы что же, уснули здесь? Федя уже на пасеке, а они...

— Но, но, замолчи, чего орешь? — перебил её Кочергин, садясь за руль. — Брысь с дороги, пока гусеницей не зацепил.

Загудел мотор, и Зиночка, вместо того, чтобы обидеться, почти ласково отозвалась:

— Давай, давай, Ваня, жми на все педали!

Она перепрыгнула через груды железных деталей и очутилась в другом отделении гаража, возле Дернова. Тот, предупреждая её вопрос, поспешно закрыл капот.

— Ты что прибежала? Своего дела нет? Без тебя тут не обойдутся?

— А вот я погляжу, обойдешься или нет, — невозмутимо сказала Зиночка. — Может, помочь придётся. Трактор-то пока стоит.

Дернов сбил на затылок шапку и лихо вскочил в кабину.

Зиночка распахнула двери и, словно регулировщица, показала Дернову путь. И когда Дернов, самодовольно поглядывая сверху на Зиночку, проехал мимо, она вприпрыжку помчалась за ним.

Устинова попросила Куканова проследить, как Четвериков и Дернов будут формировать воз. Куканов молча кивнул и пошёл навстречу запоздавшим товарищам. Надя невольно позавидовала его спокойствию: как всегда, серьёзен, скуп на слова и жесты, только глаза улыбаются попрежнему.

Дернов осторожно сворачивает на пасеку. Куканов, пятясь, сигналил ему руками. Устинова идёт следом, мысленно отмечая каждый неловкий рывок трактора. Всё-таки у Дернова ещё не совсем твёрдая рука: пасечный волок расчищен на совесть, а машина то и дело сбивается с колеи. Куканов, тот проехал бы, как по ниточке.

Наконец, трактор останавливается. Помощник Дернова подходит к сваленным деревьям с тяжёлой связкой

чокеров. Куканов разматывает за ним лебёточный трос. Дернов опускает опорный щит и, недовольный присутствием мастера, с преувеличенной заботливостью осматривает мотор. Устинова помогает чокеровщику зацеплять хлысты, верхушки которых предварительно очищены от мелких сучьев.

— Осторожно, Виктор, — предупреждающе поднимает Куканов руку, когда конец лебёточного троса проделся в проушины чокеров, охватив петлей разбросанные хлысты.

Два-три оборота барабана — и деревья начинают шевелиться, хвоя на них вздрагивает, нижние сучья доотказа сгибаются, поддерживая ствол на весу. Ещё несколько оборотов — и стволы, подчиняясь силе машины, собираются плотнее, образуя пачку. На мгновение Дернов выключает лебёдку, как бы давая ей отдохнуть перед последним усилием.

Когда вершины легли на коник трактора, Дернов поставил лебёдку на тормоз и вытер со лба пот, хотя на дворе не меньше двадцати градусов мороза. Ну и воз! Неочищенные хлысты, словно огромные рыбыны с непомерно длинными плавниками, нелепо растопырили сучья во все стороны. Они так переплелись между собой, что не сразу определишь, сколько тут кубометров, — может всего три, а может и восемь. Как их протащить по узкому волоку?

Куканов подходит к Дернову, негромко говорит:

— Трогай не спеша, без рывков. В случае, если воз зацепится, на рожок не лезь. Сними лебёдку с тормоза, отведи трактор метров на десять-пятнадцать и подтягивай деревья тросом. Глади за возом внимательнее...

Устинова сочла излишним давать дополнительные советы. Застучал мотор, трактор плавно двинулся вперёд.

— Теперь к Четверикову? — спросил Куканов, весело взглянув на мастера.

— Да, посмотрим, как у него дело идёт, — кивнула Устинова.

Помолчали. Устиновой хотелось продолжить разговор.

— Погрузочную лебёдку скоро нам дадите? Панкратову давно поставили, а у нас всё нет.

— Скоро поставим, — улыбнулся Куканов. — Мы ведь их почти что из ничего собираем.

— Кто — мы?

— Ну, Пелевин, я, ребята, знающие слесарное дело.

— Право, Куканов, ты всюду успеваешь, — с ноткой зависти сказала Надя. — И ты, наверно, рассказал Пелевину, чем мы тут занимаемся?

— Ну, ясно. Он такой — не хочешь, да всё расскажешь, как есть.

... Сергей Павлович явился на делянку после обеда. Он нашёл Устинову возле Доски показателей, на которой Женя Милютина старательно выписывала мелом дневные обязательства рабочих и их вчерашнюю выработку. Против фамилии Куканова она жирно вывела цифру «60» и поставила восклицательный знак. Многим бросилась в глаза разница между цифрами в первой и во второй графах. Вместе с тем, — и это обрадовало Пелевина куда больше, чем успех Куканова, — на потоке почти не осталось людей, которые не справлялись бы со сменными нормами. Уже и Кочергин давно перекрыл свои прежние показатели и настойчиво приближался к кукановской цифре. У обрушниц также дела дела пошли лучше. Столбики цифр наглядно свидетельствовали о нарастающем трудовом подъёме во всех бригадах мастерского участка.

— Неплохо придумано, — весело произнёс Пелевин прочитав Доску показателей снизу доверху. — Это вы каждый день так пишете?

Устинова, услышав его голос, вспыхнула, а Женя, обернувшись, радостно воскликнула:

— Ой, Сергей Павлович! Здравствуйте. Это вы про Доску спрашиваете? Конечно, каждый день, а иначе какой же толк?

— Верно, Женя. Здравствуйте, Надежда Николаевна. Постойте, да вы, кажется, чем-то расстроены? Уж не тем ли, что цифры на вашей Доске не сходятся, а?

— Это которые? — живо спросила Женя. — Эти, что ли? — Она ткнула покрасневшим на холоде пальцем сначала в графу «обязательство», затем в графу «выполнение».

— Ну да, эти, — кивнул Пелевин.

Женя бойко ответила:

— Есть из-за чего расстраиваться! Для того и пишем, чтобы каждый видел, сколько ему осталось дотянуть. Правда, Надежда Николаевна?

— Вы смотрели, как у нас перестроен верхний склад? — спросила Устинова. — Пришлось всё делать вопреки старым схемам.

— Правильно. Только подъезды следовало бы лучше выпрямить, а то у вас поворотов много. Будете переезжать на новую делянку, учтите это. А так... что ж, всё сделано расчётливо, по-хозяйски. Хвою успеваете убирать? Наверно к концу дня хламу на складе накапливается порядочно?

— Нет, не очень. Жечь не хитро...

— Эх, химиков бы сюда! Сколько бы добра они добыли из этого «хлама»! Говорят, уже есть установки, вырабатывающие из хвои метиловый спирт и силовой газ. Вот бы нам такую установку, а?

— Не всё сразу, Сергей Павлович. Скажите, когда вы думаете переводить нас на двусменную работу? Или это касается одного Панкратова?

— А не разрешите — мы сами перейдём, так и знайте, — вдруг заявила Женя, из деликатности отошедшая чуть в сторону, но слышавшая весь разговор.

Пелевин оглянулся на Женю и тотчас перевёл взгляд на Устинову. Наде показалось, что он неприятно удивлён вмешательством подчинённых в свои планы. Она только теперь разглядела, что Сергей Павлович за эти дни как будто постарел, хотя и не могла бы определить, что именно в его лице изменилось.

— Я как раз об этом и пришёл поговорить с вами, — спокойно сказал он. — Подготовка в основном завершена, расчёты мы с Панкратовым проверили, с завтрашнего дня примемся за ваш участок. — Пелевин усмехнулся: — А вы, что же, подумали, наверно, что о вашем участке забыли?

— Вовсе об этом не думала, хотя и вижу, что мне не доверяют, — сухо ответила она.

— Не доверяют? Откуда вы взяли? — удивился Пелевин. — Вот Зотову, признаться, я не доверял, поэтому и торчал у него с утра до вечера. Это было ошибкой... Немыслимо перевести сразу все четыре участка на двусменную работу. Я знаю, Куканов уже и прожектор при-

способил, но ведь не один же он собирается работать ночью? Да и не только в освещении загвоздка... Сюда, возможно, будут приезжать люди из других леспромхозов, и надо всё сделать так, чтобы им было что у нас перенять. Пока мы с Панкратовым рассчитывали и переделывали, участок буквально лихорадило. У вас всё пойдёт гораздо легче. Тем более, что вы тут не теряли времени зря... Именно на это я и рассчитывал, между прочим.

Надя не ответила. Ей было стыдно, что она думала о техноруке нивесть что. Пелсвин достал папиросу, размял её пальцами. Не найдя спичек в кармане, наклонился над потухшим костром, отыскивая в золе уголёк. Не оборачиваясь, спросил:

— А в клуб теперь вы ходите, Надежда Николаевна?

— Честное слово, некогда, — словно извиняясь, проговорила она; ей сразу стало легко и просто разговаривать с ним. — То здесь вечерами работали, то совещание какое-нибудь, а в прошлое воскресенье учётом с мощником занимались.

— Плохо. Этак вам и книжку некогда будет почитать. Погодите, я как-нибудь затащу вас в клуб, увидите, как там весело. Молодёжь новогодний концерт готовит, вы тоже должны принять в нём участие.

— Выступать? Нет, нет! Я никогда не выступала да и ничего не умею.

— Четыре года проучиться в техникуме — и не уметь? Не поверю. Посмотрели бы, что у нас бывшие воспитанники школ ФЗО выделывают! А они ведь меньше вашего учились... Сегодня как раз репетиция, приходите. Поправится.

— Сегодня никак не могу, надо у Панкратова побывать. Куканова с собой возьму, ещё кое-кого...

— Возьмите Фалевского, он многое может панкратовскому механику подсказать.

— Он и так не отстанет, — рассмеялась Устинова. — Такой дотошный старик — беда. До всего ему дело. Как встретишься с ним, он и давай свои соображения выкладывать. Самоучкой себя называет, а поди-ка, тронь его — подо всё теорию подведёт.

— Да, Фалевский хороший, беспокойный человек. Жаль, что у вас на участке маловато коммунистов, — он

мог бы руководить куда более многочисленной партийной группой. Ну, ничего, скоро нашего полку прибавится. Начнём готовить в партию наших лучших новаторов — Куканова, Воронкова, Женю... Вот эти цифры, — Сергей Павлович кивнул на Доску показателей, — послужат для них неплохой рекомендацией.

Он бросил недокуренную папиросу, натянул на озябшую руку перчатку:

— Ну, что ж, пойдёмте, посмотрим, как у вас дело идёт...

XVII.

Неожиданный перевод в электропилишки Теребов воспринял довольно равнодушно. Перед сдачей будки со всем имуществом он решил воспользоваться удобным моментом и уехать из Снежного. Работа на пасеке его не увлекала, как, впрочем, и никакая другая работа. Конечно, полагал Теребов, он мог бы на валке превзойти Воронкова, но ради чего стараться? Сколько ни работай, слава достанется не ему... Вот приедет на новое место и там себя покажет. Дернов тогда в столовой назвал Теребова болтуном. Не стоило бы, конечно, об этом вспоминать, если бы то же самое не сказала ему — кто бы мог подумать! — сама Зиночка... Произошло это в клубе, вскоре после собрания. Закончив репетицию, молодёжь по обыкновению собралась на сцене в кружок, в центре которого был Куканов с баяном. Сначала спели «Под городом Горьким», потом любимую Зиночкину «Хороши в саду весной цветочки». Зиночка сидела рядом с Воронковым, и, когда пела, её взгляд был устремлён только на него. Теребов угрюмо молчал, едва сдерживая накипавшее бешенство. Он злился на Зиночку за то, что она попрежнему предпочитала общество Воронкова всякому другому... И почему только считают его хорошим парнем? Ведь знает Зиночка, что у него есть любимая девушка в городе, и всё же для неё никого лучше его нет. Вот такие-то люди, как Воронков, вылезают наверх, а те, кто поскромнее, так и остаются всю жизнь в тени. «Ну, да мы ещё посмотрим, кто кого», — думал Теребов, слыша в хоре лишь один Зиночкин голос и наслаждаясь им.

После пения решили потанцевать. Женя Милютин попыталась было уговорить его поиграть на баяне вместо Куканова, но Теремов наотрез отказался. «Воронков будет танцевать, а я для него — играть?» — подумал он, забыв, что, кроме Воронкова, танцевало ещё с десятков ребят и девушек. Выждав, когда Володя в перерыве заговорил с одним из парней, он подошёл к Зиночке.

— Станцуем, Зина?

Она оглянулась на Воронкова и, чуть помедлив, положила руку Теремову на плечо.

Боясь оказаться слишком неловким и оттого стесняясь ещё больше, он бережно повёл её по кругу.

— Держи крепче, не то улечу, — смеясь, сказала Зиночка.

Он крепче обхватил рукой её стан, прерывисто проговорил:

— Зина, выйдем на крыльцо на минутку... иначе тебя никогда одну не застанешь.

— Говори здесь, на крыльце холодно.

— Оденься.

— Зачем? Никто ещё не собирается уходить.

— Ждешь, когда пригласит Володя? — спросил он.

— Хотя бы и так, — с вызовом ответила она. — Тебя это, по-моему, не касается.

— Нет, касается, — резко проговорил Теремов. — Ты же знаешь... Воронков с тобой от нечего делать забавляется, а я всерьёз...

— Да неужели? — насмешливо взглянула на него Зиночка и тут же строго добавила: — Ну и болтун ты, Юрка. Причём здесь Воронков? С кем нравится, с тем и дружу. Ты бы лучше про Марусю рассказал — с ней ты всерьёз или как?

— Я и хотел всё рассказать, да ты слушать не хочешь... Воронкову ты веришь, а ведь всем известно, что у него есть невеста. Пусть я болтун, но обманывать я не способен. А Воронков тебя обманывает...

— Ладно, хватит, — останавливаясь, сказала Зиночка. — Ты затем и на крыльцо меня звал, чтобы про Воронкова сказать? Так я про него и без тебя всё знаю.

— Вовсе нет... Подожди, Зина... ну, послушай, — пытался он остановить девушку, но Зиночка уже скрылась среди танцующих.

Теребов прислонился к стене. «Дура, побежала к Володке, обиделась. Больно ты нужна ему, как же!». Он тотчас же оделся и с удивлением увидел, что Зиночка тоже оделась и стремительно направилась к выходу.

Сердце Теребова учащённо забилося, однако он сдержался и подождал, пока Зиночка не скрылась за дверью. Судя по всему, Воронков даже и не заметил её ухода.

«Нет, не так уж это глупо, что я сказал ей про Воронкова. Пусть подумает, сегодня я ей не стану мешать», — решил Теребов. Его уверенность в том, что рано или поздно ему удастся поговорить с Зиночкой серьёзно, окрепла. Единственно, что теперь требовалось от него, — терпение. Время покажет, кто прав. Теребов ещё заставит Зиночку извиниться за «болтуна». Он своим поведением докажет, как она ошиблась...

Три последующие дня Теребов не пытался заговорить с Зиночкой и даже при мимолётных встречах старался на неё не смотреть. Он валил лес на другой пасеке и всякий раз, узнавая в конце дня о выработке Воронкова, давал себе слово догнать соперника. Теребову казалось, что таким образом он унизит Володю в глазах Зиночки. Кто-кто, а он-то отлично знал, что Зиночка отстающих не жалуется. Однако догнать Володю не удавалось. Чтобы догнать, требовалось не только желание, но и опыт, настойчивость в преодолении всё новых и новых трудностей. А Теребов рассчитывал достичь успеха разом. Из этого вышла неприятность: Устинова сделала Теребову выговор за неправильную валку и заставила спилить высокие пни, оставленные им в спешке. Не удержавшись, Теребов сказал что-то насчёт придинок, а Устинова сейчас же привела в пример Воронкова, у которого высокая выработка сочеталась с безукоризненным качеством валки. Теребов не нашёлся, что ответить, и мысленно махнул на всё рукой. Он пожалел, что не уехал сразу после собрания. Тогда, по крайней мере, у него не было насчёт Зиночки никаких надежд. Впрочем, зачем обманываться: он надеялся тогда точно так же, как и сейчас. Зиночка скоро поймёт, чего стоят Володины обещания. Поймёт... и придёт к Теребову. А пока этого не случилось, он не мог уехать, хотя сознавал неизбежность отъезда. Он подождёт ещё. В глубине души он та-

ил надежду, что сможет уехать вместе с Зиночкой. Неужели она захочет остаться после разрыва с Володей?

Прошло пять дней после разговора в клубе, а Зиночка всё не шла. Правда, с Володей она виделась тоже редко, только на работе. Почти все вечера Володя просиживал дома. Уж не получил ли он письма от Гали, не находится ли она на пути в Снежный? Не зря же Воронков стал в последнее время избегать встреч с Зиночкой.

Что же, раз Зиночка к нему не идёт, он пойдёт к ней сам. А то, пожалуй, она может подумать, что он в самом деле болтун и никогда не собирался говорить с ней серьёзно. Почему спросила она тогда о Марусе? Да разве можно сравнить Зиночку с Марусей!

— Юрка! Подожди!

Теребов вздрогнул от неожиданности и оглянулся. Его догонял Володя Воронков. В лесу стемнело, но волок был ярко освещён, и Теребов ещё издали разглядел признаки беспокойства на лице Воронкова.

До недавнего времени из всех соседей по комнате Володя был самым внимательным к Теребову, хотя и недолюбливал его. Шурик, тот открыто избегал бывшего пилоточка, а Куканов им просто пренебрегал. Уйди от них Теребов, Куканов, пожалуй бы, и не заметил этого. Но Теребов уйти не мог, потому что на всём участке, кроме кондуктора Сидоренко, у него не имелось друзей. К Володе с Кукановым он всё же настолько привык, что без них, в другом месте, ему было бы ещё хуже. А главное, в их комнату частенько навещалась Зиночка, и только здесь Теребов мог её увидеть и перекинуться с ней хоть несколькими словами, досыта на неё наглядеться. Он и засыпал всегда с мыслями о таком близком, но невозможном счастье. Неужели эти мысли угадал Воронков? Он странно изменил своё отношение к Теребову — стал сух и придиричив, на полуслове обрывал самые невинные шутки. Теребов платил ему тем же.

— Юрка, — сказал Володя, не глядя на Теребова, — ты говорил обо мне что-нибудь Зине?

— Вот ещё... Она и сама всё знает.

— Конечно, — подтвердил Володя. — Я и не собирался что-либо от неё скрывать. Но зачем ты вмешиваешься?

— Я не вмешиваюсь, откуда ты это взял? — быстро

сказал Теребов, однако тотчас остановился и в упор спросил: — А зачем ты обманываешь её? Двух зайцев хочешь поймать? Дескать, Галя не приедет, так Зиночка будет моей. Двойную игру ведёшь?

От неожиданности Володя снял с плеча пилу и почему-то огляделся. Лёгкая краска медленно сошла с лица Воронкова. Они были одни на дороге.

— Я с тобой по-хорошему хотел, а ты сразу сплетничать... Думаешь, Зина поверила тебе? Я ведь знаю, что ты ей нашёптывал. Эх, ты, разве об этом тебе говорить с ней надо было? По-твоему, я тебе мешаю? Почему ты с ней напрямик не поговоришь? Смелости недостаёт?

— Что мне с ней говорить, ежели она к тебе липнет. Ну и пусть себе льнёт, мне-то что?

— «Липнет?» У тебя и слова другого нет?—с трудом сдерживаясь, спросил Володя. — А знаешь ты, почему она липнет?

— Да мне-то какое дело? — со злостью отрезал Теребов.

— Есть дело, я ведь вижу. Ты спроси у Зиночки, может, она тебе разъяснит.

— Придёт время — спрошу. Тоже, нашёлся советчик! Знаю, зачем ты этот разговор завёл. Галя, наверно, отказалась приехать, ты вот о Зиночке и беспокоишься. Написать бы обо всём Гале, да она, небось, и сама уже догадалась.

— Ты Галю не задевай, понял? — сжимая кулаки, предостерёг Володя.

— Ладно, не пугай, — поднял руку Теребов; голос его стал придушённо-сипловатым. — Чего тебе надо от меня? Чтобы я от Зиночки отказался? Не выйдет!

— Она сама откажется от тебя. Больно ты нужен ей, пустомеля.

Уловив неуверенный тон Воронкова, Теребов насмешливо скривил губы и, молча перекинув пилу с одного плеча на другое, пошёл прочь. Стыд охватил Воронкова. Надо же было затеять эту ссору! В чём хотел он убедить Теребова? В неоспоримости своего права на Зиночку? Конечно, нет. Да и какие-тут вообще могут быть права? Притом он сам решил не давать больше Зиночке повода надеяться... И всё-таки, оказывается, он по-прежнему равнодушен к тому, с кем Зиночка будет дружить после него. Только бы не с Теребовым! Как

дико всё получилось. Противно даже вспомнить, какие глупые слова он только что произнёс. И противно, и стыдно...

Теребов почти бегом спешил к верхнему складу. Вздвешенный, он не хотел больше ни на час откладывать встречу с Зиной. Надо раз и навсегда выяснить свои отношения с ней. Если она попытается, как раньше, уклониться от прямого ответа, он выскажет ей немало горьких истин. Тогда незачем будет её щадить. Пусть она запомнит его злым и мстительным. Пусть даже ненавидит его, коли не хочет любить. Что касается Воронкова, то пусть он думает о Теребове что угодно. Их дороги разошлись и никогда не сойдутся.

На верхнем складе, как и всегда к концу смены, было многолюдно и шумно. Мотовоз ещё не прибыл. Теребов, позабыв сдать пилу, врезался в толпу девушек и вскоре увидел Зиночку. Она сидела на бревне рядом с Женей Милутиной; разговаривая, они негромко посмеивались. Теребов намеревался подойти к ним сзади, но Женя тотчас заметила его.

— Ну, как, Юра, дела? Сколько процентов дал сегодня?

— Сто три, — пробормотал он — Зина, можно тебя на минутку?

Зиночка взглянула ему в лицо и не спеша поднялась. Что-то подсказало ей, что Теребов вызывает её не зря.

— Смотрите, не прогуляйте, мотовоз сейчас подойдёт, — предупредила их Женя, отходя.

Теребов в волнении взял Зиночку за локоть и отвёл в сторону. Чувствуя, как тает его решимость, Теребов начал прямо с того, чем думал кончить.

— Зиночка, сейчас мы поговорили с Володей... Он сказал, что ты ему веришь, а мне — нет. Я и сам это знал, иначе не стал бы скрывать, что люблю тебя. Думаешь, легко мне было? Я никого до этого не любил, честное слово, только тебя, а он...

— Он тут ни при чём, Юрий, — тихо проговорила Зиночка, впервые так назвав его. — Я давно знала, что у него есть невеста, Володя сам мне сказал. А я не верила. И сейчас не верю, потому что... так мне легче, понимаешь? Ты не обижайся на меня, Юра, сердцу ведь не прикажешь. Я хоть и не говорила, да ты сам должен

был догадаться, — не люблю я тебя. А почему — уж не знаю. Этого, наверно, никто не знает.

Теребов машинально выпустил её локоть, рукавом отёр лоб.

— Что ж, — медленно произнёс он. — Спасибо за откровенность. Теперь мне делать здесь нечего. Завтра попрошу у Разгулова расчёт.

— Ты хочешь уехать? Почему? — удивлённо спросила Зиночка.

— Не на Володино же счастье мне здесь любоваться... Хватит.

— Ты очень узко понимаешь счастье.. А работа, друзья, коллектив? Неужели тебе легко будет со всем этим распрощаться?

— Да не так уж и тяжело, как ты думаешь. Особенно теперь... А что я здесь видел хорошего? Можно сказать — ничего.

— Ничего? — возмутилась Зиночка. — А вспомни-ка, каким ты сюда пришёл! Много ли ты умел? А здесь ты стал специалистом, всему научился. Чья же вина, что ты не сумел применить полученные знания? Сколько раз мы тебе об этом говорили! Другие вон какими мастерами стали, а ты только тем и занят был, что завидовал им. Думаешь, в ином месте тебя сразу начальником погавят! Нет, сперва доверие надо заслужить, работой доказать, на что ты способен.

— Докажу, не беспокойся, — раздражённо перебил её Теребов.

— Почему же здесь не доказать?

— Не хочу... да и незачем. Вот уеду, вы ещё услышите обо мне.

— Ох, вряд ли, — покачала головой Зиночка. — За лёгким успехом гонишься? Гляди, сорвёшься, потом подниматься трудно будет... Кажется, мотовоз подошёл, давай вернёмся. Ты поговори-ка с Пелевиным, прежде чем брать расчёт. Может, раздумаешь ехать?

— Ну, нет. Сказал — уеду, значит, уеду. Разгулов меня отпустит.

— Коли так, пожалуй, отпустит. Что ж, езжай, — равнодушно сказала Зиночка и пошла к мотовозу, даже не оглянувшись на Теребова. И сразу почувствовала облегчение. Им было не о чем говорить.

Володя не раз каялся в нелепой ссоре с Теребовым. В сущности, он ведь не имел никакого нравственно-го права так с ним говорить. Почему бы, в самом деле, Зиначке не дружить с Теребовым? И откуда Володя взял, что Теребов недостоин её дружбы? В конце концов, только самой Зиначке можно решить, кто ей по душе. Выходит, не Теребов вмешивается в Володины дела, а сам Володя грубо попытался вмешаться в чужие взаимоотношения. Конечно, Зиначка не любит Юрку, но что было бы, если бы она его полюбила? А было бы, вероятно, то, что Теребов стал бы другим. Ведь никто же не знает, что у него на душе. Знали только, что он с лентяем и любитель позубоскалить. Никогда ведь не пытался Володя откровенно поговорить с Теребовым, как никому из ребят не приходило в голову поближе с ним сойтись. Вот и в школе ФЗО Юрка держался особняком. Почему так? Попал человек в лес, трудился сперва неплохо, затем стал работать хуже, его стыдили на собраниях, считали зазнайкой и лодырем, — и никто не подумал, почему так произошло? В тот раз, когда Теребов отказался ремонтировать лебёдки, Володя хотел было выяснить причину, докопаться до сути и помочь Теребову сблизиться с ребятами, но вышло наоборот. Он не только не помог Теребову, а ещё больше отдалился от него. И вот тот самый Юрка, с которым Володя вместе учился, вместе вступал в комсомол, жил в одной комнате и работал на одной делянке, — этот Юрка останется где-то за бортом, вне коллектива, может быть — под чужим влиянием. И он, Володя, сегодняшним необдуман-ным поступком ещё больше ожесточил Теребова.

Заслышав приближение мотовоза, Володя свернул с волока и по узкой тропке направился к будке Фалевско-го. Оставив там пилу, он бросился искать Женю. По го-лосам узнал, что Женя и Зиначка уже взобрались на ге-реднюю платформу. Присутствие Зиначки было совсем некстати, но Володе не хотелось откладывать разговор, и он решительно полез наверх. Чьи-то руки подхватили его, под смех и шутки толкнули прямо на Зиначку. Во-лодя попросил:

— Потеснитесь, девочки. Чуть было не опоздал. При-шло бы пешком топать.

— Опоздал — мы бы Зиночку тебе в попутчицы оставили, — смеясь, сказала одна из девушек. — Осталась бы, Зина?

— А думаешь, побоялась бы? — с вызовом ответила та, уступая Володе место рядом с собой.

Володя устроился между нею и Женей и сейчас же предложил:

— Споём, девчата. Зина, заводи.

— Какую?

Мотовоз, коротко прогудев, потянул за собой платформы. .

Свет прожекторов ещё долго освещал лица людей, но за ближайшим поворотом темнота скрыла всё — и лица, и окружающие деревья, и задние платформы. Зато голоса во тьме стали как будто громче, отчётливее. Пока девчата препирались, на задней платформе запели. Песню дружно подхватили, заглушая и стук колёс, и шум ветра.

Володя мог говорить, не опасаясь вмешательства соседей. Правда, едва он заговорил с Женей, как Зиночка перестала петь, но тут уж ничего нельзя было поделать. К тому же Зиночка так или иначе узнает от Жени обо всём, бесполезно от неё что-либо скрывать.

— Не знаешь ли ты, Женя, где Теревов? — спросил Володя.

— Сзади едет. А что? — Женя с любопытством взглянула в лицо Воронкову, но увидела лишь снежное пятно на его шапке.

— Поругался я с ним сейчас. Глупо так вышло... Хотел о деле поговорить, а получилось неладно. Надо бы помочь ему в колею войти, не то опять на собрании придётся обсуждать. Знаешь ты, сколько он выработал сегодня?

— Он сказал — сто три процента...

— Ну, вот видишь! — в отчаянии воскликнул Володя. — Соврал, ведь, едва до девяности дотянул, я у помощника мастера узнавал.

— Для чего ему это нужно? — пожалала Женя плечами. — Ведь всё равно завтра его показатели будут на доске.

— Со зла он, вот что. Я и говорю, что выяснить бы надо, в чём тут дело.

— И вовсе не надо ничего выяснять, — сказала Зи-

ночка. — Он сам объявил мне, что собирается уезжать из Снежного. Вот и работает кое-как.

— Уезжает? Куда?

— Не знаю. Он мне столько наговорил... — Зиночка, понизив голос, добавила с досадой: — Ты-то чего ради с ним связался? Нашёл с кем разговаривать о личных делах!..

— Ты подожди, — перебил её Володя. — Женя, ты слышишь? Теремов уезжать собрался, ты об этом знаешь?

— Откуда я могла знать?

— Но ты же понимаешь, Женя, что отпустить его нельзя. Как же так? На всю нашу организацию пятислаживет. Что же нам тогда скажет Пелевин?

— Я ему посоветовала к Сергею Павловичу сходить, а он сказал, что пойдёт прямо к Разгулову, — пояснила Зиночка.

— К Сергею Павловичу, само собой, он не посмеет пойти, — кивнул Володя. — А Разгулов, пожалуй, удерживать его не станет, даром что Теремов специалист. Не любит Григорий Александрович шатких людей. Ох, и путаник этот Юрка! Но ведь он же наш товарищ, нельзя от него попросту отмахнуться. Как по-твоему, Женя?

— По-моему, всего удобнее тебе с ним поговорить, — сказала, помолчав, Женя. — Учились вместе, живёте в одной комнате. Надо, чтобы об этом пока никто не знал. Узнают — тогда Юрка со стыда поневоле уедет. Помирись с ним, делить вам нечего, а я... — Женя помедлила и тихо сказала Володе на ухо: — я с Зиной ещё поговорю. Она его живо пристыдит.

— Ладно, — помедлив, сказал Володя. — Наш ведь парень... Попробую.

В посёлке он нарочно отстал от Куканова и Шурика, рассчитывая пойти домой с Теремовым. Но тот куда-то исчез. Не было его и в столовой, куда заглянул Володя. «Наверно, побежал переодеваться, а потом направится в клуб», — гадал Володя, шагая в общежитие.

Открыв дверь, он сразу спросил Куканова:

— Теремов куда пошёл, не знаешь?

— А он и вовсе не приходил, — ответил Шурик. — Видишь, его вешалка пустует. Для чего он тебе понадобился?

Володя постоял среди комнаты, раздумывая — говорить ребятам о Терёбове или нет, и вдруг выпалил:

— Слышали, Юрка уезжать из Снежного собрался? Каково!

Куканов недоверчиво скосил на Володю глаза, а Шурик спокойно заявил:

— Ну и пускай, подумаешь! Такому работнику нигде рады не будут.

— Погоди, не спеши, — нахмурился Куканов. — Как это так — пускай уезжает? У нас таких, как Терёбов, ещё немало найдётся, по-твоему — их тоже отпустить можно?...

— Пускай, дескать, другие возьмётся с ними, воспитывают, да? — перебил Володя возбуждённо. — Не годится так. Терёбов, может быть, давно ищет поддержки, наверно, ему самому противно наособицу быть, а мы ему на дверь укажем?

Шурик поморгал ресницами, переводя взгляд с Володи на Куканова, и робко сказал:

— Ежели так, то что же мы раньше глядели? Юрка, наверно, уже давно думал про отъезд.

— То-то и есть, — с упрёком сказал Володя. — Вот что, ребята, вы пока не говорите никому о Юрке, а я попытаюсь выяснить, почему он решил уехать. Я знаю, куда он пошёл.

Уже на улице Володя заметил, что забыл снять рабочую одежду, но возвращаться ему не хотелось. «У Сидоренко он, больше негде быть. В клуб Юрка в телогрейке не пойдёт, а других друзей у него нет. Тоже, дружка нашёл! Только и мастер, что наряжаться да танцевать. Хотя нет, — тут же поправился Володя, осознав, что судит о человеке пристрастно. — Работник Сидоренко аккуратный, дело своё любит. Но привычки у него какие-то... однобокие, что ли. Вроде как чужую роль играет. И Терёбов тоже... Только вряд ли они откровенны друг с другом. Пожалуй, ничего общего, кроме танцев, у них и нет. А впрочем, кто их знает. Боюсь, не будет толку, как бы снова не вышло ругани...».

Володя чувствовал, что пока Терёбов будет зубоскалить, злиться и скрытничать, неприязни к нему не преодолеть. Подружиться можно только с человеком, которого хорошо знаешь, которому веришь. А Володя пока

что не имел оснований Терехову верить, как не имел их и Терехов по отношению к Володе. Ну, что ж, пусть Юрка сойдётся с кем-либо другим — друзей ведь выбирают часто не столько умом, сколько сердцем. Главное, чтобы он почувствовал, что друзьями его могут быть все—Воронков, Куканов, Женя, Шурик, Дернов. И ещё—чтобы Терехов сам начал жить со всеми с открытой душой, не тая ни печали, ни радости. Вот тогда можно будет выручить его из любой беды, помочь сделаться настоящим человеком.

Но как, чем вызвать Юрку на откровенность? Как обнаружить в нём то хорошее, что обязательно должно быть? Вот почувствовала Зиночка неподдельную искренность в Юркином признании, но не приняла его, — и снова эта искренность скрылась куда-то глубоко, заволоклась едкой накипью. Этой-то накипи и боялся Володя: он и сам не был уверен, что сумеет сдержаться, побороть естественное желание ответить на зубоскальство резко.

Впрочем, довольно того, что он в первый раз не сдержался. Теперь он возьмёт себя в руки. Ему тем легче это сделать, что всё его воспитание, начиная с первого класса и кончая школой ФЗО и Снежным, было проникнуто духом уважения и веры в человека и в то же время — духом принципиальной непримиримости ко всему нечестному, грубому, показному. Он вышел из школы полный сил и волнующего нетерпения поскорее взяться за дело, которое его научили уважать и любить. Володя видел, что то же самое переживали все выпускники, поэтому-то и удивляли его такие люди, как Терехов, которых он называл про себя «равнодушными». Работает такой человек ни шатко, ни валко — лишь бы день прошёл, не видит ни бурлящей вокруг него жизни, ни будущего, ни к чему не стремится, а если и мечтает о чём, так только о спокойствии, если волнует — так разве что из мелочной зависти к другим. Но Володя знал также, что не все «равнодушные» остаются до конца такими: жизнь захватывает и их, будит в них то хорошее, что до поры, до времени тлело, как угольки под пеплом. И стоило лишь поддержать проблеск этого живого, как оно вспыхивало и разгоралось неугасимым огоньком. На этот-то огонёк и надеялся Володя, идя к Терехову и мысленно готовясь бороться за него до конца.

Сидоренко жил в небольшом отдельном домике, сразу же за станцией. Жил он с матерью, которая, как говорили, работала на Крутогорском льнокомбинате ещё при первом хозяине, купце Лупове. Старуха выглядела ещё бодрой и надеялась дожидаться от сына внучат. Домик принадлежал старшей сестре Сидоренко, которая работала на комбинате ткачихой, но приезжала в Снежный каждое воскресенье. Говорили также, что Костя Сидоренко ревновал мать к сестре и противился её переезду в Крутую Горку.

Наружная дверь не была заперта. В сенях Володя запнулся о ведро и, не постучав, вошёл в кухню.

Как только хлопнула дверь, голоса в горнице смолкли. Сидоренко сейчас же вышел:

— А, Воронков, каким тебя ветром занесло? Небось, по делу? Ты ведь ко мне только по делу и заходишь.

— Здравствуй, Костя. Шёл мимо и решил заглянуть. Давно не виделись. Как живёшь, что нового?

— Нового много. Начальник дороги обещает меня на курсы машинистов послать. Да ты проходи, у меня там Юрий сидит, больше никого нет.

По голосу Володя понял, что Сидоренко смущён, приход Володи, очевидно, ставил хозяина в неловкое положение. — Теремов наверняка рассказал ему о ссоре своей с Воронковым. Володя почему-то решил, что Костя его поддержит, и, сбросив с плеч ватник, прошёл в горницу.

Теремов сидел за столом в одной рубашке, раскрасневшийся, но мрачный. Намеренно не замечая Володи, он поднял недопитый стакан с водкой.

— Давай допьём, Костя, а то ещё кто-нибудь явится — и выпить не придётся.

Сидоренко взглянул на Воронкова.

— Володя, выпей за меня, а? Ей-богу! Мне на дежурство скоро идти, а он пристаёт... Бери, бери, у меня её только два стаканчика и было. Не опьянсеешь, не бойся.

Теремов презрительно посмотрел на Сидоренко и поставил стакан на стол.

— Я не боюсь, — весело сказал Володя. — Юрка, я тебе аппетит не испорчу? Нет? Тогда давай чокнемся. Что ты на меня зверем смотришь?

— Вы, ребята, потише, а то мать у меня... — Сидо-

ренко, кивнув на дверь, досадливо произнёс: — Ты, Юрка, можешь спокойно рассуждать, или нет? Я скажу Володе, что ты мне тут доказывал, мне надоело уговаривать тебя.

— Пьян я разве, что ты меня уговаривать вздумал? — зло усмехнулся Терёбов. — Выходит, с тобой и поговорить ни о чём нельзя, всем будет известно, да?

Он резко отодвинул стакан от себя подальше и полез в карман за папиросой. То же сделал и Володя.

— Ты, собственно, зачем сюда пришёл, а? — не выдержав, в упор спросил Терёбов. — Разговор продолжить? А я разговаривать не хочу, понял?

— Нет, не понял, — серьёзно ответил Володя. — Если бы ты только со мной не разговаривал, тогда было бы понятно, а то ведь и с остальными ребятами ты разговаривать разучился. Что же, так и думаешь прожить один, молчком?

— Проживу, не беспокойся.

— А помнишь, как дружно мы в школе жили?

— Там ребята были другие, не чета здешним. Заняток не было.

— Это не мы, а ты другим стал. Знаешь, с каким настроением ты сюда ехал? Сказать?

— Валяй, — проговорил Терёбов.

— В школе тебе учёба легче давалась, чем другим. Мастер тебя в пример ставил. Ты и здесь сразу хотел звёзды с неба хватать. Только здесь всё сложнее оказалось, верно? Те, кто понастойчивее да потвёрже, обогнали тебя. А ты, вместо того, чтобы по-настоящему за дело взяться, вообразил, что тебя «затирают», стал на всех обижаться да завидовать. Как это называется, по-твоему?

— Мне наплевать на твои догадки. Я ведь тоже могу рассказать кое-что про тебя, только никому это не любопытно.

— Брось, Юрка, — махнул рукой Сидоренко. — С тобой серьёзно говорят, а ты...

— Подожди, он и про тебя что-нибудь сочинит, — усмехнулся Терёбов.

— Это трусостью называется, понял? Ты потому и от ребят откололся, что испугался трудностей, а те не испугались. И вот ты думаешь теперь: они сами по себе, а

я сам по себе. Лишь бы, мол, ко мне не приставали, а я им ещё докажу.

— Ничего я доказывать вам не хочу, ну вас к черту, — вяло проговорил Теребов, отводя глаза.

— Это ты на свой отъезд намекаешь? Этого я не ожидал! — возмущённо сказал Володя. — Государство его выучило, сделало специалистом, путёвку в жизнь ему вручило, а он — на тебе! Ты чего же хочешь? Лёгкой жизни, что ли? А по-моему, где труднее, там и любее. Я свой Снежный ни на что не променяю, потому что я сам его строю и дострою, какие бы трудности ни встретились. А как же иначе? Тебя вот на валку перевели, это же чертовски интересная работа, ты всё равно как правофланговый в потоке, с нас, вальщиков, всё начинается, а ты этого не сознаёшь. Ну, а раз так, то и работа кажется скучной, тут уж не до звёзд, хотя ты о них и мечтаешь. Так или не так?

Теребов молчал, окутав лицо папиросным дымом.

— Насчёт отъезда я ему то же говорил, — вставил Сидоренко. — Это самое последнее дело — убежать...

— Никто убежать не собирается! — вспыхнул Теребов?

— А как же это назвать? — простодушно спросил Костя, глядя на Володю.

— Как! Много ты понимаешь. Чего не в своё дело суёшься?...

— Ну, ты здесь не шуми, — холодно остановил Теребова Сидоренко. — Ты сам ко мне за советом пришёл. Разве я поддакивать тебе должен? У меня своё мнение есть.

— Зря я к тебе пришёл, — давя пальцами окуроч, сказал Теребов. — Было ли у тебя когда своё мнение?

— У меня оно было и есть, а вот тебя, действительно, не поймёшь: то собирался что-то всем доказать, то уезжать вздумал.

Володя, с любопытством наблюдавший за стычкой двух приятелей, был благодарен Сидоренко за поддержку. Он заметил, что вмешательство Кости особенно угнетающе подействовало на Теребова. Очевидно, они поспорили ещё перед этим, и приход Воронкова только приободрил Костю. Конечно, они сошлись на каких-то общих второстепенных интересах и, по сути, плохо знали

друг друга, иначе Терёбов вряд ли бы посвятил Костю в свои планы. Терёбов, конечно, мог при случае насплетничать на людей, — всё это Сидоренко, человек, вообще, не без слабостей, воспринял более или менее сочувственно. Но одобрить отъезд из Снежного, с которым он сросся, где у него была любимая работа и ясные виды на будущее, Костя не мог и не хотел. И когда Володя это понял, он почти уверился в том, что Терёбов не уедет. Только с ним говорить надо было теперь как-то иначе.

Незаметно подмигнув хозяину, Володя решительно сказал:

— Идём-ка, Юрка, домой. Да и Косте уже на работу пора.

Терёбов удивлённо посмотрел сперва на Сидоренко, потом на Володю и медленно поднялся. Володя, накинув на плечи ватник, спокойно ждал.

Очутившись на улице, Терёбов раздражённо спросил:

— Слушай, чего тебе нужно от меня, а? Всё равно нам не быть друзьями.

— Почему?

— Разные мы люди... — Терёбов криво усмехнулся. — Ты же передовой человек и так далее, а я, сам знаешь, несознательный...

— Вот что, Юрка: ты не дури, — с лёгкой досадой сказал Володя и увлёк Терёбова с дороги на тропинку, избегая встречных. — Не в том дело, кто я, главное, что бы мы все жили и работали дружно. И ты себя в душе несознательным не считаешь, я ведь знаю. По-твоему, тебе просто не везёт, вот и всё. А по-нашему, по-комсомольски, ты здорово запутался, и надо тебе выбраться из тупика. Пойдём, поговорим с ребятами по душам — и убедишься, что о многих вещах ты судил неправильно.

Терёбов внимательно посмотрел на Володю, как бы взвешивая его слова.

— Ладно, — заговорил он, — о Куканове я не спорю, он лично против меня ничего не имеет, но ты-то чего ради беспокоишься? Думаешь, я тебе поверю? Ты мне за Зиночку солил и будешь солить, и все твои слова ни к чему. Да и не сам ты разговор этот затеял, небось, Пелевин научил. Зиночка ему сказала про мой отъезд, вот он и дал тебе поручение...

— Да зачем мне тебя обманывать? И Зиночка тут совершенно ни при чём... Пелевину она ничего не говорила. А если бы сказала, и Сергей Павлович вызвал бы тебя, — ты и ему не поверил бы?

— Про Сергея Павловича я ничего не говорю, — глухо отозвался Терехов. — Куканов с Шуриком дома?

— Наверное, дома.

— Слушай, нельзя ли сегодня разговора обо мне не заводить?

— Это зависит от тебя. Ребята будут рады, если в комнате опять станут жить четверо настоящих друзей. Тогда и разговоры иные пойдут.

Володя помолчал и, не дождавшись ответа, добавил:

— Знаешь, я вчера посмотрел, как ты работаешь. Сноровки ещё мало, рабочее место готовишь плохо. Но это дело наживное. Хочешь, я завтра с тобой полсмены поработаю? С мастером я договорюсь, она разрешит. Имей в виду, из комсомольцев только ты один отстаёшь, на что это годится? Согласен или нет?

— Ты это серьёзно говоришь? — приостанавливаясь, спросил Терехов.

— Конечно. У нас же теперь все учатся друг у друга, знаешь сам.

— Ладно, — кивнул Терехов и впервые скупно улыбнулся. — Только имей в виду: за Зиночку я на тебя крепко обижен... Она, понятно, теперь смеяться надо мной будет, но я её не виню, пускай...

— Нет, Юрка, смеяться она не будет, — негромко сказал Володя. — Над хорошим чувством не смеются.

XIX.

«Здравствуй, Володя.

Извини, что задержалась с ответом. Думала, что ты мне напишешь ещё, а заодно и маме, но напрасно. Письма твоего всё нет и нет. Бессовестный! Думаешь, мне тут легко одной решать? Маме я сказала, насчёт переезда, а она вздохнула и говорит: «Почему же Володя тогда ничего об этом не сказал? Посоветовались бы все вместе и решили бы...». Я ей ответила, что ты постеснялся сказать, что и сейчас ещё ничего не решено, и если она против, то я никуда не поеду. Мама рассердилась и сказала: «Как же это не поедешь, коли любишь его? Я ведь по глазам вижу...».

В общем, я призналась, что да, наверно, люблю. Только ты не воображай, что я уже согласна ехать хоть завтра. Во-пер-

вых, ты должен теперь писать мне каждый день, иначе я ни-
весть, что буду думать, во-вторых, мама хочет, чтобы я подо-
ждала, пока не приедет мамнина сестра, а в-третьих, я ещё
посмотрю на твоё поведение. Сейчас же садись и пиши письмо
маме! Понимаешь? Она боится отпустить меня в лес, да и
мне страшно ехать в твою берлогу, хотя ты и расхваливал её
во-всю.

Да, ты знаешь, я сейчас читаю в газетах всё, что пишется
о лесорубах. Представь себе, твоей фамилии в газетах не встре-
чала, а ещё говорил — специалист. Учти, я могу влюбиться в
твоего приятеля Куканова, о котором много пишут, и ты оста-
нешься без жены. Ой, как это серьёзно звучит — жена! Просто
не верится... А давно ли мы учились, и я ужасно краснела,
когда ты брал меня под руку. Пожалуйста, не спорь, с девуш-
ками ты обращаешься не умеешь. Никогда не предполагала, что
решусь стать твоей женой. Нарочно не спешу, чтобы дать себе
и тебе время подумать. Гляди, хорошенько думай, потом уж
поздно будет.

Вчера ходила на каток, весь вечер каталась с ребятами.
Ты не ревнуешь? Наверно, нет, потому что последнее твоё пись-
мо было очень скучное. Я показала его маме, и она ска-
зала: «А Володя-то, должно быть, ласковый парень, хорошие
письма пишет». Вот уж неправда. Мог бы будущей жене на-
писать поласковее, а не просто — «здравствуй» и «целую».
Ведь я хочу знать о тебе всё — как ты провёл день, что делал,
с кем разговаривал, какие сны видел. Хочется знать, какую
книгу ты сейчас читаешь, понравилась ли она тебе и что имен-
но понравилось. Я купила новое переработанное издание
«Молодой гвардии», но пока не читаю её. Будем читать
вместе.

У нас стало совсем холодно, воображаю, насколько холод-
ней у вас, в лесу. Но я люблю зиму, и морозы меня не пугают.
Помнишь, как мы катались на лыжах? Летишь с горы, даже
слёзы из глаз, а хочется, чтобы гора была ещё круче, чтобы
ветер ещё сильнее бил в лицо. А всё потому, что ты летишь
следом и должен видеть, какая я смелая. Но ты ничего не ви-
дел и только смеялся, когда я падала. Теперь я остерегаюсь
кататься с высоких гор, но не оттого, что тебя нет, а просто
потому, что надоело падать. С Люсей, моей подружкой, мы часто
ходим на лыжах за город по тому же маршруту, по которому
ходили с тобой. Маршрут, конечно, совпал случайно, я ни разу
здесь не вспомнила о тебе, имей это в виду. Люся говорит, что она
тоже поехала бы в лес, только ехать не к кому. Я, представь
себе, её поправляю: не в лес, говорю, а на лесозаготовительный
комбинат. В лесу, говорю, одни волки живут, а в Снежном же-
лезная дорога есть и электричество.

На-днях я получила от главврача благодарность. Очень
мило, что ты сообщил о своей ангине, вот тебе рецепт: носи на
шее шарф и не пей холодной воды. Приеду, я за тебя возь-
мусь. Была сегодня в райздраве, обещали скоро устроить пе-
ревод. Оказывается, медпункт у вас расширяется, работы буд-
дет много. И всё-таки, Володя, мне почему-то грустно: я ведь
нигде не бывала, привыкла к здешней жизни, к своей комнате.
Да и маму жалко. Зачем я только с тобой познакомилась?

До свиданья, медвежонок. Не забудь написать маме. Пиши мне каждый день, а то я совсем раскисну. Постараюсь приехать к Новому году, раньше никак не успею. Маму мы перевезём весной, если пожелает. Береги себя, оставь свою скверную привычку ходить с распахнутым воротом. Мысленно целую тебя, хотя и сомневаюсь, заслуживаешь ли ты этого...

Твоя Гаяль.

Володя слез с подоконника, бережно вложил листок обратно в конверт, сунул его в карман.

— Ну, что, едет? — спросил Куканов, снимая с гвоздя полотенце.

Хотя в комнате никого, кроме Шурика, не было, Володя нагнулся к самому уху товарища и неожиданно громко произнёс:

— А ты как думал? Пишет — к Новому году будем вместе.

— Ну, поздравляю, — улыбнулся Куканов и с некоторой торжественностью пожал Володину руку.

— Спасибо, Федя.

— Нашли чему радоваться! — пренебрежительно пробормотал Шурик, но, помедлив, как-то боком подошёл к Володе и неуклюже сунул ему в ладонь свои пальцы, ещё холодные после езды на открытой платформе...

XX.

Зима. Самое благоприятное время для лесорубов... На пасеке безветренно, дышится легко, распахнутая телогрейка не стесняет движений, под ногами мягко похрустывает податливый сухой снег. Сзади доносится урчание трактора, увозящего очередную пачку хлыстов, но Володя не оборачивается. Он смотрит на поднимающуюся перед ним стену деревьев, прикидывая на глаз, откуда лучше начать валку. Вырубая подрост, Шурик уже глубоко вклинился в чашу. Сейчас Володя двинется по его следу, и стена, кажущаяся неодолимой, начнёт редеть, оставляя на снегу срезанные пилой ели. Володя идёт всё вперёд и вперёд, радуясь, что теперь можно не оглядываться на сучкорубов, а пилить, создавая запас для ночной смены.

Вот он с решительным видом приближается к высокому, в полтора обхвата, дереву. Сняв с плеча пилу,

утаптывает вокруг ствола снег: срез Володя всегда старается делать почти у самой земли. Затем он подтягивает к себе пильный кабель, включает мотор. Цепь, с хорошо заточенными зубьями, быстро вгрызается в промёрзлое дерево, сея под ноги молочножёлтые опилки. Сделав подруб, Володя переносит пилу на противоположную сторону ствола и не разгибается до тех пор, пока огромная ель, дрогнув всеми своими ветвями, не начнёт клониться к земле. Подоспевший Шурик упирается в ствол валочной вилкой, помогая ей упасть в назначенное место.

А Володя идёт дальше, подтягивая за собой чёрный жгут кабеля.

Следующую ель, потоньше, он спиливает в считанные секунды, безошибочно укладывая её на предыдущую.

Володя и Шурик на работе почти не разговаривают. Кивок головой, лёгкое движение руки — этого вполне достаточно, чтобы понять друг друга...

В пять часов вечера Володя кончает работу. Закурив, он некоторое время поджидает приёмщика, чтобы узнать сегодняшний результат. Тот считает сваленные деревья, на ходу записывая цифры в походный потёртый блокнот. Пятьсот хлыстов! Неплохо... Надо бы поразузнать, сколько дали остальные электропилильщики, но сегодня Володе некогда. Он с самого утра переживал беспокойство, хотя и скрывал это. Впрочем, Шурик хорошо знал, о чём беспокоится Воронков, и не досаждал пустыми вопросами.

К электростанции они идут кратчайшим путём, минуя главный волок. Здесь Володя сдаёт пилу Фалевскому.

Шурик не удержался, спросил:

— Пешком махнёшь? Скоро мотовоз подойдёт, подождал бы.

— Терпенья нет ждать, — улыбнулся Володя. — Да я и пешком скорее вас в посёлке буду.

— К Разгулову прямо?

— Ага. Вчера говорил с ним, обещал всё устроить

— Ясно, устроит... Когда ждёшь?

— Так она уже в Крутой Горке, послезавтра здесь будет.

— Встречать поедешь?

— А как же!

— Может, у неё вещей много, возьми меня на подмогу.

— Ну, какие там вещи! Один справлюсь. Мне главное — квартиру получить, — говорит Володя уже на ходу.

Как только вагончик станции скрылся за поворотом, Володя прибавил шагу, перепрыгивая через несколько шпал сразу. В лесу совсем стемнело, хотя тысячи звёзд усеяли небо. Кругом очень тихо и, повидимому, очень холодно, так как ресницы заметно тяжелеют и слипаются от оседающей на них изморози. Однако Володя даже не застегнул телогрейку, ему жарко. Наконец-то Галя приедет! Понравится ли ей здесь? Хорошо, что она сразу начнёт работать на медпункте. Так она скорее познакомится с людьми, почувствует, чем живёт Снежный, полюбит его трудовые будни. Хотя нет, вряд ли полюбит их сразу. Помнится, когда он сам приехал сюда, ему тоже сначала было скучновато. Но ведь он будет с ней, он поведёт Галю в лес, на делянку, и покажет, что такое Снежный в подлинном виде...

Значит, она любит его, если решила приехать. Собственно, Володя всегда был уверен в этом, только сомневался, что Галя так скоро станет его женой. Жена! Он произносит это слово с нежностью и мысленно добавляет: «милая». И ему кажется, что он стал сильнее и лучше с той минуты, как получил от Гали последнее письмо.

Впереди блеснули огни мотовоза, и Володя сошёл на боковую тропинку. В лес отправлялась ночная смена. Кто-то помахал Володе рукой, кто-то крикнул, но слов нельзя было разобрать. Володя пропустил мимо себя поезд и зашагал дальше.

Разгулова он нашёл в конторе. По обыкновению, Григорий Александрович сидел за столом в полушубке. В ожидании новогодних поздравительных звонков и телеграмм из треста, а может и из обкома партии, он надумал заблаговременно написать праздничный приказ и по справедливости отметить заслуги своих лесорубов. Но ему уже давно не случалось писать такие приказы, сочинение подавалось туго. И Разгулов хмурил брови, устремив неподвижный взгляд на неоднократно перечёркнутые под заглавием строчки.

Володя кашлянул, и Григорий Александрович, словно

обрадовавшись возможности прервать трудное занятие, добродушно сказал:

— А, Воронков! Садись, слушаю тебя. Что хорошего? Постой, разве мотовоз уже вернулся? Он же недавно ночную смену повёз.

— Я пешком, Григорий Александрович. Насчёт квартиры...

— Ну и чудак! Стоило из-за этого пешком идти! — рассмеялся Разгулов, откидываясь на спинку стула. — Значит, женишься? Что же ты раньше не предупредил? Можно было бы не просто квартиру — собственный домик выстроить. О ссуде я бы похлопотал, лесу бы тоже отпустил и людьми бы помог. На тебя глядя, и другие молодожёны начали бы строиться.

— Это от нас не уйдёт, — сказал Володя. — Вот до лета доживём, тогда уж...

— Вот это по-нашему! — одобрил Разгулов. — Зарабатываешь ты теперь — дай бог всякому. Жена твоя по специальности кто?

— Медичка. В городской больнице работала.

— Ну и добре. Мы тоже в будущем году больницу откроем, будет у нас работать.

Григорий Александрович вышел из-за стола, приоткрыл дверь, крикнул:

Катя! Завхоза ко мне.

Минут через пять явился завхоз — низенький, вёрткий, с заученно-предупредительным выражением на небритом лице. Увидев Воронкова, он тотчас догадался о причине вызова, поспешно вытащил из кармана новенький ключ и протянул его электропильщику.

— Э, нет, дай-ка я сам, — проговорил Разгулов и, перехватив у завхоза ключ, повернулся к Володе. — Вот, бери и хоть сейчас перебирайся из общежития. Да скажи ребятам, чтоб тоже жёнами обзаводились, нечего им поптычь жить. Это прежде у нас даже в общежитиях мест нехватало, а нынче мы всякого, кому Снежный дорог, можем квартирой обеспечить. Ты вот не знаешь, наверно, а я, брат, тот дом, где ты жить будешь, своими руками закладывал... Одним словом, поздравляю. На свадьбу приду, жди.

— Непременно приходите, Григорий Александрович. — с чувством сказал Володя. — Спасибо вам за всё.

С этим не торопись. Когда переселишься, да когда

жене квартира понравится, тогда скажешь спасибо. Что потребуется — приходи, помогу.

Разгулов пожал Володе руку и, когда тот вышел, постоял задумавшись посреди кабинета. Завхоз, во избежание каких-либо новых приказаний, юркнул за дверь.

Да, вот и свадьбы пошли, — думал Григорий Александрович. — Растёт Снежный, растёт. Раньше, бывало, лесоруб отработает сезон — и прощай, ничем его не удержишь. У вас, дескать, хорошо, а в другом месте ещё лучше. А нынче, брат, сюда жён везут, да не откуда-нибудь — из города. А почему? Потому, что условия для этого созданы. К Разгулову поедут, будьте спокойны. В будущем году кому сотню тысяч на строительство отпустят, а я и триста попрошу — не откажут. Не зря, ведь, мы тут стараемся, новую технологию вводим, в пример остальным. Почитай, половину леспромхозовского плана на себе тянем, да чтоб Разгулову в чём отказ был! Прежде не отказывали, а сейчас и подавно ни в чём отказу не будет. Вот!».

Он накрыл широкой ладонью лежавший на столе газетный лист, вслух произнёс:

— Здесь прямо пишут, чтоб другие на Разгулова равнялись. Дайте срок, не только по области — по всему Союзу на первое место выйдем. Выйдем, шут вас возьми!

Григорий Александрович весело рассмеялся. Писать приказ не хотелось. Свернув газету, он положил её в боковую тумбочку стола, туда же сунул недописанный приказ. В тумбочке он хранил особо ценные документы; но мера газет со статьями и заметками о Снежном, давнишние благодарности, копии отчётов, по которым можно было проследить разительный рост лесопункта за последние два-три года. Любовно перебирая аккуратную стопку бумаг, Разгулов вдруг решил сегодня же показать всё это богатство Пелевину: пусть он почувствует и поймёт, с кем ему посчастливилось работать.

«Будь другой на моём месте, неизвестно ещё, смог ли бы Пелевин тут разные опыты проводить. А я вот рискнул, хоть лесопункт у меня и не показательный. Да что говорить! — махнул рукой Григорий Александрович. — Я-то ведь вижу, чем дышит технорук. Пока в тресте работал, кто его знал? А сейчас и о нём в газетах пишут, даже автором называют. А какой он, спрашивается, автор, ежели за план и за опыты я ответственное лицо?»

Случись заминка, небось, с Разгулова потребуют: го сделай, это организуй, о плане помни. Ну, да я своё дело знаю! Небось, директор с замполитом днюют и ночуют на других лесопунктах, а сюда уж третью неделю не заглядывают: Разгулов, мол, один справится. И справлюсь. У меня не сорвётся. Пускай теперь соседи за нами тянутся, поглядим, что у них выйдет».

Размышления Григория Александровича прервал телефонный звонок. Лицо Разгулова сразу приняло обычное хмуро-деловое выражение. Трубку он взял неохотно, с видом человека, оторванного от важного дела.

— Начальник лесопункта слушает.

— Привет, Григорий Александрович, — услышал Разгулов знакомый, чуть охрипший, но попрежнему веселовозбуждённый голос замполита. — Лапин, говорит. узнаёшь?

— Ну, как же, Иван Фомич! — улыбнулся Разгулов. — Каждый день, почитай, разговариваем, да чтоб по голосу не узнать? Вот только хрипоты у вас вчера, кажется, не было. Простыли, что ли?

— Да нет, зачем простывать? С Акимовым тут часто ругаться приходится, вот и охрип. Он, ведь, мужик шумливый, и я тоже не из молчальников.

— Так вы, значит, на Берёзовском сейчас находитесь? Как там у них?

— Неплохо. Недоделок ещё порядочно, но самое трудное уже позади. Слыхал, наверно, как тут Акимов в первое время комбинировал? Два мастерских участка на две смены перевёл, а третий взял да и расформировал. Дескать, иначе где же людей брать? Видал, какой находчивый! Пришлось, конечно, всыпать ему за такую «находчивость», хотя вообще я находчивых начальников люблю... Люди, понятно, нашлись, сейчас все три участка в две смены работают. Да ещё и резервы остались. У вас, наверно, тоже резервы не все исчерпаны, а?

— Что вы, Иван Фомич! Поваров, и тех в лес направили, откуда же ещё черпать? — поспешно сказал Разгулов и даже плечом пожал, как будто Лапин мог его видеть. «Знаю я эти штуки! Вам только скажи про резервы, потом ни одного специалиста не допросишься», — пронеслось в голове.

— Про поваров ты помалкивай, все они раньше в лесу работали. Захваткин, к примеру, курсы трактористов

окончил, какой из него кулинар? Скажи-ка, не разучился он держаться за руль?

— Надо полагать, не разучился, раз с самим Кукановым взялся соревноваться.

— Вот видишь. А вы его на кухню упрятали. Акимов здесь всех подсобных рабочих учит, а Снежному и по-давно без этого не обойтись. Вам же в январе специалисты для пятого механизированного участка потребуются.

— В том-то и вопрос, Иван Фомич...—Разгулов растегнул верхнюю пуговицу гимнастерки, облегчённо поверочал толстой шеей.—В январе мне надо, кроме того, три мастерских участка в новые делянки перебазировать, а там ещё ни одного метра «усов» не проложено. Как мы, допустим, без дорожников обойдёмся?

— Подумайте с Пелевиным — найдёте выход. Или приехать помочь?

— Что вы, Иван Фомич! — обиженно прогудел в трубку Разгулов. — Да разве бывало, чтоб я помощи просил? Управимся, будьте спокойны. Я сегодня же скажу Пелевину насчёт подготовки новых делянок. А пятый участок... что ж, хоть через неделю шлите тракторы и электростанцию, люди будут.

— Да я знаю, что люди у вас есть, не об этом речь. Я говорю, чтоб вы их заранее готовили, получили как следует. Ладно, я ещё Пелевину позвоню. Кстати, сезонные обязательства у вас не пересматривались? У Акимова, например, уже пересмотрены, и у них сейчас обязательства гораздо выше, чем у ваших участков. Выходит, обгоняют вас соседи, а?

Разгулов насторожённо сдвинул брови: не улыбается ли в эту минуту замполит одним уголком рта и, быть может, подмигивает Акимову, наверняка присутствующему при разговоре. Мысль о том, что начальник Берёзовского лесопункта всерьёз задумал обогнать снежнянцев, сначала смутила Разгулова, но потом он развеселился. Удобно усевшись, он не без иронии пробасил:

— Пряткий народ в Берёзовке появился, что и говорить. Не успели наш метод перенять и уже за лаврами гянутся. А старые-то долги их где? Обязательства пересмотреть — дело нехитрое, а вот с годовым планом у них как? Процентом на девяносто вытянут, а?

— Представь, уже вытянули. Денька через два начнут сверх ста процентов лес давать. Неужели не знал?

Вот уж это никуда не годится. Всегда надо знать, что делается у соседей, а то и не заметишь, как окажешься позади. Акимов завтра собирается не менее шестисот кубометров отгрузить, уже и заявку на шестьдесят платформ сделал.

— Вон как! — Разгулов, собираясь с мыслями, легонько покашлял. — А я, Иван Фомич, в аккурат перед вашим звонком хотел диспетчеру звонить, чтоб он завтра сто платформ на мою ветку поставил.

Он произнёс это так, словно сто платформ были обычной нормой потребности лесопункта в подвижном составе, и сам удивился естественности своего голоса. «Акимов дал шестьсот, а я тысячу дам, коль на то пошло», — зло подумал Григорий Александрович.

— Подожди-ка, — Лапин помолчал, очевидно, подсчитывая что-то в уме. — А хватит у тебя лесу на сто платформ? Есть у тебя на верхних складах какой-нибудь запас?

— Есть, есть запасец, — самодовольно проговорил Разгулов. — Да и выработка у нас растёт прямо по часам, Иван Фомич. Поднажмём завтра, и сотни платформ окажется мало. Это наш подарок к Новому году будет, понимаете?

— А ты с мастерами говорил насчёт этого подарка? С Пелевиным посоветовался?

— Да тебе, Иван Фомич, вагонов, что ли, жалко? — деланно рассмеялся Разгулов.

— Не жалко, если вы сумеете их во-время загрузить. Имей в виду, выработка растёт на всех лесопунктах, сейчас каждая платформа на счету. Малейший простой может поломать весь график. В общем, позвони диспетчеру, узнай, сможет ли он завтра дать Снежному сто платформ.

— С диспетчером я договорюсь, не беспокойтесь. Всё будет в порядке.

— Вот, вот, чтоб порядок не нарушался... Мастера ещё не вернулись с делянок? Кто из них сейчас первенство держит?

— Панкратов, кто же ещё! Он как пошёл вперёд с самой осени, так и до сих пор всех за собой тянет.

— Устинова, что же, помирилась с этим? Вы с Пелевиным помогаете ей, или только «разносите» на совещаниях?

— Нет, нет, в этом не грешен, Иван Фомич. А Пелевин, между прочим, с первого дня над ней шефство взял, помогает, так сказать, от всего сердца. — Григорий Александрович многозначительно хмыкнул. — Так что обижаться ей на нас не за что.

— Ну, ну. Приеду, проверю... Что ещё нового есть? Сколько сегодня отгрузили, не знаешь?

— Пока сведений нет, Иван Фомич. Во всяком случае, побольше, чем вчера.

— Тракторы теперь все на ходу?.. А лебёдки как?

— Подходяще. Вот только на погрузке однобарабанные лебёдки прямо не отходя приходится чинить.

— Это те, которые вы из старья собрали? Ну, ничего, скоро электрокраны получим. Вам в первую очередь дадим.

— Спасибо, Иван Фомич, — просиял Разгулов. — Вот тогда-то мы покажем темпы! А лебёдки мы можем Акимову отдать, пускай пользуется.

— Зачем? У него свои есть, новенькие... Ну, будь здоров. Передай Сергею Павловичу привет, скажи — если понадобится, пусть звонит в Берёзовку.

Григорий Александрович медленно повесил трубку, шумно вздохнул. Отирая со лба пот, повернулся к окну.

Вечер. За стеклом, в полосе света, беспорядочно кружились снежинки. Со станции доносился лязг буферов, частые свистки, шум удалявшегося состава.

Разгулов посмотрел на часы. Минут через десять пятнадцать должны прийти мастера. Сколько, интересно, осталось у них непогружённой древесины? Сумеют ли они завтра обеспечить лесом сто платформ? А почему бы нет? Он сам пойдёт завтра на делянки и выжмет из бригад всё, что они могут дать, до последнего брёвнышка.

Однако Григорий Александрович ещё дважды оглядывался на окно, прежде чем взяться за трубку.

— Диспетчер!.. Диспетчер? Разгулов говорит. Василий Максимович, прими-ка от Снежного заявку на сто платформ. Ну да, на завтра. Что? Не можешь? Нехватает? А ты Акимову поменьше дай, ему, небось, и сорока за глаза будет... Не бойся, Акимов пожалуется — это полбеды, а вот если меня без платформ оставишь, тогда, действительно, не поздоровится... Да, я с Лапным разговаривал. Значит, пошлешь? Ну, всего доброго...

В это утро Пелевин, как и всегда, проснулся рано. Легко вскочил с кровати, зажѣг свет и уже хотел одеваться, как вспомнил, что сегодня ему, собственно, некуда спешить. Накануне у него с Разгуловым зашѣл разговор о предстоящем переводе мастерских участков на новые делянки, и Григорий Александрович настоятельно просил технорука поторопиться с составлением наряд-заказов на подготовительные работы. Пелевин и сам думал об этих нарядах, но всё не мог выбрать свободного времени, чтобы заняться ими. Между тем старые делянки, особенно панкратовская, так быстро опустошались, что назрела необходимость уже сейчас готовить к рубке свежие лесосеки, а не в конце января, как планировалось. Придѣтся, видно, посидеть сегодня в конторе над документами. Тем более, что Разгулов охотно согласился поехать в лес и пробыть там весь день, а если понадобится, то и ночь. До сих пор, занятый административно-хозяйственными вопросами, он появлялся там наездами, самоуверенно заявляя, что ему и десяти минут достаточно, чтобы разобраться в обстановке и дать нужные указания. Повидимому, на этот раз начальник лесопункта решил вникнуть основательнее в производственный процесс. Пожалуй, ему давно следовало бы это сделать, пока новая технология окончательно не изменила облик мастерских участков.

Пелевин погасил свет и опять лёг в постель. Уснуть, однако, не удалось, хотя в комнате было совершенно темно. Сергей Павлович лежал с открытыми глазами, удобно вытянув под тёплым одеялом ноги, а руки закинув за голову.

Он сильно устал за эти дни. Но усталость служила как бы подтверждением, что поработали они неплохо. Пелевин даже сомневался, можно ли назвать усталостью испытываемое им физическое ощущение. Скорее, он находился сейчас в таком состоянии, когда человеку просто хочется перевести дыхание, чтобы преодолеть следующий этап пути. Но, несмотря на огромное внутреннее удовлетворение сделанным, Пелевина больше всего занимала мысль о том, что сделано далеко не всё.

Да, ещё не всё. Но именно это и радовало Пелевина, так как теперь он чувствовал себя достаточно подготов-

ленным, чтобы смело взяться за разрешение новых, более сложных задач. Но разве не в этом непрерывном движении от одного рубежа к другому и заключается смысл жизни? Досадно, конечно, что не ему, а другим принадлежало большинство нововведений, зато как приятно сознавать, что вместе с ним думают, ищут и находят верное решение те самые лесорубы, на которых кое-кто склонен смотреть как на хороших исполнителей чужих замыслов, и только. Быть может, как раз в том и состоит его заслуга, что инициаторами новых методов явились так называемые «простые» люди, Куканов и Воронков, не говоря уже о Панкратове и Устиновой. А сколько их выявится завтра! И даже если бы Пелевин вдруг захотел остановиться, другие всё равно бы пошли вперёд — в этом он ничуть не сомневался. Так и должно быть. В сущности, вся его работа не стоила бы гроша, если бы он не был сейчас уверен в том, что коллектив способен и впредь самостоятельно решить любую задачу, как бы она ни была трудна.

Пелевин повернулся на бок, лёг щекой на прохладную ладонь. Постепенно его мысли приняли другое направление. То, о чём он избегал думать, ссылаясь перед самим собой на занятость, на этот раз незаметно отодвинуло деловые размышления на задний план. Он вспомнил вчерашний разговор с матерью и глубоко вздохнул... Мать собиралась уезжать из Снежного к дочери, но всё откладывала свой отъезд, говоря, что не представляет, как тут Серёжа будет жить один, да ещё при такой беспокойной работе. Пелевин отлично понимал, к чему клонит мать, настойчиво напоминая о неудобствах холостяцкой жизни. Очевидно, она не решалась прямо спросить о Соне, а ему не хотелось да и неловко было объяснять, почему он перестал писать и ждать Соню в Снежный. Не ужели мать не заметила, что за последние два месяца от Сони не было ни одного письма? Или сознательно не хочет ничего замечать? Ну, конечно, она попрежнему непоколебимо верит в постоянство сына и не допускает мысли, чтобы его мог кто-нибудь обмануть. Впрочем, Соня даже и не обманула его, потому что никогда не изъявляла желания «зарыться в лесной глуши». Напротив, она звала Пелевина к себе, обещая помочь ему устроиться на работу в тресте. Её злило его «упрямство», и, конечно, она никогда не поймёт, что удерживает Пелевина

«в лесу». Дать разве матери Сонины письма, чтобы она сама убедилась в невозможности «семейного счастья» сына с девушкой, которую он давно уже не любил? Нет, лучше сказать об этом самому. Только не сегодня, после..., когда он будет точно знать, могут ли быть у него с Устиновой иные отношения, кроме только служебных...

Пелевин смущённо улыбнулся в темноте, представив, как, наверно, удивилась бы Устинова, узнай она об этих его мыслях. В самом деле, у него не было ни малейшего основания считать, что Надя относится к нему иначе, чем к другим. Да, это верно, она временами очень откровенна с ним, но это вовсе не означало, что она скрытна с другими товарищами по работе. Если бы Устинова пыталась к нему нечто большее, чем просто уважение, вряд ли бы она держалась с ним подчёркнуто непринуждённо, как держатся обычно с добрыми, хорошо знакомыми начальниками. А он, как только иссякали деловые вопросы, быстро терял нить разговора с ней, ощущал досадную скованность и в конце концов, не найдя ничего лучшего, спешил уйти. Между прочим, раньше, когда Пелевин видел в Наде прежде всего мастера, с которым ему предстояло работать, подобной скованности не появлялось. Его первоначальное дружеское отношение к ней было продиктовано совсем иной целью, и он ясно дал ей понять, что заинтересован в её успехе только как технорук, отвечающий за работу наравне с мастером. Тогда ему и в голову не приходило думать о ней, как о девушке...

«Нет, всё-таки я странный человек, — размышлял Сергей Павлович, ворочаясь на постели. — У других это происходит как-то легче и проще. Конечно, я должен сказать Наде всё прямо и... будь, что будет! Но как сказать? Вотсе это не просто...».

Дверь на кухню была прикрыта, но, прислушавшись, Пелевин понял, что мать уже давно на ногах, но не станет его будить: надо, чтобы Сергей хоть одно утро проспал вдоволь.

Он не спеша оделся, заправил постель и, откинув оконную занавеску, с удивлением обнаружил, что на улице уже совсем рассвело. На делянках работа теперь в полном разгаре, если только главный диспетчер сумел во-время подать платформы под погрузку. Впрочем, насчёт платформ Разгулов, помнится, просил не трево-

житься: заявку он сделал лично сам. Тем не менее Сергей Павлович не был спокоен. Положение с подвижным составом было попрежнему напряжённым, случалось, что заявку сокращали наполовину, чтобы не затормозить вывозку на остальных лесопунктах. Пелевин на это никогда не обижался, стараясь возместить недостаток платформ более рациональной погрузкой и, по возможности, ускорением оборота выделенного Снежному порожняка. Сколько-то дадут сегодня Разгулову? Сможет ли он отгрузить весь заготовленный лес?

За стол Пелевин сел с раскрытой полевой сумкой, набитой бумагами. Он хотел выглядеть занятым и тем избежать излишних расспросов матери. Она села напротив, как всегда — безукоризненно причёсанная, с пуховым платком на плечах, со спокойно-внимательным, ласковым взглядом.

— Да ты поешь, а потом бумагами займёшься, — сказала она, подавая ему тарелку. — Небось, наработать успеешь.

Вообще, с тех пор, как она приехала, в занятиях Сергея Павловича стало больше порядка. Со стороны можно было подумать, что Екатерина Андреевна только и делала, что препятствовала сыну писать и читать сверх установленных ею часов. Вечером, например, он не мог взяться за какое-нибудь дело до ужина; отдохнув и поужинав, Пелевин садился со своей неизменно туго набитой сумкой за письменный стол, приводил в порядок техническую документацию, записывал впечатления дня в особую тетрадь, намечал план работы на завтра. Когда Екатерина Андреевна видела, что он утомлён, она приносила ему недочитанный роман, и Пелевин иногда читал ей вслух. Затем он готовился к политзанятиям, перед сном просматривал газеты. Сергей Павлович скоро привык к этому расписанию и охотно следовал ему; ведь раньше, бывало, он по целой неделе не находил времени почитать интересную книгу или сходить в кино. Теперь Пелевин успевал сделать всё и уставал меньше.

Екатерине Андреевне самой казалось странным, что из всех своих детей она больше всего беспокоилась о Серёже, хотя была убеждена, что именно он меньше остальных нуждается в этом. Однако особая заботливость о нём имела свои причины. Во-первых, он был младшим в семье, во-вторых, став взрослым, Сергей на-

долго исчез из-под родительского крова. Сперва техникум, затем война, теперь вот Снежный... Екатерина Андреевна за эти годы столько передумала о нём, столько слёз пролила над его письмами, что, когда он вернулся, она словно помолодела лет на двадцать. И, может быть, именно оттого ей и Сергей всё ещё представлялся прежним школьником, нуждающимся в материнских советах и наставлениях. Вместе с тем, скоро почувствовав и изучив все происшедшие в нём перемены, она уже не опекала каждый его шаг и советовала осторожно, как равному.

— В лес, видно, не поедешь сегодня? — спросила мать, наливая Пелевину чай.

— Не придётся. В конторе буду работать.

— Что же тогда Надя забегала утром? Не знала, наверно, что ты не поедешь?

— Мама! — с упрёком сказал Сергей Павлович. — Может, у неё что-нибудь срочное было, почему же ты меня не разбудила?

— Да она сама не велела будить. Было бы что срочное, она бы мне сказала. У неё ведь, от меня секретов нет.

Екатерина Андреевна произнесла это как бы между прочим, но Пелевину послышалась подчёркнутость в последних словах. Давно ли между нею и Надей не стало тайн?

— Всё-таки напрасно ты меня не разбудила. Просто так Надежда Николаевна не зашла бы. Может, на делянке что-нибудь случилось.

— Нет, всё хорошо. Вот только почему ты переводишь участок Надюши на две смены в последнюю очередь? Не доверяешь ей, что ли? Обидно же человеку.

Лицо Екатерины Андреевны, почти без морщин и с такими же тонкими чертами, как у Пелевина, приняло строгое выражение.

— Вот не знал, что Устинова с жалобами к тебе приходит, — шутя, заметил Сергей Павлович.

— Вовсе нет, — живо возразила Екатерина Андреевна. — От неё и слова лишнего не добьёшься, не пожалуется она... А ты, Серёжа, видать, плохо разгадываешь людей, коли подумал, что Надя способна жаловаться. Послушать её, так подумаешь, что счастливее и человека нет. И всё-то у неё хорошо, и всех-то она хвалит: Ку-

канова, Женю, тебя и даже Разгуловым довольна, будто и выговора от него не имела...

— Значит, вовсе она не обидчивая, — сказал Пелевин. — А насчёт второй смены мы вчера с ней договорились.

Екатерина Андреевна поставила на стол блюдце, подумала о чём-то, налила ещё чашку и спросила:

— Серёжа, ты давно Соне не пишешь?

Он исподлобья взглянул на неё, решительно ответил:

— Давно. С тех пор, как она перестала писать.

— Но ведь ты любил её?

— Я надеялся на встречу, — сухо сказал он. — Но она не приедет сюда, мама. Не приедет, понимаешь?

— Отчего же не понять? У неё своя работа, у тебя — своя. Видно, в городе ей веселей... А вот люди про тебя и про Надю говорят... будто ты к ней иначе относишься, чем к другим... Это правда?

— Как это — иначе отношусь? — растерянно пробормотал Сергей Павлович, вставая из-за стола. — У нас самые обыкновенные деловые отношения... — Он встретился взглядом с матерью и вдруг улыбнулся. — А ведь, пожалуй, верно люди говорят. Конечно, иначе. Да ты, наверно, сама это заметила, что же спрашиваешь?

— Заметить-то заметила, — серьёзно ответила Екатерина Андреевна, — но ты всё-таки себя проверь. И ей нужно время, чтобы себя проверить. Знаете вы друг друга ещё мало.

— Не собираюсь я с ней объясняться. Очень ей это нужно! — усмехнулся Пелевин. — Недоставало ещё, чтобы я стал ей навязываться. Найдётся какой-нибудь сплетник и скажет, что я использую своё служебное положение в личных целях.

— Никто этого не скажет, напрасно ты выдумываешь. А и скажет, так никто ему не поверит. В этих делах служебное положение ни при чём, известно всякому. Только торопиться не надо, вот я к чему. Само собой всё выяснится, дай срок.

— Спасибо за совет.

— Как хочешь, — пожала плечами Екатерина Андреевна. — Да, Серёжа, как будем встречать Новый год?

— Гостей непременно надо позвать, — оживляясь, сказал Пелевин. — Давай договоримся: ты позаботишься о закуске, я покупаю вино и достаю ёлку. Ёлку непре

менно устроим, а то какая же встреча без ёлки? Помнишь, какую ёлку устраивали мы дома? Все ребяташки завидовали нам с Таней. Подарки я выберу каждому по вкусу. Вадик и Коля Разгуловы будут — раз, Серёжка Панкратов, тёзка мой, — два, затем Витя Фалевский, Вова Попов... В общем, довольна останешься, хоровод получится шумный. А вечером и мы с гостями возле ёлки посидим, тост поднимем.

— Надю-то пригласишь? — улыбнулась лукаво мать.

— А это уж по твоей части. Я приглашаю только мужчин.

— Ну, и ладно, — кивнула она. — У меня хватит знакомых.

Пелевин вышел на улицу. Возле школы, стоявшей позади жилых домов, по ту сторону железнодорожной ветки, было многолюдно и шумно. Недавно ребята соорудили во дворе ледяную горку, и в перерывы между уроками она осаждалась говорливой детворой. Шагая по путям к конторе, Пелевин до тех пор слышал детский смех, пока огромный звонок, славившийся на весь посёлок, не позвал ребят в классы. «Вот, закончат они здесь семилетку, разъедутся, кто куда, а потом, этак лет через пять, будут приезжать на свою родину — в город Снежный», — подумал Сергей Павлович с улыбкой.

Он устроился в кабинете Разгулова и, достав из сумки документы, углубился в изучение старых наряд-заказов, которые составлял осенью. И первое ощущение, охватившее его, когда он взялся за расчёты, была досада. Досада на то, что в связи с предстоящим переходом мастерских участков на новые делянки работа каждой комплексной бригады неизбежно должна была прерваться на пять-шесть дней. Тогда нарушится ритмичность производства, лесопункт отстанет от графика, не додаст в январе не одну сотню кубометров. И хотя Пелевину было ещё далеко не ясно, каким образом можно избавиться от этой неприятности, всё его существо восстало против узаконенной, но явно устарелой практики, когда сами бригады готовили себе новое место работы. Казалось немыслимым, чтобы десятки людей занимались не своим прямым делом, а мощная техника простаивала. Надо было что-то придумать, во что бы то ни стало заново решить эту задачу.

Собственно, решение напрашивалось само собой: го-

товить делянки для бригад должен кто-то другой. Но кто? Можно было бы использовать для этой цели дорожно-ремонтную бригаду, но она и так сокращена до предела, ей такая задача не под силу. Хорошо, а почему бы тогда не создать специальную подготовительно-монтажную бригаду? И пусть она заблаговременно приступает к делу, расчищает лесосеки, разбивает их на секторы, готовит трелёвочные волокна, строит разделочные площадки. Тем временем дорожники проложат «усы», и когда всё будет готово, комплексная бригада с помощью тех же монтажников начнёт переброску механизмов и оборудования. Таким образом монтажники высвободят мастеров от не свойственных им хлопот, обеспечат непрерывную работу бригад в течение всего сезона.

Да, но где взять людей? В бригаду должны войти специалисты: опытный помощник мастера, тракторист, лебёдчик, строители. Придётся ускорить производственное обучение, поискать, нельзя ли на какой-нибудь операции без ущерба высвободить одного-двух человек. Несомненно, поточный метод ещё таит в себе немало неиспользованных возможностей. В том-то и задача, чтобы лесоруб, овладевая техникой, один справлялся там, где ещё вчера работало двое. Нелепо думать, будто перевод мастерских участков на две смены и есть тот предел, на котором можно остановиться. Нет, это только начало...

Пелевин долго сидел за столом, рассеянно рисуя на листе большую восьмёрку — предполагаемое число рабочих-монтажников. Наконец, карандаш, прорвав бумагу, цапнул по стеклу, и Пелевин, словно очнувшись, встал. Лист с жирной восьмёркой он сунул в карман и быстро оделся. Ему не терпелось сейчас же встретиться с мастерами, с Разгуловым, посоветоваться с ними. Он и не заметил, как просидел в конторе несколько часов. На дворе смеркалось.

XXII.

Дойдя до развилки, Пелевин замедлил шаг. На чью же делянку пойти? Где мог быть в этот час Разгулов? Ближе всех был участок Устиновой, туда и направился Сергей Павлович. Приблизившись к электростанции, он вынужден был сойти с колён — ветка оказалась сплошь

забитой гружёными платформами. Пелевин, на ходу считая платформы, радовался, что Надя сумела за неполную смену погрузить без малого полтораста кубометров. Однако, дойдя до разделочной площадки, он с удивлением обнаружил по крайней мере ещё десяток платформ, стоящих в тупике, в ожидании погрузки.

На площадке было оживлённо и, пожалуй, даже слишком многолюдно. Но, взглядевшись, Пелевин понял, что работа идёт здесь без суеты, согласованно и споро. С первой эстакады только что съехал трактор Дернова, а Кочергин уже подъезжал со следующим возом. Сучкорубы, коротко взмахивая топорами, делали своё дело. За ними шли Капа с шестом и Геня Чердынкин с жужжащей пилой. В стороне, весело потрескивая, горел огромный костёр. Два штабелёвщика откатывали брёвна, их было недостаточно.

Сергей Павлович увидел Устинову. Повидимому, она ещё раньше заметила его и, соскочив с эстакады, шла ему навстречу. Они сошлись на обычном месте — у Доски показателей.

— Что у вас тут происходит, Надежда Николаевна? — недоуменно спросил он, позабыв поздороваться. — Весь тупик забит порожняком, а в штабелях не наберётся и десятка кубометров. Если вы не надеялись обеспечить платформы лесом, для чего было столько их запрашивать?

Её лицо, оживлённое, раскрасневшееся, обрамлённое выбившимся из-под платка волнистыми волосами, мгновенно стало серьёзным.

— А я думала, вы объясните мне, почему сюда пригнали столько порожняка? — с обидой в голосе проговорила она. — Вчера меня никто даже не спросил, нужны ли мне дополнительные платформы, и я же, выходит, виновата?

Вспомнив, что заявку вчера давал Разгулов, Пелевин смущённо произнёс:

— Интересно, для чего это ему понадобилось?.. Ведь половина платформ обречена на простой. Или перепутал диспетчер? Ничего не понимаю.

— И я тоже, — пожалала Надя плечами. — Только это не диспетчер. Разгулов приходил утром, я и спросить не успела, а он уже приказал: «К вечеру все вагоны загрузить и отправить...». Перед обедом опять явился и с

места в карьер: плохо работаете, товарищ Устинова, у Панкратова, дескать, уже двенадцать платформ готово... А чем же плохо? Ведь и так мы около двухсот кубометров дали. Да как грузить-то пришлось! По брёвнышку собирали, прямо из-под пилы и — наверх. Даже будь запас, всё равно весь порожняк не смогли бы обеспечить.

Пелевин молча кивнул. «В конце концов, за простой порожнего состава я отвечаю так же, как и Разгулов, даже больше. Как это я не догадался проверить вчера заявку? Излишек платформ у диспетчера появился, что ли? А как же другие лесопункты? Наверно, сидят без порожняка и нас проклинаят».

Все эти запоздалые вопросы ничуть не облегчали положения.

— Не знаете, куда Разгулов пошёл? — спросил Пелевин.

— Не могу сказать. Да ведь он подолгу не задерживается нигде. Пошумит минут пять с одним мастером — и дальше мчится. Беспокойный у него сегодня день, — ответила Устинова.

— Вот что, Надежда Николаевна. Постарайтесь к утру загрузить весь порожняк, переадресовывать его сейчас нет смысла. Мобилизуйте людей, скажите им, что каждая минута дорога.

— Понятно. Не беспокойтесь, я сама останусь здесь до утра.

— До утра? Нет, только до восьми вечера. В девять я собираю всех коммунистов в конторе. Предупредите Фалевского.

— Хорошо, до восьми. Сделаем всё, что можно, не беспокойтесь.

Надя сказала это твёрдо и ласково, желая ободрить Пелевина. Она понимала, что ему сейчас труднее, чем ей. Пелевину стало неловко за сухой тон его разговора с нею, но он не знал, как быть. Извинение вряд ли оказалось бы уместным, да и мысли Сергея Павловича были заняты совсем другим.

На этот раз он изменил своему обычаю, не подошёл, как всегда, к Доске показателей, не похвалил лучших, не поинтересовался, почему у того или иного лесоруба выработка сегодня ниже вчерашней. Рядом с Доской, на куске фанеры, белел свежий листок «молнии», его огромный заголовок невольно бросился в глаза Пелеви

ну: «Тракторист Куканов за шесть часов сделал десять рейсов. Равняйтесь по нему! Дадим за смену двести пятьдесят кубометров!».

Через минуту Сергей Павлович шагал по тропинке на делянку Панкратова. В лесу совсем стемнело, колючие ветки то и дело били по лицу. Тропка была узкая, ноги временами по колено увязали в снегу. Наконец, впереди замелькали огни, послышались знакомый перестук электростанции, неясные голоса людей.

У Панкратова было то же самое: сложенный, напряжённый труд рабочих, пустые склады и забитый платформами тупик. Однако погрузочная лебёдка здесь не бездействовала. Пелевину даже показалось, что она грузит брёвна быстрее обычного. Разгулов стоял позади лебёдки в распахнутом полушубке, дымя папиросой.

— Григорий Александрович!

Разгулов обернулся.

— А, Сергей Павлович, а я думал, ты весь день в конторе за нарядами просидишь. Хорошо, что пришёл. Поможешь тут некоторых бездельников разоблачить, а то сладу с ними нет. Привыкли по пятнадцати вагонов грузить, а больше — ни-ни... Будто им на всю жизнь такая норма дана. Того не понимают, что от нас самих всё зависит.

— Э, чорт! Ну и ветерок! Никак спичку не зажжёшь, — подходя, проговорил Панкратов.

— Не пойму, кого ты имеешь в виду, — сказал Пелевин. — Панкратова, что ли? Да?.. А скажи, Григорий Александрович, зачем тебе потребовалось столько вагонов? Ведь половина их может быть загружена только ночью. Кто будет отвечать за простой?

Засунув руки в карманы, Разгулов с вызовом произнёс:

— Не бойтесь, товарищ Пелевин, отвечать буду я. Я, а не ты... И что ты волнуешься, в самом деле?—вдруг заговорил он добродушно, убеждающе. — Ну да, я запросил сто вагонов, но неужели ты не понимаешь, с какой целью? Новый год на носу, план у нас почти выполнен, пустяки остались — две сотни кубов, не больше. Тебе-то разве не хочется, чтобы у нас было не сто процентов, а, допустим, стодесять? Вагоны эти мы не задержим, поднажмём — и всё будет в порядке. Так, что ли, а?

— Нет, не так, — жёстко ответил Пелевин. — Сто десять процентов мы дать можем, однако не в ущерб и не за счёт других лесопунктов. Это «местничество», эта ничем не оправданная погоня за рекордами нам не нужна. Я тебя предупреждал об этом, но, видно, плохо. Поговорим сегодня на партийном собрании. Прошу явиться ровно в девять, без опозданий.

— Сперва надо отправить вагоны, — глухо проговорил Разгулов. — Я не уйду отсюда, пока не загрузу весь порожняк до последней платформы. Потом можете меня обсуждать, если уж тебе этого очень хочется. Толкуй что угодно о моих действиях, а сверхплановые кубики я дам, и тебе их со счёта не скинуть. Вот и всё.

— Нет, не всё, Григорий Александрович, — шурясь от махорочного дыма, сказал Панкратов; он бросил на снег окурок и тщательно его притоптал. — Кое-что придётся скинуть. Вот эти последние вагоны, например. Пока я был на пасеке, вы тут распорядились грузить вместо десяти кубометров по восьми на платформу. С лебёдкича я, конечно, взыщу, но мы и с вас спросим, как с коммуниста. Это же называется самообманом. Вот, поглядите, Сергей Павлович.

Пелевин двинулся было следом за мастером, но Разгулов, тронув его за рукав, вполголоса заговорил:

— Послушай, Сергей, не будем ссориться. Я всё беру на себя. С нашими железнодорожниками я договорюсь, несколько недогружённых вагонов они пропустят. А нижний склад сообщит о недомере уже после Нового года, это нам не страшно. Прежде мы тоже делали так, и ничего, никакого шума...

— В том-то и беда, что тебе многое прежде сходило с рук. Но я не знал, что ты способен ещё на такие вот... комбинации. Впрочем, всё равно у тебя ничего бы не вышло. Видите — Панкратов не выпустит недогружённые платформы отсюда. И вообще, Григорий Александрович, прежние привычки придётся оставить. Не те времена.

— Можешь меня не учить, — процедил сквозь зубы Разгулов. — Таких-то, как ты, я за свою жизнь выучил немало. Валяйте, распоряжайтесь, теперь я ни за что не отвечаю.

— Отвечать придётся, — коротко поправил Пелевин. — Не забудьте — в девять часов собрание.

Разгулов выплюнул давно потухшую папиросу и повернулся к техноруку спиной. Пелевин подошёл к ожидавшему Панкратову.

— Посмотрите, какое безобразие получается, — возмущённо произнёс Афанасий Петрович, указывая на ближайшую платформу с лесом. — А ведь на каждом бревне моя метка должна стоять. Пригнали бы эти платформы на нижний склад, а потом всякий бы мне в глаза тыкал: ну и ловкач, этот Панкратов... Ведь тут и восьми кубов не наберётся, прямо срам. Прихожу с пасеки, спрашиваю у помощника — сколько, мол, погружено? Около двухсот, говорит, а про недомер — ни гу-гу. Разгулов ему строго приказал: считай, дескать, кругом по десяти, и дело с концом. Хорошо, что я сам стал проверять, а то бы и отправили так.

— Всё равно вернули бы со станции.

— В том-то и суть. Вернули бы — значит, простой был бы ещё больше. Ну и дела... Разгулов, видать, всех удивить захотел, вот и удивил... Хотя бы предупредил нас заранее, мы бы порассчитали свои ресурсы и вывернулись бы с платформами. А то наскоком хотел взять. Нынче, брат, иное бревно враз не перескочишь, а он что задумал... Так, казалось бы, и хозяйственный мужик, и заслуги имеет, а вот к планомерности в работе не привык. И слава тоже, видно, избаловала его.

— Вот об этом ему и надо напомнить на собрании. Думаю, он поймёт, что лесопункт — это не один Разгулов. А нет — пусть на себя пеняет. Ну, я пойду к Селезеву. Действуй, Афанасий Петрович.

— Ладно, примем меры, — кивнул Панкратов. — Я с народом поговорю, подумаем, что можно сделать. До утра, конечно, вагоны пустыми стоять не будут.

XXIII.

Коммунисты Снежного собрались в кабинете Разгулова. Пелевин, сидя один за столом, внимательно гляделся в лица присутствующих, и ему представлялось, что каждого из них тревожит та же мысль, которая и его волновала: как там, в лесу? Хмурое лицо Разгулова имело такое выражение, словно он каждому хотел сказать: «Мне помешали, оторвали от дела в самый горячий момент, и я же, по-вашему, виноват? Поглядим,

что вы скажете под Новый год, когда Разгулов начнёт получать поздравления за перевыполнение плана...».

Большинство коммунистов пришло прямо из леса. Трудовое возбуждение ещё не успело остыть, оно чувствовалось и в жестах, и в оживлённом разговоре, и во взглядах. Сдвинув стулья, тесной кучкой сидели мастера — усатый Панкратов, степенный, бритоголовый Попов, подвижной, шеголеватый Селезнев. Устинова, сидевшая поодаль, внимательно прислушивалась к их беседе.

— Спасским пол-дела на сосновых делянках работать,—говорил Панкратов, тыча пальцем в газетный лист, где была напечатана последняя сводка о ходе соревнования леспромхозов области. — Знаю я этот лес, бывал. Сучьев почти нет, деревья — во какие! Обработал три хлыста — и вот тебе пять кубов! А моему трактористу, чтобы пять кубов подвезти, надо с дюжину хлыстов подцепить. А сучкорубам сколько с ними возни — беда! Хвои на складе — горы. Да к тому же у меня сейчас лес пошёл вовсе мелкий, выкручивайся, как знаешь.

Досрочно завершив годовую программу, Спасский леспромхоз выполнил также половину сезонного задания и в сводке занимал первое место. Крутогорцы шли на третьем, потому-то и досадовал Панкратов.

— Не прибедряйся, Афанасий Петрович, я ведь тоже в последнее время на недорубах работаю, — усмехнулся Селезнев. — Ель везде одинакова, и у спасских её достаточно, не в том причина.

— А в чём же? Они ведь, на нас глядя, недавно на двусменную работу перешли, а вот поди ж ты... успели-таки на первое место выскочить.

— Значит, порядка у них на делянках больше, — заметил Попов, — это одно, а второе — говорят, они уже третью смену вводят, вот как.

— Вряд ли, — недоверчиво покачал головой Панкратов. — Мы-то ведь ещё не перешли на три смены. Где же они людей набрали?

— А ты думал, они нас будут ждать? — засмеялся Попов. — Да и не в количестве людей дело, сам знаешь. Чем больше порядка, тем меньше требуется людей.

— А про пятый участок забыл? Ему ведь тоже полный штат нужен.

— Если бы забыл, про третью смену не говорил бы. Штат надо готовить заранее. Я, к примеру, могу хоть

завтра двух лебёдчиков предоставить. Пока они у меня прицепщиками работают.

— Ишь, ты, какой запасливый! — улыбнулся Панкратов. — Да ведь для пятого мастерского участка не лебёдчики, а трактористы понадобятся, неужели не слышал?

— Тракториста из лебёдчика, по-моему, легче сделать, — ответил Попов.

— И везёт же этим спасским! — с завистью произнёс Селезнев. — Они спецзаказ от Каховской ГЭС получили, вот и стараются. Дали бы нам такой заказ, мы тоже показали бы темпы.

— Чудак, а куда же наш лес идёт? Заказ у нас у всех один, все мы работаем на коммунизм, — вмешался в разговор Фалевский.

— Так-то так, а всё-таки, — смутился Селезнев, заметив улыбку Устиновой. — Будь заказ, в Каховке знали бы точно, кто им лес поставляет, а то обезличка получается.

Он подвинулся со стулом к Устиновой, вполголоса спросил:

— Много ещё платформ у вас осталось, Надежда Николаевна?

— Сейчас уже немного. Справимся.

— Я бы, ей-богу, взял у вас лишние, было бы чем их перетащить. Но вы не волнуйтесь, вспомните поговорку: нет худа без добра. Завтра нас будут поздравлять с рекордной вывозкой.

— Скорей всего, выговор дадут за простой порожняка, — невесело улыбнулась Надя. — Нет уж, избавьте нас от таких рекордов. Сегодня рекорд, а завтра нас могут оставить вовсе без платформ. И обижаться будет не на кого, виноваты сами.

— Ну, виноват-то, положим, один Разгулов. Да и он для лесопункта, а не для себя старается.

— Вот и выходит, что для себя. Лесопунктов в леспромхозе четыре, а Разгулов об этом забыл.

Тем временем разговор в кружке Панкратова ещё более оживился. Газета перешла в руки Фалевского, и он вслух стал читать телеграммы из-за границы. На лице его выражалось то сочувствие и даже восхищение, то возмущение и даже гнев. Соответственно менялась и реакция слушателей.

Лапин вошёл в комнату незаметно и, расстёгивая

полушубок, внимательно прислушивался к разговору. Сидевшая ближе к двери Устинова первая увидела замполита и подтолкнула локтем Панкратова. Тот вдруг смущённо умолк, и все враз задвигали стульями.

— Здравствуйте, товарищи, — весело заговорил Лапин. — Что ж это вы не вклубе собрались? А я было туда направился по старой памяти, захожу, а там, оказывается, Куканов с будущими трактористами занимается. Жаль, не пришлось дослушать. Извините за опоздание...

Устинова встречалась с замполитом всего один раз, в первый день по приезде в леспромхоз, однако у неё уже составилось о нём определённое мнение. Он казался ей простым, доступным человеком, внимательным к людям. Лапин внушал к себе такое же доверие, как и Пелевин. Трудно сказать, почему так думала Надя, но это было её твёрдое убеждение. Замполит был невысок, сухощав, румян, его голубые весёлые глаза, казалось, не могли и не умели быть строгими. В его движениях чувствовались незаурядная энергия и непринуждённость. Говорили, что Лапину перевалило за сорок, но выглядел он гораздо моложе. С большинством присутствующих замполит был на ты и разговаривал так, словно виделись они всего полчаса назад. Надя не слышала, чтобы Лапин кого-либо спросил: «Что нового?», «Как живёшь?»— и из этого заключила, что он отлично знает, кто как живёт, и знает все новости Снежного. Его точные, прямые вопросы требовали таких же точных, прямых ответов. Ей он сказал:

— Вы получили из наших мастерских четвёртый трактор? Хорошо ли отремонтирован?

— Прибыл, — будто новенький. Только уж очень долго его ремонтировали.

— Верно, долго. Теперь будем ремонтировать добротнее и быстро. А вы разве собираетесь и впредь наши мастерские загружать?

— Нет, что вы! — вспыхнула Надя. — Машины мы лучше глаза бережём. В случае чего, на месте ремонтировать будем.

— Не подумайте, что леспромхоз отказывает в ремонте. Но раз вы берётесь ремонтировать сами, мы пойдём вам навстречу. Скоро приплём в Снежный передвижную мастерскую с новейшим оборудованием. Чудес-

ная мастерская! — И, уже отходя, внезапно спросил: — Вас тут не обижает начальство?

— Нет, Иван Фомич, на начальство пожаловаться не могу.

После того, как был избран президиум, председатель предоставил слово для сообщения Пелевину. Осмотрев собравшихся, Пелевин остановился взглядом на Панкратове.

— Товарищи коммунисты! То, что происходит сегодня на наших мастерских участках, смахивает, попросту говоря, на вредную штурмовщину, ломающую всяческие графики. Что же вынудило нас штурмовать? — Хотя Пелевин продолжал смотреть на одного Панкратова, он видел всех и заметил, как Разгулов, ещё более насупившись, втянул голову в широкие плечи. — Потому, во-первых, что кое-кто из нас до сих пор ещё живёт старыми представлениями и делит общие дела на «свои» и «чужие»... «Чужое» для таких людей — это то, чем можно пожертвовать ради успеха «своего» участка. Именно так поступил сегодня коммунист Разгулов. Я не утверждаю, что он действовал в личных целях, но факт остаётся фактом: его узковедомственный подход к делу нанёс вред и нашему лесопункту, и соседям, которые не получили нужного количества платформ и не смогли вывезти всю заготовленную древесину. О чём это говорит? О том, прежде всего, что товарищ Разгулов утратил государственный, партийный взгляд на окружающее, замкнулся в рамках «своего» лесопункта, не понял коренных перемен, происшедших на делянках и полностью исключающих какую бы то ни было партизанщину. А мы, и в первую очередь я, как парторг, не сумели во-время поправить Разгулова, предупредить сегодняшний случай, хотя и знали о его «местнических» замашках в прошлом...

— Доказательства? — хрипавато перебил Разгулов.

— Их много. Сегодняшний твой поступок — следствие укоренившегося в тебе мнения об исключительности Снежного, о том, что Разгулову «всё дозволено». Может быть, ты скажешь, что тебя подвели, что если бы мастера «поднажали» как следует, то платформы не простояли бы целый день в тупиках... Я думаю, коммунисты здесь скажут, кто кого подвёл, и приведут нужные доказательства. Кто желает выступить, товарищи?

С минуту все молчали. Наконец, Фалевский, встав, сказал:

— Пусть товарищ Разгулов объяснит, как это всё вышло. Пускай объяснит свою точку зрения.

Григорий Александрович встал, окинул взглядом собравшихся и торопливо заговорил:

— Я здесь работаю давно, мою точку зрения все знают. Я за лесопункт готов душу отдать и отдавал, когда нужно было. Тут парторг назвал мои действия узковедомственными. Я это слово в первый раз услышал, он сказал так, словно я лично для себя стараюсь. Но, товарищи, за личной славой я не гонюсь, мне её и так достаточно. Да и лесопункт тоже прославился не сейчас. Снежный гремел, ещё когда поточного метода не было и в помине. Но о прошлом говорить я не буду, скажу о сегодняшнем случае. Я всё же не понимаю, за что меня здесь обсуждают. Да, я давал заявку на сто вагонов, но ведь транспортом распоряжаюсь не я, а диспетчер. Раз он дал мне сотню платформ — с какой стати стал бы я отказываться? И, кроме того, я предупредил вас, Иван Фомич, об этих платформах. Вы спросили, сумею ли я обеспечить их лесом? Конечно, сумел бы, если бы мне не помешали. Что же получилось? А получилось то, что наши мастера сплеховали. Выходит, зря мы вводили новые методы, зря о нас в газетах писали Темпы остались почти что прежними. Вот о чём речь, и об этом мы должны говорить сегодня, а не заниматься частностями.

Разгулов внезапно сел и закинул ногу на ногу.

— Прошу слова! — поднял руку Панкратов; он крепко ухватился за спинку стула и всем туловищем повернулся к Разгулову. — Что ж, выслушали мы вашу точку зрения, Григорий Александрович. Скажу прямо: по нынешним временам ваша точка зрения узковата, не о том вы здесь говорили, о чём было надо...

— Давай, давай, лучше скажи, — усмехнулся Разгулов.

— Уж как сумею, — строго сказал Панкратов. — Прошу не перебивать. По-вашему, мы вас подвели. А кто же вам обещал в одну смену сто платформ погрузить? С кем вы посоветовались, когда брали эти платформы? Ни с кем. И на делянках, между прочим, давненько не бывали. Диспетчер, может, в заблуждение попал, а вы

и рады: дай-ка, дескать, я всех удивлю. Знай, мол, наших!.. А если бы у вас точка зрения была пошире, вы бы, подумав, лишние платформы другим лесопунктам отдали, чем у себя без пользы держать. Они к вечеру опять бы к нам вернулись. И хоть вы давеча хвастались, что ежели бы дали вам волю, то вагоны все были бы погружены, но это, я скажу, пустая похвальба. Хуже даже — это был бы обман государства, товарищ Разгулов. А иначе как же расценивать ваше приказание грузить на платформу по восьми кубов вместо двенадцати? Вот о чём здесь надо было сказать, а вы о прошлых заслугах заговорили. Никто их у вас не отнимает, но и ошибок мы тоже не спустим. Жаль, поздновато хватились, но думаю — исправить их не поздно:..

Панкратов оглянулся, как бы спрашивая, всё ли он сказал, что нужно. Заметив одобрителный кивок Лапина, мастер степенно сел. На лице Разгулова, явно растерянном, всё ещё блуждала усмешка. Спohватившись, он плотно сжал губы и, подняв плечи, исподлобья смотрел на людей, пытаясь угадать, кто выступит следующий.

Поднялся сухощавый, жёлчный на вид Фалевский.

— Григорий Александрович заявил, что он недоволен работой мастерских участков. Мы тоже недовольны, только не тем, что не смогли сегодня погрузить сто вагонов, а тем, что сто вагонов до сих пор не стали для Снежного обычной нормой. А раз недовольны, то, надо полагать, скоро достигнем этой нормы. Разгулов говорит, что мы не выдержали экзамена. Позвольте, товарищи... Этак он завтра двести вагонов закажет, они будут простаивать, а Разгулов опять скажет, что новые методы себя не оправдывают. Что же это такое, как не дискредитация новых методов? Вот к чему привела ваша точка зрения, Григорий Александрович. А насчёт славы я так скажу: славу Снежному создали не вы один, а мы все. И порочить эту трудовую славу мы никому не позволим.

Алексей Степанович энергично тряхнул головой и порывисто опустил на стул. Он долго мял в руках шапку, поглядывая исподлобья то на президиум, то на Разгулова, с которым за долгие годы совместной работы он ни разу не говорил так резко.

Председателю не пришлось вызывать желающих вы-

ступить — они поднимались сами, высказывались подчас не совсем складно, но взволнованно и горячо. Очень толково, не спеша, как и всё, что он делал, говорил Попов. Он не столько возмущался и упрекал, сколько призывал Разгулова разобраться и понять, в чём корень его ошибок.

Под конец взял слово Лапин. Хорошо зная разгуловскую самоуверенность и вместе с тем безграничную преданность делу, замполит не щадил самолюбия Григория Александровича, не стеснялся в выражениях. Веря в здравый ум и стойкость Разгулова, Лапин хотел, чтобы начальник лесопункта ушёл с собрания по-настоящему взволнованным, даже, быть может, рассерженным, но отнюдь не озлобленным мелкими придирками.

— Верно сказал Алексей Степанович: славу Снежному завоевал весь коллектив, и никому, будь это даже самый уважаемый человек, запятнать эту славу мы не позволим. Вы, товарищ Разгулов, пытались поставить себя над коллективом и не заметили, как от него оторвались. Между тем, без коллектива вы, как руководитель, ровно ничего не сделаете и сделать не сможете, сколько бы грозных приказов вы ни писали. Мало набрать людей, расставить их по местам и потом «нажимать» на них. Главное — сплотить рабочих вокруг единой цели, помогать им расти и самому расти вместе с ними. Вот тогда коллектив смело пойдёт за вами... Сегодняшний случай с вагонами показал, что вы попросту потеряли чувство государственной ответственности за порученное дело. Да ещё пытаетесь обвинить других в том, что вас подвели. Поистине — с больной головы на здоровую... Правильно посоветовал Попов: разберитесь хорошенько в происшедшем, будьте до конца честным перед самим собой — и вам помогут встать на ноги, вернуться в первые ряды, в которых вы когда-то шли. А если не сумеете или не захотите разобраться, пеняйте на себя...

Иван Фомич, не распуская строгих морщин на лбу, сел. Пелевин с волнением ждал, что скажет Разгулов. В начале собрания Сергей Павлович был полон решимости настаивать на строгом выговоре, сейчас он сомневался: не слишком ли круто? Если бы ему самому пришлось выслушать столько горьких истин, пожалуй, выговор показался бы излишним. — Сергей Павлович и без

того сторел бы со стыда. Неужели Григорий Александрович так ничего и не уразумеет?

Разгулов поднимался со стула медленно, словно всё ещё не решил, следует ли ему говорить. Глубоко передохнув, словно он долго дышал не полной грудью, он блестящими глазами оглядел всех и вдруг усмехнулся криво:

— Стало быть, мне платить за перебитые горшки... — И тотчас осекся, почувствовав, вероятно, нестерпимую фальшь этой чужой, внезапно пришедшей на ум фразы; опустив глаза, он продолжал изменившимся голосом: — В общем, признаю, что с вагонами я напутал. Но я хотел сделать лучше, верьте моему слову. Насчётшибок и прочего, в чём тут меня обвиняли..., будто я пытался обмануть государство, дискредитировать новую технологию..., с этим согласиться я не могу. Не было у меня такого намерения. От людей оторвался — да, возможно, но ещё вопрос, кто тут виноват. Ежели негоден стал — что ж, хоть сейчас готов уступить место другому, однако наперёд заявляю — из Снежного я никуда не уйду. Буду работать там, где доверят, хоть сучкорубом, хоть кладовщиком. Любое дело поручат — не провалю... А над тем, что здесь говорилось, придётся ещё подумать. Кажется, всё.

XXIV.

Уже давно стрелки часов передвинулись за полночь, давно был выпит чай, и Екатерина Андреевна, убрав посуду, легла спать, а Пелевин с Лапиным, окутанные табачным дымом, всё ещё не кончали начатый за ужином разговор и, казалось, вовсе забыли о том, что завтра надо подниматься пораньше, чтобы успеть к первому поезду...

Пелевин любил эти ночные беседы с замполитом. Он знал, конечно, что Иван Фомич, бывая на лесопунктах, точно так же подолгу беседует с другими парторгами, но Пелевину почему-то представлялось, что с другими замполит менее откровенен, чем с ним. Удивительно просто и отлично был устроен этот человек! Лапин не признавал, например, что на свете существуют неразрешимые задачи. В нём за годы армии и партийной работы накопилось столько жизненной стойкости и умения

разобраться во всякой обстановке, что всегда и везде он мог найти выход из труднейшего положения. Пелевин замечал не раз, что иные руководители либо мыслят всё в огромных масштабах, либо, увязая в мелочах, перестают видеть главное. В Лапине, казалось Пелевину, хорошо сочетались оба эти качества. По мере сил Сергей Павлович сам стремился стать таким работником, который бы, не забывая о повседневном, умел провидеть далеко вперёд... Несомненно, Лапин был ещё и мечтателем, вечно чего-то искал, о чём-то волновался, охваченный множеством проектов и планов. Но тем не менее он был отличным практиком, организатором. Всё, что удалось сделать Пелевину в Снежном, он выполнил под влиянием и при активном участии замполита. Когда он отсутствовал, Сергей Павлович в затруднительных случаях мысленно ставил на своё место Лапина и поступал так, как бы должен был, по его мнению, поступить тот.

С собрания они пришли несколько усталыми, но с чувством удовлетворения, которое у Пелевина, например, всегда предвещало новые большие перемены в жизни лесопункта. Единственно, что портило настроение, были слова Разгулова о своей непригодности, неискренние и двусмысленные, с явным намёком на то, что кто-то намерен сесть на его место. Конечно, все сразу поняли, в кого метил Разгулов.

Пелевина возмутил этот намёк, и он без колебаний голосовал за выговор.

— Ведь это, Иван Фомич, у него не случайно вырвалось, он и раньше, очевидно, думал, что я мечу в начальники. Разубеждать его на собрании было бы бесполезно, потому что принципиальный разговор мы свели бы на личности и смазали бы весь вопрос. Разгулов потому, собственно, и перешёл на намёки, что ему нечем было крыть. Я знаю, никто из коммунистов не поверил ему, а всё-таки меня зло взяло. И вообще — как мне теперь с ним работать? Ведь прежде я уважал его, а сейчас... Боюсь, что у нас с ним ничего путного не выйдет.

— Должно выйти. — Иван Фомич придвинулся к окну, кивнул на полосу света, лежавшую на снегу против разгуловских окон. — Видишь? Он тоже не спит. О чём он думает, по-твоему?

Пелевин пожал плечами.

— Возмущается выговором, наверно... О чём же ещё?

— Возмущаться он мог в первый момент, а теперь, наедине... — Иван Фомич раздумчиво покачал головой, убеждённо сказал: — Разгулов достаточно умён, чтобы понять свою неправоту. От предьявленных ему обвинений не так-то просто отмахнуться. Уважением людей не пренебрегают. И, пожалуйста, не показывайте Разгулову вида, будто с ним ничего не произошло. Напротив... Не бойся, Разгулов не из тех, кто легко отказывается от своей цели, он не опустит рук. И если бы всерьёз встал вопрос о его снятии, я уверен, он бы не сдался без боя.

— Что ж, это, пожалуй, правильно, — улыбнулся Пелевин. — Плох тот, кто не надеется исправить свои ошибки. Между прочим, я не ожидал, что Разгулов останется на собрании после вынесения выговора.

— Почему? — удивился Иван Фомич. — Во-первых, ему никто не разрешил бы уйти, раз не кончилось собрание, а во-вторых, как бы он мог уйти, когда обсуждались производственные дела? Разве он больше не начальник? — Он лукаво подмигнул и прибавил: — Подожди, завтра он внесёт в твой проект свои коррективы.

— Это насчёт подготовительно-монтажной бригады?

— Да, именно. Дело это крайне нужное, только вот как обернётся вы с людьми? Повторяю, леспромхоз выделить вам пока ничего не сможет.

— А мы пока и не требуем, — в тон замполиту ответил Сергей Павлович. — Мы просим у вас только совета.

— Совета? Ишь, ты! — усмехнулся Лапин. — Знаешь, зачем я сюда приехал? Хочу кое-что у вас посмотреть и на другие лесопункты перенести. Потом экскурсию к вам направлю, пусть перенимают всё хорошее и критикуют плохое. Трудно теперь вам советовать... У меня на-днях был случай. Узнал я из газет, что в одном леспромхозе введены особые журналы при передаче смены. В них отмечается, в каком состоянии сдан и принят, допустим, трактор или лебёдка. Ведь здорово же придумано, никакой обезлички! Еду в Берёзовский, чтобы посоветовать им насчёт журналов, а там уж, оказывается, это дело узаконено, и журналы для них не новость. Спрашиваю — кто додумался? Не помнят. Говорят, всем

эта обезличка не нравилась, вот и появились журналы. А кто первый подал мысль — не всё ли равно?..

— И у нас так же было, — оживлённо заговорил Пелевин. — Кажется, сперва Захваткин возмутился тем, что напарник передал ему неисправную машину, а потом и другие стали придирчиво принимать тракторы от своих сменщиков. Так и возник самоконтроль. В самом деле, кому же интересно из-за чужой халатности простаивать? Или взять трелёвку с необрубленными сучьями. У нас её предложили Устинова и Куканов, но ведь ещё раньше этот способ применили во многих других лес-промхозах. Значит, об этом думали тысячи людей, а когда думают тысячи — новое будет появляться непрерывно. Мы уж как-то привыкли к этому, но ведь это замечательно, прямо-таки чудесно, Иван Фомич! Ничего подобного нет ни в одной капиталистической стране.

— А у нас это вполне естественно и не может быть иначе. При коммунизме, Сергей, каждому хочется пожить, и строим мы его не только для потомков, но и для себя... Да, так вот насчёт советов. В две смены вы уже начали работать, теперь надо о круглосуточной работе думать. А то как бы вас не опередили. Думайте, планируйте. Надо перед каждым механизатором поставить задачу: пусть готовит себе смену. Пусть они учат людей непосредственно на делянке, на рабочем месте. Кстати, что означает реплика Устиновой по поводу почасового учёта? Что это такое? И почему она только обмолвилась об этом, а не рассказала подробно?

— Ах, это вы про Куканова, — несколько замявшись, сказал Пелевин. — Действительно, Куканов взял себе за правило подводить итоги своей работы за каждый час, но это ещё далеко от часового учёта.

— Почему же далеко? — горячо возразил замполит. — Говорят, Куканов даже высчитал, сколько минут он должен затратить на рейс, чтобы ежедневно подвозить по шестидесяти кубометров. Верно это?

— Откуда вы узнали? — удивлённо спросил Сергей Павлович. — Устинова ничего не говорила об этом на собрании.

— Услышал от рабочих, когда по ошибке попал вместо конторы в клуб. Жаль, некогда было выяснить подробнее... А вы что же молчите? Бойтесь раскрыть гайну?

— Да нет, что вы, Иван Фомич, — рассмеялся Пелевин. — Пока мы просто экспериментируем. Подождите денёк-два, я вам сообщу результаты.

— Результаты уже налицо! — взволнованно проговорил Лапин; он встал из-за стола, вышел на середину комнаты. — Ведь Куканов меньше шестидесяти кубометров не даёт, и я уверен — это благодаря почасовому учёту. Неужели тебе не ясно?

— Собственно, с Кукановым всё ясно, сейчас весь вопрос в том, чтобы ввести почасовой контроль на других операциях. Вы это имеете в виду? — спросил Пелевин.

— Именно это, черт побери! — удовлетворённо произнёс Иван Фомич и присел на стул рядом с Пелевиным. — Ведь часовой график — это как раз то, что нам сейчас нужно. Он позволит оперативно выявлять и устранять «узкие» места, дисциплинирует людей, обеспечит ритмичную работу бригад. Имей ты сейчас этот график, поломать его не посмел бы даже Разгулов. И вообще, Сергей, только после того, как мы введём часовой график, можно будет называть лесопункт индустриальным предприятием в полном смысле этого слова.

— А разве до этого он не был индустриальным предприятием?

— Был, конечно, но теперь мы сможем работать без простоев техники, слаженно и чётко, как работают передовые заводы Москвы или Урала. Ох, что здесь будет годика через два, Сергей! — Лапин прищурился, как бы вглядываясь в будущее, и сначала сдержанно, потом всё оживлённее продолжал:

— Нет, это, ведь, так интересно представить. Интересно, но и трудно, потому что жизнь иногда превосходит самую смелую фантазию. Одно можно сказать наверняка: через два года Снежный станет неузнаваемым. Очевидно, он будет выделен в самостоятельный леспромхоз, дело идёт к этому. Ты только подумай, какие у вас громадные запасы зелёного золота! Да через несколько лет не два и не три, а десять таких посёлков возникнет там, где сейчас дикая глушь. И Снежный станет уже настоящим промышленным центром, где появятся и театр, и проспекты, и завод по переработке зелёных отходов. Свой железнодорожный узел, пропускающий в сутки десятки эшелонов. И обязательно широкая колея,

чтобы избежать лишней перевалки древесины. Прямое сообщение с Москвой, со всей страной. А как вырастут люди! Ручной труд вовсе исчезнет, и вместо обрубщика будет уже моторист, управляющий сложным механизмом. Лес пойдёт непрерывным потоком — круглые сутки, круглый год. Так будет, Сергей, и, может быть, скорее, чем мы предполагаем.

— И, может быть, гораздо лучше, чем мы предполагаем, — подхватил Пелевин; глаза его возбуждённо блестя. — Я где-то читал, что уже создан агрегат, который сам валит деревья, грузит их на себя и подвозит к эстакаде. Попробуйте-ка представить, что будет создано через два года!

— Что ж, попробуем, — задорно сказал Иван Фомич. — Мы же сами всё это будем создавать, отчего же не представить? Только об этом лучше на свежую голову потолковать. Нам уже давно пора спать... Хотел я денёк у вас побыть, но, видно, не придётся. Поеду по лесопунктам, про Куканова расскажу. Думал Новый год дома встретить, но не знаю, успею ли. Говорят, у вас тут предстоит свадьба?

— Володя Воронков женится. Сегодня поехал встречать невесту. Приезжайте-ка к нам, на свадьбе погуляем.

— Рад бы, но не могу. Обещал быть дома. Между прочим, ты что это отстаёшь от молодёжи? Я же слышал, у тебя где-то невеста есть, в чём же загвоздка?

— Нет, невесты не было, зря говорили...

— Да ты не скрывай, отбивать её у тебя я не собираюсь, — пошутил замполит, однако, заметив смущение Пелевина, серьёзно спросил: — В самом деле не было?

— Была знакомая девушка, но оказалось, что мы говорили с ней на разных языках. Ну, и раззнакомились... Ты ляжешь на диван? Принести вторую подушку?

— Одной хватит... Так что же ты, из-за неё и в других разочаровался?

— Напротив... — Пелевину вдруг захотелось рассказать Лапину об Устиновой, о своих утренних мыслях, узнать его мнение, но Сергей Павлович так и не нашёл, с чего начать разговор; решив побеседовать в другой раз, он шутливо dokonчил: — Напротив, влюбляюсь теперь во всех подряд, не знаю, право, какую и в жёны выбрать.

— Прогодать боишься? — иронически спросил Лацин. — Ну, брат, этак ты никогда не женишься. Впрочем, врешь ты всё, давно уж, поди, выбрал. Я ведь заметил давеча, как ты переглядывался с Устиновой, — мне даже завидно стало.

— Иван Фомич!

— А что? Девушка она хорошая, и климат здешний, по-моему, ей нравится, — невозмутимо продолжал Иван Фомич, устраиваясь на диване. — Пожалуй, мне надо с ней поближе познакомиться, на всякий случай. Вдруг ты и в самом деле на Устиновой женишься; приеду я к вам ночевать, а она, пожалуй, меня и чаем не угостит...

XXV.

Разгулов не ожидал такого исхода. Ведь до сражения всё случившееся с ним в этот день представлялось ему обычным производственным промахом, каких Разгулову довелось на своём веку немало пережить. Да и у кого их не бывало? В конце концов, важно не то, что он промахнулся, не учёл всех обстоятельств досконально, — важно другое, то, что Снежный был и будет образцовым предприятием. Упущенное всегда можно наверстать, а в данном случае и упущения-то, по сути, никакого не произошло. Наоборот, темпы были показаны такие, каких лесопункт не имел за всё время своего существования. Закрепить эти темпы — вот в чём задача, а не возвращаться к старому. Насчёт того, что соседи вывезли не всю заготовленную древесину, не стоило бы и говорить: сегодня не вывезли, вывезут завтра в полтора раза больше. Разве в Снежном подобного не случалось? И ни разу по этому поводу Разгулов не поднимал шума. Правда, тогда ещё не существовало ни железной дороги, ни графика, но факт остаётся фактом: Разгулов всегда находил возможность вывернуться. Вывернулся бы и теперь, если бы... если бы ему не вставляли палки в колёса.

Григорий Александрович пытался этими мыслями успокоить себя, сделать какие-то выводы. Он ушёл из конторы, не попрощавшись ни с кем, как только Пелевин закрыл собрание.

Медленно идя по затихшей улице, он хотел ещё до встречи с женой собраться с мыслями. Однако самое важ-

ное, что он должен был решить, выпало из памяти, и Григорий Александрович, как ни старался, не мог это важное уловить.

«Ну, Пелевина я понимаю, он по обязанности говорил, но почему Фалевский и Панкратов за него стоят горой? Ни одного слова у них для меня не нашлось, а ведь я же им помог выйти в люди. Ну, допустим, не я один, а советская власть, тот же Пелевин с Лапиным. Но я-то для них разве мало сделал? А Пелевин, оказывается, ершистый, не ожидал я. Хотя нет, он и раньше такой был. Чего же он от меня хочет? Чтобы я под его дудку плясал? Ну, это ещё поглядим. Голыми руками меня не возьмёшь... — Григорий Александрович внезапно оглянулся, словно испугавшись, что кто-то подслушивает его мысли. — Нет, чего же он всё-таки хочет? Фу, черт, что это я путаю! Понятно, Пелевин хочет того же, чего и я. И Лапин, и Панкратов тоже. Как же это я с ними разошёлся? Почему? Кто же поверит, будто Пелевин хочет сесть на моё место? Что же он теперь обо мне думает? Чего только не приписал — и местничество, и дискредитацию, и обман государства... Дурак я, что ли? Не понимаю, что требуется государству? Не хуже их понимаю, а кое в чём и лучше...»

Разгулов намеренно замедлил шаги. Несмотря на холод, его лицо было в испарине. Григорий Александрович тщательно вытер лоб и шею платком, сдвинул шапку на затылок.

«Нет, что ни говори, всё-таки нехорошо получилось. А всё из-за Пелевина. Чего ради всякий сор из избы выносить? Ведь вполне бы могли, как товарищи, без собрания договориться. Э, да разве столкнешься с ним? Не зря, значит, он предупреждал меня о возможных неприятностях. Я-то думал, он это вскользь говорил, а вышло наоборот. Послушаешь его — вроде бы добра тебе хочет, а он вот к чему подвёл. Ну, да я не сдамся! В трест, в райком поеду, а не сдамся. Завтра же поеду. Они думают, что я теперь и голоса подать не посмею. Будто юнец я какой, только-только жить начинаю. Того, что я пережил, Пелевину, может, и во сне не снилось. Как же это? Старого коммуниста, руководителя передового лесопункта — и так опорочить? Мальчишка я, что ли? Десять лет был хорош, а тут сразу иным стал? Нет, мы ещё поговорим, ещё не окончен разговор...»

Заслышав сзади голоса, Григорий Александрович заспешил. Меньше всего ему хотелось встретиться с кем-либо сейчас. Возможно, сзади шли Пелевин с Лапиным. Только бы не вздумалось замполиту сегодня прийти ночевать к начальнику лесопункта. Пусть уж лучше переночует у технорука, пусть они наговорятся всласть. Небось, на всю ночь хватит разговоров.

Григорий Александрович вдруг вспомнил долгие зимние вечера, проведенные в беседах с Лапиным в его прошлые приезды, и глухая тоска властно охватила его. Не оглядываясь, он дошел до своей калитки, машинально бросил взгляд на освещенное окно пелевинской квартиры и поднялся на крыльцо.

На стук двери из спальни вышла жена Разгулова. Укладывая детей спать, шопотом предупредила:

— Ты потише, Гриша, ребята только что уснули.

Разгулов молча снял полушубок, хотел пройти к столу, но из спальни вдруг донеслось:

— Папа! Я ещё не сплю, мама мне сказку не досказала.

Анна Борисовна всплеснула руками, но Разгулов одобрительно рассмеялся, подмигнул жене и прошёл к сыну.

В спальне было тепло. Григорий Александрович, склонившись над кроватью, опасаясь коснуться ребёнка холодными руками, приподнял его вместе с одеялом.

— Какую сказку? — спросил он, прижимаясь небритой щекой к тёплому плечу сынишки.

— Нет, не сказку, а басню. Про стрекозу и ещё про журавля. Я сказал маме, что запомню, буду на ёлке рассказывать. Знаешь, тётя Катя (тётя Катя — это была мать Пелевина) звала нас с Колей на ёлку. Папа, а мы будем ёлку украшать, да?

— Обязательно будем, Вадик. Мама купит игрушек, а я завтра ёлку срублю. Нам ведь невысокую ёлку надо, верно? А то Коля не дотянется до гостинцев, плакать будет. Как он сегодня, Аня? Всё ещё кашляет? — кивнул Разгулов на качалку, в которой спал двухлетний Коля.

— Немного. Я ему сделала компресс, уснул спокойно.

— Ну-ну... Ты, главное, корми его хорошенько, он как-будто похудел за эти дни.

— Да нет, Гриша, — рассмеялась Анна Борисовна. — Отчего ему худеть? Appetит у него хороший, а вот Вадик ест плохо. Целый день на улице, на обед никак не зазовёшь.

— Может, он со мной поужинает?)

— Что ты! Он уже ел, пора ему спать. Спи, Вадик, завтра мы по железной дороге к тётё Шуре в гости поедем.

— Ой, я и забыл! А ты, папа, с нами поедешь?

— Нет. А может, и поеду, утром будет видно, — сказал Григорий Александрович, внезапно подумав: «Действительно, не махнуть ли мне завтра в Крутую Горку? Всё равно тут мне делать нечего, пусть завтра распоряжается Пелевин».

Он поцеловал сына в лоб, уложил в кровать, тщательно накрыл одеялом, спросил:

— Можно гасить свет?

— Ладно, гаси, — сказал Вадик, но тут же приподнял от подушки голову. — Постой. Пускай ёлка будет невысокая, но только чтоб не ниже абажура. Коле мы стул подставим — конфеты доставать.

— Хорошо, до абажура. А теперь спи.

На кухне Григорий Александрович снял ремень, растегнул воротник гимнастёрки. Хотел было открыть форточку, но, вспомнив о Коле, раздумал. Тяжело присел к столу, рассеянно посмотрел на неразвёрнутые газеты и отодвинул их в сторону.

— Это же свежие газеты, Гриша, — удивлённая его усталым жестом, сказала Анна Борисовна.

— Потом прочту. Что у тебя там наготовлено? — Он кивнул на плиту.

— Рассольник, печёнка жареная. Есть гречневая каша, да ведь ты до неё не охотник.

— Вот что, Аня, дай-ка мне чаю с мёдом, а остальное вынеси на холодильник. Не хочу. Устал что-то, весь день по участкам мотался.

— Неладно там что-нибудь? — обеспокоенно спросила Анна Борисовна; она издавна привыкла судить о делах лесопункта со слов мужа и всегда, когда Разгулов приходил домой усталый и недовольный, мысленно обвиняла тех, кто, по её мнению, нерадиво относился к работе и тем доставлял мужу лишние заботы и хлопоты,

— Беспорядков хватает, — уклончиво ответил Григорий Александрович, принимая от жены стакан.

— Что же Пелевин смотрит?

— Пелевин? — подозрительно взглянув на Анну Борисовну, пробормотал Разгулов. — Ему тоже не разорваться. С ним только и ворочаем...

Он сказал это неожиданно для себя, так, как и всегда отзывался о Пелевине, разговаривая с женой о делах. Сказал и удивлённо подумал: «А ведь верно, без Сергея Павловича я как без рук». Ему стыдно стало за свои недавние мысли о Пелевине, захотелось забыть и о собрании, и об обиде, но Анна Борисовна, не подозревая о том, вернула Григория Александровича к неприятной действительности.

— Я слышала, собрание у вас было? Опять, наверно, выполнение плана обсуждали?

— Ну, это тебя не касается, — хмуро ответил он. — Знаешь что... ты ложись-ка, тебе завтра рано вставать. А я ещё посижу, газеты вот читаю.

— В лес завтра пойдёшь? Проводил бы меня с ребятами до станции.

— Провожу. Ложись. Только самовар не глуши.

Григорий Александрович залпом выпил стакан чаю, налил ещё. С полчаса сидел, бесцельно мешая ложкой в стакане, устремив взгляд на угол стола, сдвинув густые брови. Снова, как тогда, по дороге к дому, тщетно ловил в мыслях что-то самое важное, чего он никак не мог вспомнить. Домашняя обстановка, разговор с сыном как будто смягчили остроту переживаний. Разгулов всё яснее начинал осознавать несправедливость своих суждений о Пелевине и вообще обо всём случившемся.

«Как же так? Неужели только я прав, а все остальные неправы? Да, вот это и есть главное: кто же прав? Что ж, Григорий Александрович, перед самим-то собой кривить душой нечего, отвечай прямо: признаёшь, что виноват, или не признаёшь? Пожалуй, если бы сразу признать свою вину, то и на собрании разговор был бы иной. Да как её было признать, если самолюбие не позволяло? Так вот в чём загвоздка! — Григорий Александрович обвёл глазами комнату, словно опять ища тайного свидетеля; случайно он посмотрел в окно и, увидев на снегу светложёлтую полосу от пелевинского окна, подумал: — Сидят ещё, разговаривают... Да, так о чём

там Пелевин ещё говорил? Что Разгулову, дескать, «всё можно». Верно, были у меня об этом думки. Когда ж это началось? Давненько, пожалуй, сейчас уж и не припомню. Надеялся только на себя, от людей оторвался... А почему? Да очень просто: люди-то начинают меня опережать, а я, вместо того, чтобы их догнать, затаил обиду. Плохо... Взять опять же эту историю с вагонами. Верно, хотел всем доказать — и Акимову, и Пелевину, и Лапину. И доказал бы, если бы не встали поперёк дороги... — Разгулов мотнул головой, поймав себя на том, что снова поддаётся прежнему настроению; поспешно закурил, плотнее прикрыл дверь в спальню, прошёлся по комнате. — Выговор — не шутка, пятно на всю жизнь. Ну, допустим, не на всю, но надолго. Смыть это пятно как-то надо, носить его на себе мне долго нельзя. Конечно, у всех есть пятнышки, и у меня их было немало, да то всё пустяки, посторонним заметно не было. А тут некрасиво получилось. Ну и пусть, я им ещё себя покажу. Пока я здесь, Снежный был и будет впереди. Голову сложу, а славы своей не унижу. Пелевин образованием кичится, а я опытом возьму. Он без меня тоже далеко не уедет. Эх, испортили настроение, завтра, пожалуй, не войти мне в колено. Ну, и пусть Пелевин с Лапиным хозяйствуют. Небось, чуть что — сами ко мне прибегут...»

Григорий Александрович бросил окурочек, жадно допил остывший чай. Крадучись, прошёл в спальню, хотел зажечь спичку, чтобы посмотреть на спящих сыновей, но не решился их потревожить. Потоптавшись возле качалки, опять вышел на кухню. Спать не хотелось. Выглянул в окно и увидел ту же светлую полосу, падавшую на снег из пелевинского окна. Вспыхнуло нетерпеливое желание нахлобучить на голову шапку, пойти к Пелевину, поговорить с ним и с Лапиным по душам. Но Григорий Александрович подавил это желание. Если бы Лапин хотел поговорить, он сам пришёл бы к Разгулову, а раз не идёт — Разгулов навязываться не будет. И каяться тоже не станет. Какой же смысл? Выговор всё равно записан, Лапин снять его не может, если бы и хотел. Снять выговор может только сам Разгулов. Всё зависит от него самого. Придёт время — ему не одну благодарность запишут.

Уснул он поздно. Долго ворочался на постели, перебирая, тасуя противоречивые мысли, ища на будущее верную линию поведения. Думал, отбрасывал надуманное.

начинал всё сызнова. Одно лишь чувство тяжёлой обиды оставалось неизменным, не исчезало, несмотря ни на какие доводы рассудка.

Наутро Разгулов проснулся с больной головой, без обычного ощущения бодрости. Не хотелось даже вставать с постели, но Анна Борисовна, одевавшая Вадика, попросила мужа заняться Колей, и Разгулов с несказанным удовольствием принялся подбрасывать, обнимать и целовать полного, розовощёкого, радостно смеющегося сынишку. Усталость с него как рукой сняло, и Григорий Александрович, не переставая возиться с ребёнком, оделся, позвонил дежурному насчёт теплушки и пошёл провожать семью. Ехать в Крутую Горку Разгулов раздумал — решил выжидать дальнейших событий. Со станции хотел было заглянуть в контору, но вспомнил, что там его может вызвать по телефону диспетчер или директор леспромхоза, что разговор их по линии будут слушать посторонние люди, — и направился прямо к дому.

Он рад был возможности отдохнуть, заняться каким-нибудь домашним делом. Прикинул в уме, чем бы заняться, и едва удержался от слёз: ничто теперь не могло заинтересовать его, раз он сам отстранился от главного дела. Тоскливо и пусто стало на душе, неуютной показалась Разгулову квартира. Зря отпустил он ребятнишек, с ними было бы ему веселее. Как там в лесу? Какие ведут о нём разговоры? А может, и никаких разговоров нет, все уже забыли о нём. У каждого своё дело, свои заботы, и не так люди нуждаются в нём, как он в них. Да и что может значить Разгулов без лесопункта, без тех повседневных дел и хлопот, споров и встреч, которые составляли его жизнь?

На протяжении трёх часов Григорий Александрович дважды набрасывал на плечи полушубок с намерением хотя бы пройтись по посёлку и дважды снимал его, выдерживая характер. Под конец он так измучился, что при появлении Лапина с трудом мог скрыть охватившую его радость. В первую минуту он забыл всё — и вчерашнюю обиду, и стыд, и свою неприязнь к Лапину за то, что тот ночевал у Пелевина. Однако вскоре он взял себя в руки и с достоинством, сдержанно ответил на приветствие замполита, отряхивавшего у порога снег с шапки. Впрочем, Лапина всё это вряд ли могло обмануть, — он заметил и лихорадочный блеск разгуловских глаз, и

тёмные круги под ними, и первое нетерпеливое движение, как будто Разгулов хотел броситься навстречу вошедшему с крепким рукопожатием.

— Ну, ещё раз здорово, Григорий Александрович, — сказал Иван Фомич, протягивая руку. — Ты что же, выходной взял, или заболел, а?

— Отдохнуть решил, — смущённо ответил Разгулов. — Разденьтесь, я чаю согрею.

— Спасибо. Я не надолго, раздеваться не стоит. Сейчас к твоим соседям поеду, в Двиницу. Зашёл вот попрощаться.

— Так...—Григорий Александрович испытующе взглянул на Лапина и умолк.

— А где же твоя жена, дети?

— В гости проводил.

— Один, значит, хозяйничаешь? Ну-ну. Жаль, ребяташек нет, давно я их не видел, пожалуй с месяц; растут понемножку?

— Растут, — невольно улыбнулся Разгулов. — Меньший уже говорить начал, забавно так...

Иван Фомич тоже улыбнулся, вспомнив своих детей. Задумчиво повертев в пальцах забытую на подоконнике игрушку, он положил её на место и сказал:

— Так вот, Григорий Александрович, побывал я на ваших делянках. Вчерашнюю пробку с вагонами ликвидировали уже к утру, сейчас Пелевин ещё тридцать вагонов запросил. Но дадут ли вам эти вагоны — сказать трудно. График-то, оказывается, до сих пор полностью не восстановлен, вот в чём беда. Знаешь, — Иван Фомич строго взглянул на Разгулова, — я бы теперь поставил тебя на место диспетчера и велел бы расхлёбывать эту кашу. Правильно было бы, а?

Разгулов поднял на замполита помрачневший взгляд:

— Там и расхлёбывать нечего. Вы же сами сказали, что пробка давно ликвидирована. Да я и сам знал, что так будет...

— За это людям спасибо скажи, — жёстко проговорил Лапин. — Трудовой подъём на делянках необычайный, гляди, не вздумай чем-нибудь его испортить. С годовым планом вы, пожалуй, справитесь легко, цельтесь теперь на большее — на досрочное выполнение сезонного обязательства. Там Пелевин часовой график собирает, вводите, ты в это дело тоже включайся, создай все не-

обходимые условия. По совести говоря, не нравится мне твой отдых, не во-время ты вздумал отдыхать...

Пожалуй, впервые в жизни Григорий Александрович почувствовал, что краснеет, и растерянно, отводя глаза, пробормотал:

— Не я его выбирал, отдых, на что он мне нужен? Руки у меня опустились, не знаю, за что и взяться, а вы говорите...

— Вот этого я не ожидал! — возмутился Ланин. — Тогда я прямо спрошу: признаёшь ты свою ошибку, или не признаёшь?

— Признаю, Иван Фомич, — вздохнул Разгулов и сам удивился, что произнёс эти слова просто, не пытаясь оправдываться, хотя только что намеревался излить перед замполитом свои вчерашние мысли по поводу учинённой над ним несправедливости.

— А раз признаёшь, что же ты из себя оскорблённого праведника строишь? — спросил Иван Фомич, наклонясь через стол к Разгулову. — Не думаешь ли ты, что все мы вчера унизить тебя хотели, а? Мы помогли тебе взглянуть на себя со стороны, чтобы ты мог разобраться в своих ошибках, исправить их, а ты, значит, обиду за-таил? В таком случае я могу заранее сказать: хорошего руководителя из тебя не выйдет. Не выйдет, потому что тебе и раньше указывали на ошибки, да, видно, ты считал эту критику неправильной и на свой счёт не принял. Отвык ты от критики, что и говорить, а привыкать к ней всё же придётся. Приучим. Руки, говоришь, опустились? А как же, интересно, думаешь ты пятно с себя смыть, а? Как? Или, может, так и намереваешься жить запятнанным?

Несмотря на жёсткий тон замполита и на обидные слова, Разгулов не только не почувствовал к Лапину неприязни, но, неожиданно для себя, всё более проникался к нему искренним и прочным доверием. Он заметно ожилился, в глазах заиграли прежние, знакомые Лапину светлячки.

— Насчёт критики и прочего... верно, было такое дело, Иван Фомич. Я и вчера это чувствовал, только трудно было признаться в этом самому себе. Правильно, Пелевин и раньше меня предупреждал... Сейчас я не берусь, конечно, судить, выйдет ли из меня хороший руководитель, а всё же думаю... думаю, что выйдет, иначе для

чего же я здесь? Да и смешно, право, сами же вы до сих пор считали Разгулова неплохим руководителем, а теперь сомневаетесь.

— Верно, считал, — кивнул замполит. — А сейчас сомневаюсь. Докажи, тогда я поверю.

— Докажу...

— Крут ты на поворотах... Скажи ка: искренне ли ты признал свою неправоту? Убѣжден ли ты в душе, что неправ? Разобрался ли, почему и как это получилось?

— В основном разобрался, Иван Фомич — твёрдо ответил Григорий Александрович и, подумав, добавил: — Придѣтся перестраиваться, это ясно.

Иван Фомич поудобнее уселся на стуле.

— Что ж, Григорий Александрович, судишь ты правильно. Остаётся ещё раз решить, как и в чём перестраиваться. И тут я тебе напомним одно правило, обязательное для всех нас: всегда смотреть вперѣд, а не назад. Ты, ведь, знаешь, что это значит... И ещё: во всей своей работе опирайся на коллектив. Народ в Снежном хороший, дружный... и строгий. Умей прислушиваться к его голосу и, конечно, об учёбе не забывай. Жизнь-то теперь втрое быстрее идёт, чем, допустим, лет пять назад. Да ты и сам, наверно, это почувствовал, а?

— Почувствовал, — сказал Григорий Александрович. — За совет спасибо, конечно, но я и сам уже разобрался, чего мне недостаёт. Постараюсь наверстать.

— Только палку не перегибай, контролируй себя по жѣстче, — улыбнулся Иван Фомич. — Я скажу Целевину, пусть заслушают твой отчёт о работе лесопункта, ну, хотя бы через месяц. Тебе это крепко поможет.

Разгулов, с трудом скрывая удивление, пожал плечами:

— Что ж, могу и отчитаться, если нужно.

— Непременно пужно, — повторил Иван Фомич. — Ну, мне пора. Есть у тебя ещё какие-нибудь ко мне вопросы?

Разгулов тоже встал, сказал, преодолевая смущение:

— Вопросов-то нет, а вот... как там Целевин, что думает обо мне он?

— А что же ему думать? — усмехнулся Лапин, натягивая на голову ушанку. — У него, брат, сейчас работы по горло, сам понимаешь.

— Ну-ну, — опуская глаза, пробормотал Разгулов. —

Как вы уж, Иван Фомич, расскажите там директору, что так, мол, и так... словом, всё как есть. Насчёт обязательства пусть не беспокоится, выполним.

— Я ведь не скоро в леспромхозе буду, ты уж сам ему позвони. Ну, будь здоров. Отдохни пока, а потом и за работу.

— Какой уж тут отдых, — махнул рукой Григорий Александрович и вместе с замполитом вышел на улицу.

XXVI.

В тот вечер, когда состоялось партийное собрание, Володя Воронков был в Крутой Горке. Зачем он туда поехал — известно было всем, в том числе и Зиночке Ветровой. И хотя она лучше, чем кто-либо, знала о намерениях Володи, его отъезд явился для неё полной неожиданностью. До последней минуты, несмотря на очевидные факты, Зиночка не верила в его женитьбу на другой, не могла примириться с мыслью, что их прежней дружбе конец. Правда, для многих эта дружба представлялась несколько странной, но какое было Зиночке дело до других? Она и не подозревала, что Володе приходится отвечать на недоуменные вопросы товарищей по поводу его «странных» с ней отношений.

Как-то, вернувшись из клуба, где Воронков весь вечер танцевал с Зиночкой, Куканов недовольно спросил:

— Не пойму я тебя, Володька. Зачем ты голову Зиночке морочишь, раз твёрдо решил привезти сюда Галю?

— То-есть, как это — морочу? — внезапно вспыхнул Володя. — Я ведь не скрываю, что у меня есть невеста. А если Зиночке со мной танцевать приятно, разве я должен от неё убегать? По-твоему, если женюсь, так и танцевать ни с кем нельзя?

— Да нет, я говорю не об этом, — пожал плечами Куканов.

— О чём же?

— О том, что Зиночка на эти танцы иначе смотрит... Неужели не видишь?

— Ну, это её дело. — Володя, помолчав, тихо добавил: — А если бы я перестал с ней встречаться, думаешь, ей было бы легче?

— Не знаю. Поговорил бы ты с ней откровенно...

— Пробовал говорить, не верит. Знает она, что мне

с ней весело, а до остального ей дела нет. Но отношусь я к ней чисто по-товарищески. Ну, может, чуть ближе. Привык, что ли...

— Гляди. Потом ей будет тяжелее, когда Галя придет. Зиночка потому и не верит, что любит, а ты, выходит, обнадёживаешь её.

Володя в ответ пробормотал что-то невнятное, а Куканов, поняв, в каком затруднении находится его друг, счёл неудобным продолжать разговор.

В ту ночь Володя долго не мог уснуть. Сначала он думал о Гале, и мысли о ней, как всегда, радостно волновали его. Он припомнил последнюю встречу с ней, лицо её, даже запах волос и счастливо улыбался в темноте. Потом попытался представить её приезд в Снежный, первые впечатления, которые, как известно, бывают наиболее сильными, её знакомство с Кукановым, Женей Милютиной, Шуриком, их суждения о Гале, новое отношение его, Володи, к старым друзьям... Впрочем, он был убеждён, что ничего нового у него с ними не будет, а просто всё останется прежним. Но как быть с Зиной?

После разговора с Кукановым Володя ещё раз глубоко продумал, какого рода чувство связывает его с Зиной. В конце концов, он вынужден был признать, что так продолжаться не может. Правда, он очень привык к Зинке, дружба с нею даже льстила его самолюбию, но и только. По-настоящему любил он другую и вряд ли сумел бы объяснить — почему. Встречаться с Зиной накануне приезда Гали не значит ли обманывать обеих? Эта мысль впервые пришла ему в голову и заставила покраснеть. И хотя ему попрежнему было бы приятно пойти с Зиной в клуб, отвечать на её шутки, Володя всё же решил с этого дня избегать с нею встреч. Но поскольку, живя в одном общежитии и работая в одной смене, избежать встреч было мудрено, он дал себе слово при первом же удобном случае рассказать Зинке всё начистоту...

Удобного случая не представилось, и Володя уехал в Крутую Горку, так и не объяснившись с Зиной. Об его отъезде узнала она в конце смены, но и виду не подала, что это известие её задело. Зато, вернувшись домой, она в изнеможении бросилась на постель и с беспощадной последовательностью перебрала в памяти все Володины слова и поступки. Казалось, она находила облегчение в

этом мучительном отыскивании всё новых и новых доказательств его равнодушия: ей хотелось внушить себе, что жалеть ей не о чем. Но, помимо воли, не могла отделиться от мысли о Володе и, чем больше думала, тем тяжелее чувствовала обиду.

Женя и Капа, молча переодевшись, поспешили покинуть комнату. Слишком хорошо зная Зиночку, они и не пытались её утешить: все слова утешения были бы неубедительны и напрасны. А завтра она с признательностью примет сочувствие подруг её горю. Кроме того, несмотря на кажущееся легкомыслие, Зиночка обладала стойким характером, и подруги не сомневались, что она и без них сумеет преодолеть первый приступ отчаяния. Они не сомневались в невинности Воронкова. Если бы Володя уверил Зиночку, что любит её, а потом женился бы на другой, Женя первая возмутилась бы чрезвычайно и не стала бы молчать. История же с Зиночкой представлялась ей совсем особенной: оставалось только надеяться, что Зиночка сама всё поймёт и уж, конечно, не вообразит, будто жизнь для неё кончена. На всякий случай Женя решила быть в эти дни поближе к подруге и Новый год непременно встретить вместе с нею. Если Зиночка по-челу-либо станет возражать против присутствия в их компании ребят, в частности Куканова, то Женя заранее была готова пожертвовать личным удовольствием ради спокойствия Зиночки. И ещё одно, как ей казалось, верное средство придумала Женя, чтобы отвлечь подругу от невесёлых мыслей, — возложить на неё все хлопоты по устройству новогоднего вечера в клубе. Там ей некогда будет скучать...

Зиночка не помнила, долго ли пролежала она в постели, не слышала, как ушли Женя и Капа, и очень удивилась, заметив на себе чужое одеяло. На кровати Жени валялись забытые впопыхах гребёнка и розовая кофточка — такая же, как у Зиночки, потому что подруги всегда покупали одинаковые обновки. Над тумбочкой, по сторонам небольшого зеркала, висели шёлковые цветные косынки — те самые, что привёз недавно Володя. Зиночка отлично помнила тот вечер: она шутила насчёт невесты, а Володя смущённо отводил глаза... Конечно, он чувствовал себя тогда счастливым. И вот он уехал встречать ту...

Зиночке вновь захотелось прижаться лицом к подуш-

ке и ни о чём, ни о чём не думать, забыть всё, пролежать вот так, не раздеваясь, до утра, а чуть свет — первой подняться с койки, умыться холодной-холодной водой и отправиться на работу. И пусть только кто-нибудь скажет, что ей тяжело... И хотя Зиночка тут же призналась, что ей в самом деле очень тяжело, она всё-таки не легла, а спустила ноги на пол, выпрямилась и с независимым видом подошла к зеркалу. К сожалению, ничего независимого на лице Зиночки зеркало не отразило: лицо выглядело жалким и некрасивым, улыбка—неестественной, глаза смотрели печально, губы вздрагивали. Сердито отвернувшись от зеркала, Зиночка прижалась разгорячённой щекой к холодному оконному стеклу. Потом сняла рабочую юбку, достала с вешалки синее шерстяное платье и хотела уже надевать его, как вспомнила, что ещё не умывалась. Умывальник стоял в коридоре, там былолюдно, и Зиночке пришлось выждать, пока не стихли шаги. Умывшись, она сразу посвежела и даже улыбнулась кокетливо, припудривая тёмные круги под глазами. «Куда же пойти? Где сейчас Женя? Ну, да всё равно, лишь бы не дома...». Зиночка не спеша оделась и вышла на улицу.

Посёлок сиял огнями. Обычно, возвращаясь по вечерам из леса, Зиночка приветствовала эти огни одной и той же частушкой, которую пели все:

Огоньки кругом зажглись,
Красота какая!
По-культурному живёт
Сторона лесная!

Пели её всякий раз, когда мотовоз па полном ходу вылетал на опушку леса, и сотни огней, словно по волшебству, возникали перед взорами лесорубов. Сейчас, находясь в центре огней, Зиночка не ощущала того восторга, который всегда охватывал её при возвращении из леса. Но она почему-то вспомнила любимую частушку, улыбнулась и тихонько, как бы прислушиваясь к собственному голосу, запела:

Мне бы в птичку превратиться,
Полетела б я на юг.
Мне бы лично убедиться,
Как там девушки поют.

«Володя, наверно, вернётся завтра, но теперь мне до него дела нет. Вправду ли Галя такая красивая, как он говорил? Да уж, конечно, для него она красивая... ещё бы! И почему я не встретила с ним раньше? Не повезло мне. Вот Женька удачливая, это точно. Куканов хоть и молчит, но я-то вижу, чем он дышит. А она, представьте, ещё нос перед ним задирает. Ну, пусть она комсорг и лучшая работница, а Куканов? Да он, может, скоро премию за свою работу получит. И Володя тоже такой, он всё умеет. Нет, я Женьке сегодня же прямо всё выскажу, нечего зря парня мучить...».

Зиночка и не заметила, как подошла к клубу. У Куканова там очередное занятие, и Женя могла быть только там. Зиночка нерешительно открыла дверь. «Надо же где-нибудь провести вечер, не могу я одна быть», — подумалось ей.

В зрительном зале, полунаполненном людьми, было тепло. Многие сидели в распахнутых телогрейках, с покрасневшими лицами, застывшими в напряжённом внимании. Зиночка осторожно присела на край скамейки у самого выхода. Никто даже не повернул головы в её сторону. Поискав глазами Женю и обнаружив её в первом ряду, Зиночка усмехнулась. «Уж не трактористкой ли Женька задумала стать? Вот ещё новость. Кому же тогда сучья обрубить? Я ведь тоже не век топором орудовать буду. Вот возьму да и выучусь на электропилищцу».

Зиночка попыталась вникнуть в то, что говорил со сцены Куканов, но слова не доходили до её сознания. Исподтишка наблюдая за присутствующими, она отмечала про себя, кто как одет, и даже пыталась угадывать, кто о чём думает. Её удивило, что на лекцию Куканова пришли трактористы других мастерских участков, и не только трактористы, а и лебёдчики, штабелёвщики, прицепщики. Были тут знакомые: Дернов с Кочергиным, толстяк Захваткин, которого все продолжали называть «поваром», лучший селезневский лебёдчик Иван Тестов, почти все помощники трактористов, но особенно много было прицепщиков — молодых, горластых, отчаянных ребят, пришедших на лесопункт из колхозов этой осенью. Среди них Зиночка увидела и Колю Ветрова, земляка и однофамильца, смышлёного и задорного паренька, к которому Зиночка в первое время благоволила. Коля явился в Снежный, твёрдо уверенный, что его примут здесь с

распростёртыми объятиями (в колхозе он работал в строительной бригаде и считал себя заправским мастером). И правда, Разгулов обрадовался ему, но потом Коля попал к Пелевину и был несколько огорошен неожиданным вопросом:

— А какое у вас образование, молодой человек?

Зиночка и теперь не могла удержаться от смеха, вспоминая растерянное лицо Коли, который, очевидно, был убеждён, что в лесу нужны прежде всего крепкие руки, а не образование.

— Шесть классов, а что? — осторожно ответил он, думая, что технорук собирается посадить его в контору писать разные бумажки.

— Маловато, — с сожалением сказал Пелевин. — Ну, ничего, здесь подучитесь. А пока придётся поставить вас на обрубку сучьев. Вот Зина покажет, как это делается.

Вот так раз! А он рассчитывал сразу попасть в электропильщики! Оказывается, всё это не так просто. Впрочем, Коля ничуть не обиделся, наоборот — его уважение к профессии лесозаготовителей значительно возросло, особенно когда он, изменив первоначальные планы, решил непременно сесть на трактор и прославиться подобно Куканову. Вот теперь Коля понял, почему технорук спрашивал его про образование. С шестью классами оказалось труднее усваивать то, что Куканов знал как свои пять пальцев. Однако земляк Зиночки был настойчивым парнем: он твёрдо решил со временем сесть за руль и догнать «самого» Куканова.

Поскольку Зиночка всё равно не смогла бы разобрататься в схемах, по которым водил указкой Куканов, она продолжала наблюдать за окружающими. Но вот Федя положил указку на стол и тоном уже не лекторским, а обыкновенным, сказал:

— Главное, надо уметь чувствовать машину. Что значит чувствовать? Опытные трактористы объясняют это по-разному. По-моему, чувствовать — это значит вовремя замечать и устранять неполадки, создавать для машин самые благоприятные условия работы, иначе говоря — дать ей возможность при нормальном режиме достигнуть наивысшей производительности. Это я для трактористов говорю, а тем, кто только собирается сесть за руль, начинать надо с изучения мотора. Без знаний, понятно, да-

леко не уедешь. Или вот другой пример. Знания, допустим, есть, а дело не спорится. В чём причина? В том, что уход за машиной плохой. За ней, как за ребёнком, глядеть надо, тогда она тебя не подведёт. Любить надо машину...

— Ну, ясно. Ты, Фёдор, расскажи, как рейсы по минутам рассчитываешь, и что из этого получается?—спросил с места Захваткин, отирая потную шею платком.

Куканов, казалось, смутился, но, вспомнив, что он, как руководитель занятий, обязан ответить на вопрос, негромко произнёс:

— Вроде ничего получается, но надо ещё всё проверить досконально. Расчёт тут простой. Допустим, я должен подвезти за смену шестьдесят кубометров. В среднем я беру за рейс пять кубов. Значит, сколько всего рейсов надо мне сделать? Двенадцать. Короче говоря, сорок минут на рейс, не больше. Меньше сорока минут разрешается, а больше — ни-ни... Для чего мне нужно минуты высчитывать? Для самоконтроля. К примеру, не уложился я в сорок минут, сейчас же выясню — в чём причина. То ли чокеровщик зазевался, то ли я ошибку допустил. И в следующий рейс мы уже стараемся наверстать потерянные минуты. Получается определённый ритм, шестьдесят кубометров обеспечены.

— Здорово! — оглянувшись на соседей, отозвался Захваткин. — Что же ты раньше молчал?

— Да, видишь ли, Михаил Потапыч, я ведь пока только пробовал, не знал ещё, что выйдет. То-есть про себя-то я знал, но мы с мастером для всех такой график хотели составить, чтоб кустарщины в этом деле не было.

— Федя! — нетерпеливо вмешалась Женя и тотчас же поправилась: — Товарищ Куканов... Ежели ты говоришь, что график нужен для самоконтроля, то, может, он и для нас подойдёт, а?

Куканов подумал.

— Пожалуй, подойдёт. Только итоги вам удобнее подводить через каждый час и считать сперва очищенные хлысты, а потом уж переводить их в кубометры. Средний объём хлыста на нашей делянке 0,30 кубометра. Значит, чтобы выполнить дневную норму, за час ты должна обработать примерно десять-двенадцать хлыстов. Вот тебе и часовой график. — Куканов посмотрел на Женю и сейчас же перевёл взгляд на задние ряды. —

Ясно, раз трактористы начнут по графику работать, то и всем придётся его применить. Вот когда можно посоревноваться!

Зиночка не дослушала конца прений. Всегда очень активная, непоседа, любившая поспорить и покритиковать, сегодня она не проронила ни слова, хотя вопрос близко касался и её. А главное, ей совершенно расхотелось встречаться после занятий с Женей и Кукановым, особенно с Женей, которая позволяла себе задирать нос, уверенная в уважении своего Феде.

Незаметно поднявшись и не скрипнув дверь, Зиночка вышла на улицу.

Однако на улице ей стало ещё тоскливее. Медленно идя по дороге мимо освещённых окон, она припоминала, кого из подруг можно застать дома в этот час. Вдруг Зиночка ускорила шаг, почти побежала. Остановилась возле дома Устиновой, с минуту постояла, наблюдая за окнами, и решительно направилась к крыльцу.

Надя, только что вернувшаяся с собрания, разогревала на плите чай. Появление Зиночки удивило и даже смутило её. Правда, за последнее время она очень подружилась со своими девочками, но на квартиру, за исключением Милутиной, они заходить стеснялись.

— Откуда ты, Зина?.. Раздевайся, я сейчас ужин приготовлю. Как это ты надумала зайти? Я очень рада. Ты ведь ни разу у меня не была.

— Ни разу, — тихо ответила Зиночка, ещё не зная, чем объяснить свой приход, и оттого чувствуя неловкость; обведя взглядом комнату, она с искренним восхищением сказала: — Как у тебя хорошо! Сама всё устроила — и полочки, и обои, и всё, да?

— Добрые люди помогли... Правда, хорошо? Тебе тоже надо собственной квартирой обзавестись. — Надя открыла дверь в смежную комнату. — А вот здесь у меня кабинет.

Зиночка, втайне завидуя, осмотрела уютную комнату и неожиданно для себя проговорила:

— Володе тоже дали квартиру. Только у него одна комната...

— Да, я слышала. Он ещё не приехал? — Надя спросила об этом только для того, чтобы поддержать разговор.

Они вернулись на кухню, и Зиночка охотно сняла

пальто. Хорошо ей здесь стало: уютно, тепло, а Надя такая спокойная, внимательная, милая. Конечно же, с ней можно отвести душу. С Женей тоже можно было бы поговорить, но Женя теперь была счастливой и довольной и вряд ли поняла бы подругу так, как понимала её раньше.

К Наде Зиночку привело странное чувство. До сих пор она не верила слухам, будто Пелевин и Устинова «симпатизируют» друг другу, но сейчас Зиночка убедила себя, что иначе и быть не может. Слышала она, что у Пелевина где-то есть невеста, и ничуть не сомневалась в том, что Надя тоже влюблена и тоже неудачно, как и она. Надя не могла быть счастливой, раз у Пелевина имеется невеста, вот и всё... И Зиночка, забыв о собственных переживаниях, искренне хотела ей помочь.

На вопрос, приехал ли Володя, Зиночка не ответила. Задумчиво глядя на Устинову, стоявшую у плиты, она с удивлением отметила про себя, что Надя совсем не похожа сейчас на ту Надю, которую на делянке все уважительно называют Надежда Николаевна. На ней было короткое, с белым воротничком, платье, делавшее её похожей на школьницу, на ногах лёгкие домашние тапочки, отороченные мехом. Зиночка невольно залюбовалась и платьем, сшитым просто и изящно, и стройным станом, перехваченным тесёмками передника, и распутившимися по плечам волнистыми волосами, и точными движениями рук, снявших с конфорки чайник и расставлявших на столе посуду.

— Нет, нет, чаю я не хочу... А впрочем, палей чашечку, с печеньем я люблю пить. — И Зиночка, со свойственным ей резким переходом от одного настроения к другому, вдруг весело улыбнулась и присела к столу.

— Нет, я совсем, совсем бесхарактерная, раз так расстроилась из-за Володи, — минуту спустя говорила она с лукавой усмешкой в больших тёмных глазах, но с грустью в голосе. — Правда, Надя? Ведь я давно знала, что у него в городе имеется девушка, и всё-таки расстроилась, когда он уехал. Ну, разве же это не бесхарактерность? Скажи, что бы ты сделала на моём месте?

— Не знаю. Наверно, тоже бы расстроилась, — просто и серьёзно ответила Надя.

— Да? — разочарованно сказала Зиночка, но тут же

с прежним оживлением продолжала: — Значит, и у тебя настоящего характера нет. И вообще, по-моему, у девчат не может быть настоящего характера. Вот ребята — дело другое.

— А знаешь ли ты, что такое — настоящий характер? — тихо спросила Надя. — Думаешь, если бы ты притворилась, что тебе дела нет до Володи, так этим проявила бы свой характер? Вот уж нет! Раз любишь, так зачем скрывать свои чувства? Только себя обманывать... Да ведь себя-то всё равно не обманешь. А характер у тебя есть, напрасно ты приbedняешься.

Разговор, повидимому, взволновал Устинову. Она обеими руками откинула назад рассыпавшиеся волосы, и Зиночка увидела в её красивых глазах ласковое, сердечное выражение.

— В чём виден характер? А вот в чём... Помнишь, как мы вторую площадку строили? Ночью, по колено в снегу, усталые, а работали как! У тебя тогда болела нога, помнишь? Но ты тоже осталась и таскала брёвна вместе с нами, да ещё веселила ребят своими частушками... А вспомни-ка, как ты в первый раз взяла в руки топор, и как ныли твои руки и поясница к концу смены. Я знаю, тебе тогда предложили работу полегче, но ты отказалась и назавтра опять встала на обрубку, хотя руки у тебя с непривычки дрожали. Ты дала себе слово привыкнуть — и привыкла. А помнишь, на той неделе ты подошла к Доске показателей, и от обиды у тебя выступили слёзы на глазах? Это в тот день, когда ты оказалась позади остальных сучкорубов. Ты не могла с этим помириться, и теперь твои показатели одни из лучших...

— Не совсем, — тихо сказала Зиночка, и на лбу её обозначилась упрямая морщинка. — Женя опять выскочила вперёд, да я всё равно её догоню.

— Непременно догонишь. А потом и это тебя не удивлетворит, я знаю. Женя вон на трактористку решила учиться. И выучится. Вы все считаете её самостоятельной. А знаешь, как она о тебе отзывается? «Ох, и настойчивая у нас Зиночка!..». Ей ты веришь?

— Ну, уж, вечно эта Женька преувеличивает, — смущённо промолвила Зиночка. — Только трактористкой я не хочу быть. Лучше электропилищицей.

— Это не важно — кем, важно, что у тебя есть цель,

и ты стремишься её достигнуть. Вот это и есть характер. — Глубокий взгляд Нади ещё потеплел, она горячо и поспешно стала высказывать давно передуманное. — Где же, как не в труде, может лучше всего проявиться характер? Труд облагораживает, развивает человека, укрепляет его волю.

Восхищённая и растроганная, смотрела Зиночка на Устинову, чувствовала, что до самозабвения любит Надю и готова сделать всё, чтобы всегда иметь полное право на её доверие. Когда Устинова умолкла, Зиночка лукаво подмигнула и сказала, смеясь:

— Но ведь признайся, Надя, всё это ко мне ничуть не относится. Ну, разве я в самом деле такая, как ты разрисовала? Вот к Жене это подходит, я согласна. Говорят, Пелевин её помощницей мастера собирается поставить. Что ж, она, пожалуй, справится, только подучить её немножко надо... Ну, а ещё ты Федю Куканова имела в виду, да? Вот у него, по-моему, сильный характер, хотя он и робеет перед Женей. Смотри, как он работает! Залюбуешься! А главное, он всегда над чем-нибудь думает. То-есть, думают-то все, но у него это как-то особенно получается, честное слово. Вот опять часовой график изобрёл; да разве теперь он успокоится?.. — Зиночка на мгновение умолкла, затем решительно произнесла: — Да, если уж начистоту говорить, то и у тебя, Надя, сильный характер. Помнишь, как ты пришла к нам и сперва ко всему присматривалась? Мы ведь заметили, как ты волновалась... Боялась, наверно, что слушаться тебя не будут? И правда, вначале кое-кто не очень-то слушать хотел. У тебя хоть и был строгий вид, но ты же девушка, да ещё недавно из техникума, а у нас есть такие, что всю жизнь лесным делом занимаются. Они думали, что без Зотова всё прахом пойдёт. И нам, молодым, тоже интересно было, как ты руководить будешь. Глядим, — круто за всё берёшься, ну, и мы тоже подтянулись... Вот ты говоришь, что у меня есть характер, а окажись я на твоём месте — и ничего бы не вышло.

— Когда окажешься — обязательно выйдет, — уверенно сказала Устинова. — Всё зависит от тебя самой.

— Это, пожалуй, верно, — кивнула Зиночка. — А у Пелевина, по-твоему, какой характер? Я считаю, у него всё особенное и характер свой, пелевинский. Да? Знаешь,

Он очень чуткий и беспокойный. Помнишь, как Панкратова на двусменную работу переводил? Разгулов приказ написал и сейчас же в леспромхоз доложил — всё, мол, в порядке. Боялся, наверно, чтоб не опередили другие. А Пелевин после этого дни и ночи на полянке пропадал. Чуть ли не со всеми пересоветовался да всё своими руками опробовал...

— Да, с ним хорошо работать, — задумчиво сказала Надя, перебирая пальцами уголок скатерти. — Верно, мне трудно было в первые дни. Людей не знала, опыта почти никакого, а дела на участке развёртывались большие, не хотелось мне отставать. По началу Пелевин мне много помогал, больше, чем другим. Без него я бы не скоро на ноги встала...

— Ну, да ещё бы! — рассеянно сказала Зиночка и без всякого перехода спросила: — Так ты думаешь, это верно, что у Пелевина тоже есть в городе другая девушка?

Хотя вопрос был неожиданным не только для Устиновой, но и для самой Зиночки, ни та, ни другая, казалось,нисколько не удивились внезапной перемене темы. Впрочем, Устинова ответила не сразу, и это не ускользнуло от внимания Зиночки...

— Почему ты меня спрашиваешь об этом? Откуда я знаю?

— Боже мой, да ведь ты любишь его! Ты должна знать! — убеждённо воскликнула Зиночка, огорчённая и обиженная Надиной недоверчивостью.

— Да кто тебе сказал? Откуда это видно? — чувствуя, что краснеет, сказала Устинова.

— Откуда видно? А вот сейчас видно по твоему лицу. И раньше было видно, только наши девчата думали, что это наоборот: не ты, а он тебя любит, поэтому и на полянку к нам стал заглядывать редко. А ты, наверно, вообразила, что это он из-за невесты, да? — с лаской в голосе спрашивала Зиночка, стараясь заглянуть в глаза Наде. — Ну и глупенькая. Ежели бы эта невеста была, так давно бы сюда приехала. А то он полтора года здесь живёт и всё один. Ну, а если и есть у него знакомая в городе, что ж из этого? Ты всё равно лучше. Я бы на твоём месте прямо Сергею сказала: вот она, и вот я, решай...

— Как ты, Зина, можешь так говорить? — растерян-

но сказала Надя, и перед нею разом промелькнули все встречи и разговоры с Пелевиным, и мысли о нём наедине. — Нет, нет, я не хочу так... Да ведь я и не спрашивала ещё себя, люблю ли.

— Любишь! Любишь! Я же вижу, — горячо зашептала на ухо Наде Зиночка. — Ой, как я рада за тебя! И девчата будут рады, потому что... потому что все мы вас обоих любим, честное слово. Я и за Женю тоже рада, пусть бы поскорей поженились. Представляешь, муж и жена — оба трактористы. На работу — вместе, с работы — вместе, радости и неудачи пополам. Ну, как в песне, одним словом... — Вдруг её голос стих, на лицо набежала тень, и Зиночка застенчиво улыбнулась. — Давай, Надя, споём что-нибудь? «Одинокого гармониста», а?

Устинова вместо ответа крепко обняла узкие плечи Зиночки, прижалась щекой к её горячему виску, и так они просидели долго, не проронив ни слова...

XXVII.

Наступил канун Нового года. Как всегда, Снежный проснулся рано. По небу, похожему на синий прозрачный лёд, скользили разрозненные, слабые полоски северного сияния. Вскоре последние вспышки далёкого нездешнего света растворились среди потухающих звёзд. Сумерки понемногу рассеивались. День вступал в свои права.

Внешне это был обычный трудовой день, наполненный привычными для снежнянцев, непримечательными на первый взгляд, заботами и делами. Казалось, ничего особенного не было ни в том, что сегодня два гружёных состава отправились со станции ровно в пять часов утра, ни в том, что Дернов вывез за ночную смену пятьдесят кубометров, ни в том, что Пелевин полдня ездил в кабине Куканова и, не выпуская блокнота из рук, поминутно посматривал на часы... Это было понятно и не могло быть иначе, поскольку все уже знали, что часовой график — дело решённое, и технорук, закончив хронометраж на трелёвке, перейдёт затем на обрубку и так же будет спорить и советоваться с каждым, как он это делает сейчас с Кукановым. И достижение Дернова, о котором красноречиво извещала листовка «молния», удивило немногих: ведь не мог же Дернов вечно топтаться на одном месте, раз он принял вызов Куканова и дал

слово догнать его. Всё это казалось вполне естественным и неизбежным, как повторяющийся из века в век восход солнца. Но как восход всякий раз по-новому волнует и радуется человека, предвещая новый день, так и эти привычные будничные факты не могли не вызвать в людях бодрого праздничного настроения, делающего труд глубоко осмысленным и вдохновенным.

Именно с таким настроением начал этот день Пелевин, потому что он, со свойственным ему острым восприятием действительности, лучше, чем другие, видел в сегодняшних буднях признаки нарождавшегося светлого завтра. Пелевин радовался тому, что те два эшелона, отправившиеся на нижний склад точно по графику, вошли в счёт плана будущего года, что Снежный день ото дня набирает темпы, уверенно обгоняет время. И тем нетерпеливее становилось его желание поднять новогодний тост, подвести некоторые итоги. Жаль, конечно, что многое из задуманного не осуществилось в минувшем году, но всё-таки год прожит не даром. Предчувствие больших перемен жило теперь в каждом, и Пелевин знал, что сегодня уже любой из снежнянцев думает о предстоящих трудностях и победах так же, как думает об этом и он. И ещё он знал, что, кроме этих общих, одинаково близких всем забот, у каждого были свои личные заботы и радости, о которых не принято говорить вслух даже в канун Нового года.

... Григорий Александрович Разгулов, проведший вторую бессонную ночь, явился сегодня в контору с больной головой и, вопреки собственному решению немедленно ехать в трест и просить нового назначения, целый час подписывал служебные бумаги и затем ещё час толковал с бухгалтером о себестоимости кубометра снежнянской древесины. В общем выходило, что себестоимость, благодаря переходу на двусменную работу и начатому внедрению хозрасчёта на делянках, неуклонно снижалась, и Разгулов, по старой привычке, не преминул записать в блокнот некоторые цифры, чтобы при случае похвалиться ими перед начальниками других лесопунктов. Потом он вспомнил о новогоднем приказе, и всё пережитое за последние два дня мгновенно пронеслось у него в голове. Горечь и стыд, обида и неостывшее возмущение разом отразились на помрачневшем лице Григория Александровича. Он медленно достал из ящика черновик приказа и стал его

читать... Нет, он не мог вот так сразу уехать в трест, не мог допустить, чтобы приказ дописывал кто-то другой. Мысль об этом была невыносима, казалась Разгулову унижающей его достоинство. В конце концов, это его неотъемлемое право — подвести итоги сделанному, награждать людей, присутствовать на новогоднем торжестве.

Григорий Александрович взял перо, но через минуту отложил его в сторону. Нет, не с этого нужно начинать. Он должен показаться на делянках, увидеть Пелевина, выяснить их взаимоотношения. По крайней мере, легче станет на душе, когда он поговорит с Сергеем Павловичем начистоту. Пусть не думает парторг, что Разгулов на всё махнул рукой. А ошибки... у кого их не бывало? Впредь он будет осмотрительнее...

А Пелевин в это время сидел на берёзовом чурбаке за штабелем, вычерчивая в блокноте извилистые линии трелёвочных волоков. Сергею Павловичу было ясно, что успех часового графика в конечном итоге будет решать трелёвка, и потому он особенно тщательно сверял свои подсчёты с данными Куканова. Обрубка сучьев, являвшаяся когда-то не менее «узким» местом, сейчас не беспокоила Пелевина. Возможно, придётся сюда добавить одного-двух сучкожогов, а более квалифицированных рабочих перевести в подготовительно-монтажную бригаду.

Держа раскрытый блокнот на коленях, Сергей Павлович подышал на озябшие пальцы и выглянул из-за штабеля. Устинова стояла на площадке рядом с Капой и что-то ей говорила, показывая на искривлённое дерево, минуту назад очищенное от сучьев. Наверно, советовала, как лучше произвести распил, чтобы выкроить из уродливой ели делсовой сортимент. Пила раскряжёвщика с весёлым жужжанием впилась в ствол. Неужели Надя не оглянется? Вот она спрыгнула с площадки и направилась к электростанции. Пелевин привстал и негромко окликнул:

— Надежда Николаевна!

Она обернулась, узнала его серую армейскую шапку и пошла навстречу. На её лице появилась улыбка, густые ресницы чуть прикрыли потеплевший взгляд.

Пелевин стоял перед ней, держа раскрытый блокнот, но мысли его были далеки от каких-либо цифр.

— Надя, у меня к вам просьба... Мама ничего ещё

вам не говорила? Приходите сегодня к нам встречать Новый год. У нас уже и ёлка готова. Будут все знакомые.

— Да, Екатерина Андреевна мне говорила. Конечно, я приду, — просто сказала она. — Только как же?.. Воронков на свадьбу меня приглашал. Отказаться неудобно.

— А вы и не отказывайтесь. Я тоже на свадьбе буду. Поздравим молодых — и к нам. Воронкова надо, пожалуйста, отпустить после обеда, хлопот ему много предстоит. Неужели девчата не догадаются помочь?

— Уже догадались. Женя подсказала...

— Ну и отлично. — Пелевин признательно взглянул на девушку и вдруг застенчиво улыбнулся. — Честное слово, я никогда не испытывал такого праздничного настроения, как сегодня. Наверно, будущий год тоже будет какой-то особенный. Вот увидите, чудесный будет год...

— Это всегда кажется так, — почему-то взволнованная его словами, сказала Надя. — Наверно, у вас большие мечты?

— Да, конечно, очень большие. И первый тост я подниму за то; чтобы все они осуществились. А вы за что будете пить?

— За то же самое. Чтобы наши мечты обязательно осуществились...

Примерно в эту же минуту Володя Воронков, с утра не разгибавший спины, решил немного передохнуть. Присев на пень, он удовлетворённо окинул взглядом падеку, заваленную деревьями, и достал из кармана папиросу. Шурик, не слыша знакомого стремительного звука работающей пилы, тоже опустил топор и сел на кучу вырубленного кустарника, шагах в десяти от Володи. Подойти к нему Шурик почему-то не решился. За полдня они не обменялись и пятью фразами, хотя Шурику не терпелось сегодня поговорить. Ему казалось, что Воронков, вернувшись из Крутой Горки, всё ещё не может прийти в себя, и было бы бестактным приставать к товарищу с расспросами.

Между тем Володя находился в отличном настроении. Если позавчера, мечтая о встрече с Галей, он ощущал некоторое беспокойство, то сейчас он был спокоен и счастлив. Всё вышло гораздо проще и лучше, чем он

предполагал. Галя он нашёл на квартире её дальних родственников. Присутствие посторонних поневоле заставило их быть внешне сдержанными, но, разумеется, не помешало им вполне выразить взглядами свои чувства. Галя была всё та же: оживлённое, задорное лицо, уверенные жесты, серые глаза, смотревшие тепло и немного тревожно. Они как бы спрашивали Володю: «Что же дальше?..». Володя медлить не стал, поблагодарил хозяев за гостеприимство, подхватил Галины чемоданы и, хотя час был поздний, направился на станцию. Галя несла, кроме того, узелок с домашней снедью, которою её снабдила мать. Володя понимал, что бодрое настроение Гали во многом будет зависеть от того, насколько быстро сумеет он доставить её на место. Задержки и проволочки на станции, да ещё в ночное время, могли на неё подействовать неприятно. К счастью, в тупике Володя заметил комфортабельную теплушку директора леспрохоза. Он сейчас же позвонил директору, который когда-то принимал на работу выпускников школы ФЗО, объяснил ему своё положение, и через десять минут теплушка была прицеплена к порожняку, возвращавшемуся в Снежный.

Так оказалась Галя в посёлке. В пути они говорили о посторонних предметах, поскольку попутчики были им незнакомы. Однако в случайные, безличные слова они вкладывали свой, понятный им одним смысл, дополняя недосказанное взглядами. Все сомнения исчезли, и оба наслаждались своей близостью, не думая о том, что ожидает их завтра. И только уже при выходе из вагона в Снежном Галя спросила:

— Куда же мы сейчас, ночью-то?..

— Домой, — гордый тем, что имеет право это сказать, ответил Володя и добавил вполголоса: — Понимаешь, домой, к себе... Твой дом теперь здесь.

Как он и ожидал, вид залитого огнями Снежного поразил Галю. Володя поставил чемодан на снег и тоном хозяина объяснил:

— Вот это и есть наш Снежный. Красиво, правда? Отсюда видно плохо, но завтра мы пройдемся по улицам, посмотрим. Вон клуб, видишь? А это магазин, дальше столовая, тут общежитие. Медпункт сейчас не разглядишь, он пока в старом помещении находится. А вон

и наш дом. Жаль, все снят, огней нет, а то я бы тебе показал наши окна. Ну, пошли.

Момент, когда Володя новеньким ключом отпер свою квартиру и, перешагнув порог, включил свет, был поистине незабываемым для обоих. На мгновение ослеплённая Галя прислонилась спиной к косяку и медленно обвела взглядом комнату. Всё было как подобает и, кажется, на своём месте: кровать, непокрытый стол, стулья, даже марлевые занавески на окнах. Конечно, так сразу, да ещё без неё, Володя не мог всё устроить в совершенстве, и Галя воздержалась от критических замечаний. Но Володя угадал её мысли и, плотно притворив дверь, сказал:

— Обои куплены, ты не беспокойся, хоть завтра можно оклеить стены. Занавески эти временные, комод я заказал. Ведь квартиру мне дали недавно, я не успел ещё всё сделать.

— О чём ты? — спросила она. Нет, что ты, здесь очень хорошо!

Уснули они поздно. А утром, чуть свет, пришла Жени Милютина, с уважением подала руку Гале, неодобрительно оглядела голые стены и, отозвав Володю в коридор, учинила ему настоящий допрос:

— Свадьбу-то думаешь справлять?

— Непременно, — кивнул Володя.

— А тарелки, вилки и всё прочее есть?

— Кое-что есть, — замялся он.

— Кое-что... А закуску кто будет готовить? На buffet ты особенно не надейся, да и вообще без домашнего угощения свадеб не бывает. А стены почему не оклеил? Ты бы сказал — помогли бы. Эх, ты!

— Не успел, — виновато сказал Володя.

— Ну, ладно, мы всё это устроим. Предупреди Галину: придут к ней наши девчата, пусть ими командует и заодно познакомится с ними лучше.

Володя в этот день работал с упоением. «Теперь мы заживём, — думал он, утапывая снег вокруг очередной ели. — Характер у Гали общительный, с девчатами она быстро сойдётся. Вот только с Зиночкой как быть? На свадьбу она, конечно, не придёт, да это, пожалуй, и лучше. Как она утром-то поздоровалась со мной... Поздравляю, говорит, а у самой на глазах слёзы. Неужели на-

всегда дружбе конец? Должна же она кого-нибудь по-любить, мало ли хороших ребят...».

Он привычным движением направлял в ствол бешено крутившуюся зубчатую цепь, и казалось ему, что сегодня она врезается в промёрзлое дерево вдвое быстрее и легче, чем позавчера...

Шурик не вытерпел, подошёл и сел рядом с Володей. Переглянулись — и оба вдруг рассмеялись. Володя бросил окурочек и великодушно предложил:

— Ну-ка, бери пилу, попробуй валить сам. Бери, бери, не бойся, ты же умеешь. Давай сюда вилку, я буду помогать.

Шурик бережно поднял пилу. Руки его чуть дрожали, когда он проверял, не слишком ли туго натянута цепь. Подходя к дереву, ещё раз оглянулся на Володю, не шутит ли он.

— Так, хорошо. Заруб готов. Теперь переходи на другую сторону... Стой, а кабель у тебя где очутился? Этак живо деревом придавит. Перетяни к себе... Так, начинай теперь... Э, нет, косой рез получается, отставить. Имей в виду, при косом резе ты правильно ель не уронишь, она у тебя в сторону пойдёт. Пилу держи свободно, зря не нажимай. Ну, давай...

Володя упёрся валочной вилкой в ствол, не спуская глаз с Шурика.

— Стоп! Оставляй недопил не меньше трёх-четырёх сантиметров, иначе, брат, сам бог не угадает, куда твоё дерево упадёт. А нам его надо уложить как по линейке, понял? Вот так.

Ель, подпираемая вилкой, дрогнула, несколько секунд постояла неподвижно, как бы раздумывая — куда бы помягче упасть, и вдруг стремительно понеслась вниз. Шурик, радостно улыбаясь, оглянулся на Володю и снова включил мотор.

XXVIII.

Женя, заметно волнуясь, перелистывала исписанную аккуратным почерком тетрадку.

— Я-понимаю, Сергей Павлович, что ничего страшного в этом нет, а всё-таки боюсь. Не напутать бы...

— Если в тетрадь будешь часто заглядывать, пожалуй, напутаешь, — шутиливо проговорил Пелевин. — Ты

своими словами рассказывай, не стесняйся. Люди же кругом свои.

— Вот то-то и плохо, что свои, — улыбнулась Женя. — Знаете, какие у нас ребята придирчивые? Ну, ладно, я на вас иногда буду поглядывать, чтобы не сбиться.

— Нет уж, лучше не поглядывай, не то и в самом деле собьёшься. Иди, иди, народ ждёт. — Он посмотрел на часы. — Двадцать минут в нашем распоряжении осталось, пора начинать.

Женя озабоченно свернула тетрадку в трубочку и пошла к костру, вокруг которого сидели лесорубы. Обычно агитаторы проводили беседы в теплушке, но сегодня в сборе был весь участок, пришлось разместиться на открытом воздухе. Сидели на брёвнах, на охапках хвои, а кто и просто на корточках. Тесной кучкой уселись близ костра друзья-приятели — Куканов, Володя, румяный Шурик, Кочергин, Геня Чердынкин, Теребов. Напротив, такой же кучкой, расположились девушки, среди них, молчаливая и тихая, Зиночка. Опущенный взгляд её был устремлён на огонь, рукой она машинально подбрасывала в костёр свежие еловые ветки.

Лесорубы постарше устроились отдельно, позади молодёжи. С неизменно строгим выражением худого костистого лица раскуривал трубку Алексей Степанович Фалевский. Однако, едва только Женя вошла в круг, строгие глаза механика оживились. Он перед тем дал Жене несколько советов, как вести беседу, и теперь беспокоился, не ударила бы она лицом в грязь. Тем более, что Алексей Степанович уже пообещал написать ей рекомендацию в кандидаты партии.

Пелевин стоял чуть поодаль, прислонясь плечом к будке. Кто-то тронул его за рукав — Пелевин увидел Разгулова. Тот молча протянул ему руку, спросил, кивнув на Женю:

— О чём пойдёт речь?

— О нас, о Снежном... Ты не спешишь? Интересно послушать.

— Пожалуй, — сказал Разгулов; он помолчал, думая, что Пелевин первый заговорит о происшедшем на партийном собрании. Но Сергей Павлович только улыбнулся — дружески, как всегда.

— А я ведь по делу пришёл, — после неловкой паузы

сказал Григорий Александрович, роясь в карманах. — Письмо тебе принёс. Вот. Ни за что не угадаешь, от кого.

— Тут нечего и гадать: от Зотова, — обрадовался Пелевин. — Давно жду. Что же он пишет?.. Домой, по-ди-ка, просится?

— Куда там! — шевельнул густыми бровями Разгулов. — Пишет, чтобы раньше весны не ждали. Решил, наверно, до инженера дойти. Видать, понравилась Прокопию Ивановичу учёба. Ну, понятно, там мозги крепко просветляются, зарядку основательную дают. В письме он кое-какие советы даёт, по-моему — дельные. Насчёт двусменной работы... Между прочим, он всему участку письмо адресует, полезно бы вслух прочесть.

— Обязательно. Вот Женя закончит беседу, прочту... Нет, Прокопий-то Иванович каков! Небось, и в самом деле до инженера дойдёт. Надо и нам, Григорий Александрович, опять за парту садиться, как ты думаешь? Весной непременно на учёбу поеду, пора.

Разгулов встретился глазами с техноруком и, хитро улыбнувшись, твёрдо проговорил:

— Весной — моя очередь ехать, придётся тебе немного подождать.—И, видимо, считая этот вопрос решённым, добавил: — Там новогодний приказ, Сергей Павлович, лежит, дописать бы надо... Ты когда освободишься?

— А вот у Панкратова побываем — и в посёлок. Вместе допишем...

— Товарищи, — войдя в круг, начала Женя и сразу же запнулась, потому что привыкла называть своих сверстников ребятами, а старших — по имени-отчеству; слово «товарищи» показалось ей излишне официальным, но она вспомнила, что так у неё написано в тетрадке, и уже увереннее продолжала:

— Товарищи, мы с вами живём в незабываемые дни. Смотрите, отовсюду идут радостные вести о досрочном выполнении годовых производственных планов. Всё шире развёртываются работы на Волге и Днепре. По новым каналам, по искусственным морям, созданным волей советских людей, уже пошли корабли. В любом уголке нашего необъятного Союза идёт огромное строительство. Стране нужно много, очень много леса...

Женя повертела в руках тетрадку, но заглянуть в неё на виду у всех постеснялась. Лицо её раздумянилось — то ли от мороза, то ли от волнения. Лесорубы

притихли. Пелевин, переглянувшись с Разгуловым, опустился на корточки возле будки, а Григорий Александрович подошёл поближе к костру.

Женя, поминутно поворачиваясь так, чтобы всех видеть, окрепшим голосом продолжала:

— Помните, осенью мы дали слово выполнить сезонное задание к 20 марта и дать сверх плана шесть тысяч кубометров. Как же мы держим своё слово? Начнём с трактористов. Месяц назад у нас только и слышно было: Куканов, Куканов... А теперь? Теперь уже Куканову трудно удерживать переходящий флажок. Вчера, к примеру, флажок едва не очутился у Дернова, а за Дерновым вплотную идут Кочергин и Четвериков. Конечно, Куканов так просто первенства не уступит, всем известно. Но была бы я трактористкой, первенство у него отобрала бы. А чем же другие хуже? Не может того быть, чтобы другие меньше Куканова за обязательство болели... — Женя посмотрела на трактористов и внезапно угрозила им свёрнутой в трубку тетрадью. — Вот перейдут сучкорубы на часовой график, темпы у них ещё выше будут, — попробуйте только нас подвести! — И, повернувшись ко всем, с прежним подъёмом продолжала: — Помните, в своём обязательстве мы обещали совершенствовать технологию, внедрять новые методы труда, овладевать мастерством. Кое-что мы сделали, но это, товарищи, пока ещё начало. Мы применили трелёвку с кронами — раз, — Женя загнула один палец. — Перешли на двусменную работу — два. Погрузку механизировали — три. Ну и, главное, добились, что теперь у нас все рабочие выполняют нормы, — четыре. А Панкратов всё-таки на первом месте! Как же так получается? Или особенные у него люди? Вовсе нет! Уж если говорить прямо, то таких трактористов, как Куканов, у Панкратова сроду не бывало, во-вторых, лучший электропильщик лесопункта, Воронков, тоже у нас работает. Да и механик там, сами знаете, не чета нашему Алексею Степановичу...

— Выходит, у нас люди особенные? Ох, и загнула, — укоризненно покачал головой Фалевский.

— Да нет, я не к тому, — смутилась Женя. — Конечно, у Панкратова тоже имеются отличные работники, но и у нас есть с кого пример брать. Вот я к чему... Если бы все так работали, как Воронков или Куканов, разве мы были бы на втором месте? Подумайте-ка сами...

— Ясно, на первом, — солидно подтвердил Коля Ветров.

— Тут нечего и думать, — пожал плечами Кочергин.

— Так вот, надо нам всем учиться у передовиков, да побыстрее. Ведь сколько ещё дел впереди! — воскликнула Женя и опять было хотела загибать пальцы, но тут же раздумала, боясь упустить главную мысль. — Нас государство всем обеспечило: техникой, прекрасными жилыми домами, высокими заработками. Знай трудись. Надо нам Снежный на первое место среди всех лесопунктов вывести. А за Снежным — леспромхоз, за леспромхозом — трест, а там и другие тресты за нами потянутся. Подсчитай-ка, сколько тогда лесу стране прибавится? Миллионы кубометров, вот сколько! А из миллионов можно целые города построить, не одну гидростанцию соорудить. Вот о чём наши мысли!

— Правильно, Милютин! — грохнул сзади Разгулов и энергично взмахнул сжатой в кулак рукой. — Знай наших! Давай дальше.

— А дальше, — ободрённая поддержкой, сказала Женя, — надо нам обязательство своё пересмотреть. Прежние сроки нам теперь никак не подходят. На Берёзовском лесорубы взялись к 1 марта сезон завершить, ну, а у нас и подавно есть все возможности к 25 февраля закончить план. Как по-вашему, товарищи! Ну-ка, что скажете, трактористы?

В кучке трактористов произошло минутное замешательство. Куканов переглянулся с Кочергиным, Кочергин — с Четвериковым, а Дернов сказал:

— Ответь, Федя.

И тогда встал Куканов. Широкий в плечах, серьёзный, неторопливый, он уверенно оглядел тесный круг людей, твёрдо произнёс:

— Трактористы не подведут, можете положиться.

— А электропилищики? — спросила Женя.

— За ними задержки не будет, — тряхнул головой Воронков.

— А обрубщики как?

— Что же спрашивать? — за всех ответила Зиночка. — Прежде мы разве подводили?

Отовсюду раздались возбуждённые, весёлые голоса. Женя стояла в середине людского круга, и радостная улыбка озаряла её раскрасневшееся счастливое лицо...

Володя так спешил, что по дороге повредил у ёлки добрую половину веток. Он то брал её в охапку, то волоком ташил, то ставил на плечо и, балансируя, несколько замедлял шаг, чтобы перевести дыхание. Бурная радость кипела в его груди, и он бы, наверное, запел, если бы не встречные люди. Они и без того, завидя Володю, да ещё с ёлкой, понимающе улыбались ему, а сверстники без стеснения подмигивали и уж затем дружески пожимали руку, поздравляя с женитьбой. При этом Володя всякий раз смущался, хотя ему к таким поздравлениям пора было бы и привыкнуть. Всё происходящее казалось ему столь необычным, что он совершенно не представлял, как надо будет вести себя вечером, в присутствии многочисленных гостей. Впрочем, ему ещё легко, здесь он свой человек, а вот каково будет Гале? Чего стоит один Разгулов! Чего доброго, выступит с речью насчёт процветания Снежного и других выступить заставит. Ну, да это уж никакого отношения к свадьбе иметь не будет, это касается Нового года. А вот Новый год без речей не встречают.

Володя с трудом протасил ёлку в дверь и облегчённо вытер испарину со лба. Он увидел накрытый белой скатертью стол, а на нём — аккуратно расставленные тарелки, стаканы и стопки. Гали в комнате не было.

«На кухне, наверно», — улыбнулся Володя и обвёл взглядом стены. Они были попрежнему голы, но на окнах занавески висели не так, как их повесил Володя, над кроватью появился коврик, над тумбочкой — зелёный пейзаж кисти неизвестного художника, пока без рамки. Володя поставил ёлку в передний угол и сбросил с плеч телогрейку. Решил уж идти на кухню, но, обернувшись, увидел на пороге Галю.

Разрумянившаяся от плиты, в стареньком коротком халатике, в пёстром переднике, она представилась Володе совершенно иной, чем он некогда её видел. И было в ней что-то родное, близкое, чего Володя не чувствовал до сих пор, и что теперь так ясно выражалось во всём её облике, даже в том, как она просто, по-домашнему осведомилась:

— Ты почему так рано? Отпустили разве?

— Ну, ясно, отпустили, — сказал Володя. — Не бес-

покойся, норму я выполнил ещё до обеда... Ох, какая же ты сегодня, Галя! Прямо необыкновенная.

— Отчего же необыкновенная?—чуть смущённо спросила Галя, поправляя передник.

— Отчего — не знаю, а только какая-то другая. Это оттого, наверно, что мне сегодня всё кажется чудесным. Гляди, какую ёлку я принёс. Километров пять на себе тащил.

— Ёлка, правда, хорошая, только чем же мы её украсим?

Не мог же Володя сказать, что ёлка хороша и без украшения. На мгновение он задумался. Наконец, выход был найден:

— А мы её электрифицируем. Увидишь, как чудесно получится.

Галя вдруг озабоченно наморщила лоб, с затаённым беспокойством спросила:

— Расскажи ты мне, кто у нас будет сегодня? Я ведь никого не знаю.

Володя поудобнее уселся, хотел рассказать о каждом из гостей подробно и деловито, однако серьёзный тон положительно не давался ему в этот необычайный день.

— Будут всё свои люди. Главное, ты не волнуйся, они про тебя давно знают. В пять минут перезнакомишься со всеми. Ну, взять хотя бы начальника лесопункта Разгулова. По виду он — бука, словно ему и на людей не хочется глядеть, а сам ни одной свадьбы не пропустит. В общем, немножко строгий начальник, зато как человек — душа нараспашку. Ты сама увидишь. Он ещё позавчера поздравил меня с законным браком, когда ключ от комнаты вручал...

— Он сам и вручал?

— Да, сам. Говорит: строй себе отдельный дом, всем помогу. А тебе обещал летом новую больницу выстроить — не хуже, мол, городской будет. В общем, хороший человек. — Вспомнив нашумевшую историю с вагонами, Володя смутился и не совсем уверенно повторил:—ты сама увидишь, какой он, передать на словах трудно. А про Сергея Павловича Пелевина я тебе уж рассказывал. Он, наверно, за начальника останется, если Разгулова учиться пошлют. Был тут у нас недавно замполит, сказал, что нынче многим переучиваться придётся, знания обновлять. С Пелевиным мы шагнём! Крепко шагнём!

Да, чуть не забыл: у Сергея Павловича, наверно, скоро своя свадьба будет. Люди говорят, да я и сам вижу, что с Устиновой у пего не просто дружба... любят они друг друга, по-моему. Одно непонятно: оба они люди прямые, смелые, а вот чувства своего почему-то стесняются.

— Когда по-настоящему любят, всегда стесняются, — сказала Галя, очевидно, вспомнив собственное первое знакомство с Володей.

— Да, это верно, — кивнул Володя. — А ты любишь меня?

— Ты же о гостях хотел рассказать, причём тут я? — попробовала она отшутиться, но Володя упорно не спускал с неё ставшего серьёзным взгляда; не выдержав, Галя усмехнулась, ласково произнесла: — Какой ты, право. Если бы не любила, зачем бы я приехала к тебе?

— Действительно, — смеясь, согласился Володя. — Ведь сегодня наша свадьба. А главное — ты сидишь рядом, да ещё в этом халатике, который надевают только дома. А вот, шёл я сейчас из лесу и вдруг подумал: явлюсь я, и вдруг моей Гали и след простыл. Придёт же в голову такая нелепость... Нет, правда, не скучно тебе здесь?

— У меня такое чувство, словно я уже давным-давно в Снежном. Теперь только бы поскорей познакомиться с людьми.

— Познакомишься — и вовсе почувствуешь себя дома. Подожди, после Нового года я тебя в лес возьму с собой, поглядишь, как мы работаем. Может, и самой захочется электропилой поработать. Извини, опять я не то говорю... Значит, так: Устинова и Пелевин непременно придут, затем Куканов с Женей. Девчат ты уже знаешь, а о ребятах и говорить много нечего. Чудесный народ. Куканов с баяном явится, заиграет, — ноги сами в пляс пойдут. Разгулов наверняка первый выскочит — любит лихость свою показать. А уж Зиночка и подавно... — Володя осекся и быстро взглянул на Галию; она задумчиво перебирала пальцами передник и, повидимому, тщетно пыталась представить себе людей, которых перечислял Володя. При слове «Зиночка» Галя вопросительно и чуть удивлённо подняла брови.

— Все её так называют — не Зина, а Зиночка. Зин у нас много, а Зиночка одна. Она весёлая очень. Частушки любит петь и вообще — славная девушка...

Володя снова умолк, раздумывая, говорить ли Галё о своей дружбе с Зиночкой. «Нет, скажу в другой раз», — решил он, вставая.

— Так, значит, сюда ёлку поставим? Эх, забыл Куканову про аккумулятор сказать! Ну, ничего, успеем. Да, вот что, Галочка, в семь часов в клубе состоится торжественное собрание. Разгулов поздравительный приказ написал. Наверно, из леспромхоза поздравлять будут. Годовой план мы перевыполнили, да и сезонное обязательство решили завершить до срока. И завершим, раз дали слово.

Володя подошёл к окну: видны были две улицы — одна уходила к лесу, другая — к станции. Землю обволокли синие зимние сумерки. Кое-где на путях уже зажглись огни, и там сумерки были бессильны в борьбе со светом: чем темнее ночь, тем ярче и всеelse светятся электрические лампочки на столбах, указывая дорогу уходящим и прибывающим поездам. В лесу сейчас тоже, наверно, зажглись огни, и люди только тогда вспомнят, что на дворе ночь, когда увидят над головой усеянное звёздами небо. Володя невольно поднял глаза к небу: оно сегодня совершенно чистое, но звёзд на нём пока ещё мало — лишь Полярная, мерцающая, торжественно сияет над посёлком. Хотя окна домов ещё не озарились светом, Володя знал: в каждом доме, в любой квартире идёт предпраздничная суэта. Женщины застилают столы новыми скатертями, возятся у плит, развёртывают покупки и ежеминутно поглядывают на дверь: не идёт ли хозяин. Дети украшают ёлки и с замиранием сердца гадают, что принесёт им Дед-Мороз. Сколько тостов будет произнесено сегодня в Снежном! Да и только ли в Снежном?

Внезапно Володя приник лицом к стеклу и радостно улыбнулся. С улицы отчётливо донеслись знакомый перестук мотовоза и долгий пронзительный звук сирены. Это лесорубы дневной смены возвращались в посёлок, и то в одном окне, то в другом загорался свет. Володя тоже бросился к выключателю. И вскоре весь Снежный озарился огнями, и ночь, только что надвигавшаяся на посёлок, отступила далеко в лес.

